

2000-07-07

Enheten för Central- och Östeuropa (EC)

Daniel Larsson

Telefon 08-405 3153

B. Dokument från centralkommitténs arkiv

B01	1946-12-13	Samtal med svenska ambassadrådet Barck-Holst med bilaga (ur S. Lozovskijs dagbok).
B02	1952-03-18	Skrivelse från A. Vysjinskij till Stalin med bilaga.
B03	1952-04-12	Förordning av centralkommitténs politbyrå. Om svar på den svenska regeringens note rörande R. Wallenberg.
B04	1952-06-10	Skrivelse från A. Vysjinskij till Stalin med bilaga.
B05	1953-02-12	Samtal med svenske ambassadören Sohlman och ambassadrådet Euler-Chelpin (ur A. Vysjinskijs dagbok).
B06	1952-07-29	Förordning av centralkommitténs politbyrå. Om svar på svensk note från den 23 maj 1952 rörande R. Wallenberg.
B07	1955-03-05	Uppteckning från samtal mellan Bulganin och ambassadör Sohlman.
B08	1956-03-01	Förordning av centralkommitténs presidium. Om svar till den svenska regeringen rörande R. Wallenberg.
B09	1956-03-09	Note från svenske utrikesministern Undén, överlämnad till Sovjetunionens ambassadör Rodionov.
B10	1956-03-19	Svarsskrivelse från det sovjetiska utrikesministeriet till Sveriges ambasad.
B11	1956-03-22	Promemoria från det sovjetiska utrikesministeriet (M. Gribanov) rörande R. Wallenberg.
B12	1956-03-29	Ur sovjetiska utrikesministeriets promemoria inför förhandlingar med den svenske statsministern

2000-07-07

		Erlander under dennes besök i Moskva.
B13	1956-03-30	Uppteckning från samtal med den svenske inrikesministern Hedlund (ur Molotovs dagbok).
B14	1956-03-31	Skrivelse från Molotov till centralkommittén med översättning av material rörande R. Wallenberg som överlämnats av den svenske inrikesministern Hedlund 1956-03-30.
B15	1956-04-03	Samtal med den svenske inrikesministern Hedlund (ur Molotovs dagbok).
B16	1956-04-03	Förordning av centralkommitténs presidium. Om svar till den svenska regeringen rörande R. Wallenberg.
B17	1956-05-03	Förordning av centralkommitténs presidium. Om svar till den svenska regeringen rörande R. Wallenberg.
B18	1957-02-02	Förordning av centralkommitténs presidium. Utkast till svar till den svenska regeringen rörande R. Wallenberg.
B19	1957-02-05	Förordning av centralkommitténs presidium. Utkast till svar till den svenska regeringen rörande R. Wallenberg.
B20	1957-02-07	Uppteckning av samtal den 6 februari 1957 med ambassadör Sohlman med bilaga (ur Gromykos dagbok).
B21	1957-02-19	Uppteckning av samtal med ambassadör Sohlman den 19 februari 1957 med bilaga (ur Zacharovs dagbok).
B22	1957-04-04	Förordning av centralkommitténs presidium. Utkast till note till Sveriges ambassad i Moskva rörande R. Wallenberg.
B23	1958-05-04	Skrivelse från Gromyko till centralkommittén med bilaga.
B24	1958-05-13	Förordning av centralkommitténs presidium. Utkast till meddelande till Sveriges ambassadör i Moskva i samband med ett brev från R. Wallenbergs mor.
B25	1959-02-21	Skrivelse från Gromyko och Sjelepin till centralkommittén med bilaga.
B26	1959-02-27	Förordning av centralkommitténs presidium. Om

2000-07-07

		svar på note från den svenska ambassaden av den 9 februari 1959 rörande R. Wallenberg.
B27	1959-06-22	Förordning av centralkommitténs presidium. Utkast till muntlig förklaring till Sveriges ambassadör rörande R. Wallenberg.
B28	1961-02-25 (660/GS)	Uppteckning av samtal mellan Chrusjtjov och Sveriges ambassadör Sohlman med bilaga.
B29	1964-05-27	Uppteckning av samtal med Sveriges ambassadör Jarring den 26 maj 1964 (ur Kovaljovs dagbok).
B30	1964-06-07	Skrivelse från Gromyko till centralkommittén, med bilaga.
B31	1964-06-10	Förordning av centralkommitténs presidium. Om muntlig förklaring till Sveriges ambassadör rörande R. Wallenberg.
B32	1965-04-29	Skrivelse från Kuznetsov till centralkommittén med bilaga.
B33	1965-05-07	Förordning av centralkommitténs presidium. Om svar på brev från svenske statsministern Erlander rörande R. Wallenberg.
B34	1965-05-12	Uppteckning av samtal mellan professor Mjasnikov och ambassadör Jarring den 11 maj 1965.
B35	1965-05-29	Utdrag ur promemoria från det sovjetiska utrikesministeriet "Om Sveriges utrikespolitik och de sovjetisk-svenska relationerna", rörande R. Wallenberg.
B36	1965-06-01	Skrivelse från Gromyko till centralkommittén med bilagt utdrag ur det sovjetiska utrikesministeriets promemoria inför samtal med svenske statsministern Erlander.
B37	1965-06-21	Uppteckning av samtal med Sveriges ambassadör Jarring den 19 juni 1965 (ur Bondarjas dagbok).
B38	1965-07-10	Uppteckning av samtal mellan professor Mjasnikov och svenske professorn Swartz.
B39	1979-01-22	Skrivelse från Maltsev till centralkommittén.
B40	1979-01-23	Förordning av politbyrån. Om svar till Sveriges regering rörande R. Wallenberg.
B41	1979-09-07	Skrivelse från Gromyko till centralkommittén.
B42	1979-09-18	Förordning av politbyrån. Om svar till Sveriges statsminister Ullsten rörande R. Wallenberg.

2000-07-07

B43	1986-07-24	Förordning av centralkommitténs politbyrå. Om svar på hänvändelse från Sveriges statsminister Carlsson betr. R. Wallenberg.
-----	------------	---

Из дневника С.А.Лозовского
13.XII.1946 г.

Прием советника Шведской Миссии Барк-Хольст.

Советник Шведской Миссии Барк-Хольст просил меня о приеме. Полагая, что он хочет говорить со мной по вопросам информации 13 декабря я его принял.

Барк-Хольст сообщил мне, что 15 июня бывший посланник Швеции в Москве Седерблум, будучи на приеме у генералиссимуса Сталина поставил перед ним вопрос о местопребывании бывшего секретаря Шведской Миссии в Будапеште Рауля Валленберга. После вступления Красной Армии в Будапешт он явился к советским военным властям и с тех пор в Швеции нет о нем никаких сведений. Поэтому Седерблум и обратился к генералиссимусу Сталину с просьбой нельзя ли выяснить где находится Валленберг.

Генералиссимус Сталин тогда ответил Седерблуму, что он поручит выяснить этот вопрос. Сейчас уже 13 декабря, а Шведская Миссия до сих пор никаких сведений по этому вопросу не получила. Между тем семья и родственники Валленберга осаждают Министерство Иностранных дел в Швеции, в дело вмешивается уже печать, возможен запрос в Парламенте. Барк-Хольст не хотел бы, чтобы после заключения шведско-советского торгового соглашения в шведской прессе или парламенте был поднят вопрос о Валленберге.

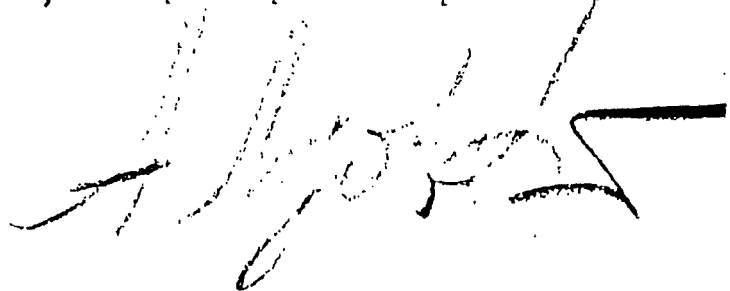
Я разъяснил Советнику, что он обратился не по адресу, поскольку я уже несколько месяцев не работаю в

Министерстве Иностранных Дел, а Советское Информбюро не имеет никакого отношения к такого рода делам. Такого рода вопросы подлежат компетенции Министерства Иностранных дел.

На это Советник ответил, что он обратился ко мне по двум причинам: во-первых потому что я присутствовал на приеме Седерблума генералиссимусом Сталиным, во-вторых потому что я занимаюсь шведской печатью и могу поэтому судить о начинающейся по этому вопросу кампании. Он хотел бы по этому вопросу поговорить с г-ном Деканозовым, но последний вследствие занятости не смог его принять и ввиду этого он пришел ко мне.

Я еще раз сказал Советнику, что он обратился не по адресу, ибо такого рода вопросы не подлежат компетенции Совинформбюро. Но то, что он мне сказал я, конечно, передам в Министерство Иностранных дел.

На этом беседа и закончилась. Уходя он оставил мне два следующих документа, которые при сем прилагаются.

A large, stylized handwritten signature in black ink, likely belonging to the official mentioned in the text.

Документ № I

В направленном бывшему в то время шведскому посланнику в Москве г.Стаффану Седерблум отношении от 16 января 1945 года Заместитель Министра Иностранных дел г.Деканозов имел любезность сообщить, что шведский подданный, секретарь Шведской Миссии в Венгрии, Рауль Валленберг, обнаружен в занятой советскими войсками части г.Будапешта, по ул. Бенцур, и что меры по охране г.Р.Валленберга и его имущества приняты советскими военными властями. На сделанные затем многочисленные запросы со стороны Шведской Миссии в отношении Валленберга никаких сведений, однако, от надлежащих советских органов о результатах наведенных справок о Валленберге получены не были.

15 июня 1946 г. Генералиссимус Сталин принял посланника Седерблум и, вследствие его просьбы, обещал дать указания о розыске Рауля Валленберга.

Ввиду того, что почти два года прошло с тех пор, как Рауль Валленберг был взят под охрану советскими военными властями и еще никакие сведения о нем не представлены, случай Валленберг привлекал внимание шведского общественного мнения. В связи с представленным в шведском риксдаге запросом относительно Валленберга, Премьер-Министр представил отчет о принятых по розыску мерах, как явствует из приложенного в переводе меморандума.

Представляя эту повторную просьбу по изложенному делу подчеркивается, что Шведское Правительство находит, что оно вправе ожидать определенный ответ в отношении результата принятых мер по розыску, которые советские власти при разных случаях обещали произвести.

Москва, 12.ХЛ.1943 г.

В е р н о : *Е. Заринский*

Документ № 2.

Перевод

Основным, конечно, было и продолжает быть то, что - исходя из заявления г.Деканозова от 16 января 1945 г. - обрабатывалось Миссией в Москве. Как явствует из моего отчета, какой-либо удовлетворительный ответ на демарши и напоминания моего представителя получен не был. В конце концов наши посланником этот вопрос был затронут с генералиссимусом Сталиным. Я надеюсь, что тот, который сделал интерпелляцию и остальные члены палаты меня вполне понимают, когда я заявляю, что самые настоятельные и серьезные усилия были сделаны для выяснения судьбы Валленберга. Одна из данных посланнику Хегглеф при его назначении в Москву инструкций была та, чтобы, при содействии советских властей, постараться выяснить полностью случай с Валленбергом. Я еще раз желаю подчеркнуть, что Правительство не рассматривает - принимает во внимание то, что сделано - случай Валленберга законченным делом.

И в дальнейшем будут сделаны все усилия, и я хотел бы только выразить надежду, что мы выясним его судьбу. Само собой разумеется, что мы в первую очередь надеемся получить сведения от советских властей, к которым мы уже неоднократно обращались, и с которыми мы и впредь будем поддерживать контакт.

В е р н о :

Б. Заринский

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

31 декабря 1944 года во время боев Советской Армии за гор.Будапешт шведский посланник в Москве в письме в НКВД СССР просил оказать помощь сотрудникам шведской миссии в Будапеште.

Личной нотой от 16 января 1945 года тов.Деканозов сообщил шведскому посланнику, что, по сообщению из Будапешта, в занятой советскими войсками части города был обнаружен секретарь шведской миссии Рауль Валленберг и что "меры по охране г-на Р.Валленберга и его имущества советскими военными властями приняты".

Начиная с 24 апреля 1945 г., шведы неоднократно обращались в НКВД СССР и в Миссию СССР в Швеции с письменными и устными запросами относительно судьбы Р.Валленберга и его местонахождения. Кроме того, шведские реакционные круги развернули в связи с розысками Валленберга широкую кампанию враждебного СССР характера, в которую были вовлечены и некоторые общественные деятели США /Генри Уоллес, Альберт Эйнштейн и др./.

18 августа 1947 года шведскому посланнику в Москве был дан ответ по вопросу о Валленберге в личной ноте тов.Вышинского. В ноте сообщалось, что "в результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет, и он нам неизвестен", а также высказывалось предположение, что "Валленберг во время боев в городе Будапеште погиб, либо оказался захваченным салашистами".

14 октября 1948 г. Будапештский народный суд вынес приговор по делу руководителя банды нилашистов Деши Дрегана

Миклоша, в котором, в частности, говорилось, что 15 января 1945 г. Р.Валленберг "пропал...., явно став жертвой нацистских убийц из-за угла".

Несмотря на упомянутую выше ноту тов.Вышинского и приговор Будапештского суда, который был известен шведам и в свое время комментировался шведской печатью, нотой от 11 февраля 1952 года в Посольство СССР в Швеции шведское правительство вновь поставило вопрос о возвращении Валленберга из Советского Союза в Швецию, ссылаясь на якобы имеющиеся в его распоряжении материалы, подтверждающие, что Валленберг находится в СССР.

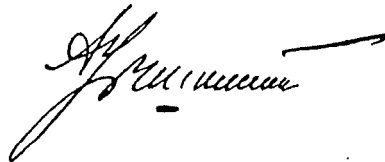
В упомянутой ноте шведское правительство подчеркивало, что "оно придает большое значение этому делу, счастливое разрешение которого укрепило бы ценным образом добрые отношения между Советским Союзом и Швецией".

МГБ СССР считает нецелесообразным менять нашу позицию в этом вопросе, изложенную в личной ноте тов.Вышинского от 13 августа 1947 года.

МИД СССР поддерживает это мнение и полагает необходимым направить шведскому МИД соответствующую ноту в ответ на его последний запрос о Валленберге.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

"18" марта 1952 г.

Копии разосланы
товарищам Молотову
Маленкову
Берия
Микояну
Кагановичу
Вулганину
Хрущеву

68-ВК

СОВ.СЕКРЕТНО.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП/б/

Об ответе на ноту шведского правительства по
вопросу о шведском подданном Р.Валленберг

Утвердить текст ноты посольства СССР в Швеции швед-
скому МИД /прилагается/.

Сов.Секретно.

Проект.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик, ссылаясь на ноту Королевского Министерства Иностранных Дел от 11 февраля 1952 г., сообщает, что, по полученной им информации, компетентные советские органы не располагают никакими дополнительными данными о судьбе Рауля Валленберга сверх того, что уже сообщалось в письме А.Я.Вышинского г-ну Сульману от 18 августа 1947 года.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П87/74

Т.т.Молотову, Вышинскому.

12.1У 1952 г.

Выписка из протокола № 87 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

Решение от 12 апреля 1952 г.

74.- Об ответе на ноту шведского правительства по вопросу о шведском подданном Р.Валленберг.

Утвердить текст ноты посольства СССР в Швеции шведскому МИД (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Зак

Возврату в ОС ЦК в 7-дневный срок (пост. ПБ ЦК от 10.10.51, п. 5)

Сов.секретно

Посольство Союза Советских Социалистических Республик, ссылаясь на ноту Королевского Министерства Иностранных Дел от 11 февраля 1952 г., сообщает, что, по полученной им информации, компетентные советские органы не располагают никакими дополнительными данными о судьбе Рауля Валленберга сверх того, что уже сообщалось в письме А.Я.Вышинского г-ну Сульману от 18 августа 1947 года.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

В ноте от 23 мая 1952 года, врученной 23.У.с.г. министром иностранных дел Швеции Унденом послу СССР в Швеции тов.Родионову и переданной также 26.У.с.г. шведским послом Сульманом тов.Зорин шведское правительство поставило вопрос о розысках якобы находящегося в СССР бывшего секретаря шведской миссии в Будапеште Рауля Валленберга.

В этой ноте заявляется, в частности, что "шведское правительство еще раз подчеркивает, что оно придает большое значение удовлетворительному разрешению этого вопроса".

Р.Валленберг, являвшийся секретарем шведской миссии в Будапеште и занимавшийся якобы спасением евреев в Венгрии от преследований тогдашних венгерских правителей, исчез в январе 1945 года.

Вопрос о Валленберге ставился шведами перед МИД СССР неоднократно, начиная с 31 декабря 1944 года, когда Советская Армия вела ожесточенные бои за Будапешт. В последующие годы по вопросу о судьбе Р.Валленберга реакционными шведскими кругами была развернута широкая кампания враждебного Советскому Союзу характера, в которую были вовлечены некоторые общественные деятели США /Генри Уоллес, Альберт Эйнштейн/. Вопрос о Валленберге неоднократно являлся предметом интерпелляций в шведском риксдаге.

18 августа 1947 года по вопросу о Валленберге шведам был дан ответ в нашем письме шведскому посланнику в Москве. В этом письме указывалось, что "в результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет, и он нам неизвестен".

Несмотря на этот ответ, 11 февраля 1952 года шведское правительство вновь обратилось к нам с просьбой о возвращении Валленберга из Советского Союза в Швецию, ссылаясь на то, что в его распоряжении якобы имеются материалы, подтверждающие, что Валленберг находится в СССР.

На эту ноту шведов 16 апреля с.г. посольство СССР в Швеции ответило нотой, в которой сообщалось, что "компетентные советские органы не располагают никакими дополнительными данными о судьбе Рауля Валленберга сверх того, что уже сообщалось в письме А.Я.Вышинского г-ну Сульману от 18 августа 1947 года".

Поскольку, таким образом, в нашем письме от 18 августа 1947 года и в ноте посольства СССР в Швеции от 16 апреля 1952 года шведам был дан исчерпывающий ответ по вопросу о Валленберге, МИД СССР считает целесообразным на последнюю ноту шведов /от 23 мая 1952 года/ не отвечать.

В случае, если шведы обратятся с новым запросом о Валленберге здесь, в Москве, или в Стокгольме, то МИД СССР считает возможным устно ответить им, что по вопросу о Валленберге нами уже был дан ответ в ноте от 16 апреля с.г. и что добавить к нему мы ничего не имеем.

3.

Копии шведских нот от 11 февраля и 23 мая с.г., копия письма МИД СССР от 18 августа 1947 года и копия ноты посольства СССР в Швеции от 16 апреля с.г. при сем прилагаются.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается.

Прошу рассмотреть.

10 июня 1952 года

Копии разосланы
товарищам Молотову
Маленкову
Берия
Микояну
Кагановичу
Булганину
Хрущеву

488-ВК

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП/б/

Об ответе на ноту шведов от 23 мая с.г.
о Р.Валленберге

/Вопрос МИД СССР/

Утвердить предложение МИД СССР не отвечать на ноту шведов от 23 мая с.г. о Р.Валленберге. Если шведы обратятся с новым запросом о Валленберге, то сообщить им устно, что ответ по этому вопросу был дан им в ноте МИД СССР от 16 апреля 1952 г. и что добавить к нему мы ничего не имеем.

Копия.

Перевод со шведского

КОРОЛЕВСКОЕ МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Нотой от 16 января 1945 года заместитель комиссара иностранных дел Деканозов сообщил шведскому посланнику в Советском Союзе С.Седерблэму следующее:

"По сообщению из Будапешта, в занятой советскими войсками части города, по адресу: улица Еенкюр был обнаружен шведский подданный господин Рауль Валленберг, который выдает себя за того секретаря шведской миссии в Венгрии, о котором Вы меня уведомили в Вашем письме от 31 декабря прошлого года. По сведениям господина Р.Валленберга, остальные члены шведской миссии находятся в западной части города. Советскими военными властями приняты меры по защите господина Р.Валленберга и имущества последнего".

Несколько месяцев позднее тогдашний советский посол мадам Коллонтай пригласила жену тогдашнего министра иностранных дел Гюнтера к себе домой и сообщила ей, между прочим, что Р.Валленберг находится в живых в Советском Союзе и что с ним обращаются хорошо.

По имеющимся сведениям, подобное заверение было сделано мадам Коллонтай его матери госпоже Май фон Дардель еще в феврале 1945 года.

Как это должно быть известно Посольству Советского Союза, после получения ноты от 16 января 1945 года шведский посланник в Москве по поручению своего правитель-

ства сделал ряд как письменных, так и устных представлений правительству Советского Союза в целях получения сведений о местонахождении Валленберга и возвращения его в Швецию.

В ответ на эти представления тогдашний заместитель министра иностранных дел Советского Союза А. Вышинский в письме от 18 августа 1947 года сообщил посланнику Швеции в Москве Р. Сульману, что после 14 января 1945 года "были осуществлены тщательные расследования и розыски Валленберга, которые, однако, не привели к положительным результатам" и что "все дополнительные меры, которые были приняты после 30 января текущего года по расследованию сообщения относительно Валленберга и по розыскам его, не увенчались успехом".

После получения ноты заместителя министра иностранных дел Вышинского шведские власти продолжали розыски с целью достижения ясности в судьбе Валленберга. При этом были расследованы сведения, которые указывали на то, что Валленберг был убит в Будапеште, сведения о том, что он находится вне территории Советского Союза и сведения о том, что он находится в Советском Союзе. Несмотря на отрицательный ответ, который дало правительство Советского Союза в последний раз, шведские власти, в частности, учитывая обстановку после войны, не хотели исключать возможности того, что Валленберг мог находиться в Советском Союзе, но что его местонахождение и личность не могли быть установлены при обширных расследованиях, предпринятых правительством Советского Союза. Совершенные шведскими властями розыски были проведены с очень большой тщательностью и при строгом контроле достоверности материала. Количество материала значительно

увеличилось за последний год. Имеется часть показаний, которые подтверждают, что Валленберг с 1945 года находился в тюремном заключении в Москве, одно время в Лефортовской тюрьме.

Исходя из того, что Валленберг находится, таким образом, в московской области, для правительства Советского Союза было бы возможно при повторном расследовании установить местонахождение и судьбу Валленберга.

На основании изложенного, шведское правительство просит, чтобы правительство Советского Союза приняло необходимые меры к скорому возвращению Валленберга в Швецию.

Шведское правительство желает в заключение подчеркнуть, что оно придает большое значение этому делу, счастливое разрешение которого укрепило бы ценным образом добрые отношения между Советским Союзом и Швецией.

Стокгольм, 11 февраля 1952 года.

(Печать министерства иностранных дел)

Перевел: (А.Утемов)

Копия.

Вручено тов. Зорину В.А.
шведским послом Сульманом
во время беседы 26.У.1952г.

ПОСОЛЬСТВО ШВЕЦИИ

В вербальной ноте от 11 февраля 1952 года, переданной министром Иностранных Дел Унденом Послу Советского Союза Родионову, Шведское Правительство попросило, чтобы Правительство Советского Союза приняло все необходимые меры для скорого возвращения в Швецию Рауля Валленберга. Кроме того, Шведское Правительство в своей ноте подчеркнуло, что оно придает большое значение этому делу.

Как выходит из упомянутой ноты, после получения переданного в августе 1947 года ответа Правительства Советского Союза, шведские власти не хотели исключить возможность, учитывая послевоенные условия, что Валленберг мог бы находиться в пределах Советского Союза без того, чтобы было возможным установить его местопребывание и его личность. Результатом тщательных исследований шведских властей оказалось, что имеется теперь ряд показаний, подтверждающих, что Валленберг с 1945 года находился в тюремном заключении в московском районе, временами в Лефортовской тюрьме.

В течение своего разговора от 11 февраля с Послом Советского Союза в связи с вручением ноты, Министр Иностранных Дел Унден указал, между прочим, что он лично ознакомился с важнейшей частью данного материала, и что он не может сомневаться в его доказательности. Министр Иностранных Дел также попросил Посла специально довести до сведения министра Иностранных Дел Вышинского сделанное в ноте вышеупомянутое ут-

верждение о том значении, которое Шведское Правительство придает этому делу.

Поэтому, с удивлением Шведское Правительство приняло ответ Посольства Советского Союза от 16 апреля 1952 года, в котором указывается, что компетентные советские органы не располагают никакими дополнительными данными о судьбе Рауля Валленберга сверх того, что уже сообщалось в письме тогдашнего Заместителя министра Иностранных Дел А.Я.Вышинского Посланнику Сульману от 18 августа 1947 года. Согласно этому письму, судьба Валленберга не известна советским властям.

Что касается, в особенности, вопроса об исчезновении Валленберга в начале 1945 года в Будапеште, не подлежит никакому сомнению, что он находился в руках советских властей. В связи со взятием Будапешта советской армией и ближайшие месяцы после этого, некоторые из членов шведской миссии и другие лица вызывались на допрос советскими инстанциями. Эти допросы показали, что соответствующие советские органы считали, что у них имелся известный материал, будто показывающий, что Валленберг во время своей службы при шведской миссии в Будапеште выдавал фальшивые паспорта и другие легитимационные документы в пользу людей, близких к тогдашнему венгерскому режиму, и что он подозревался в нелегальной разведочной деятельности. Шведское Правительство хочет самым настоятельным образом подчеркнуть, что подобные подозрения насчет Валленберга должны считаться ничем не обоснованными. Если паспорта и другие легитимационные документы в некоторых случаях были найдены в ненадлежащих руках, то в этом нельзя обвинить Валленберга, а объясняются такие случаи похищениями или поддел-

ками, совершенными другими лицами в связи с хаотическим положением, господствующим в Будапеште во время осады города советской армией. Старания Валленберга имели целью помочь жестоко угнетенному и преследованному тогдашними венгерскими властями еврейскому населению и другим преследованным по политическим причинам.

Ссылаясь на те данные относительно задерживания Валленберга в Советском Союзе, которые имеются в распоряжении Шведского Правительства, это Правительство желает обратиться к Правительству Советского Союза с вопросом, будет ли Оно готово - в случае если Ему предоставится возможность ознакомиться с теми данными относительно судьбы Валленберга после 1945 года, которые являются результатом тщательных исследований шведских властей - предпринять те исследования, которым дадут повод упомянутые данные?

В заключение, Шведское Правительство еще раз подчеркивает, что оно придает большое значение удовлетворительному разрешению этого вопроса.

Стокгольм, 23 мая 1952 года

(Орфография и пунктуация сохранены по подлиннику).

Копия

Вручена т.Ермошиным П.К.
16.1У.52 г. Генеральному
секретарю шведского МИД
Лундбергу

№ 45/52

Посольство Союза Советских Социалистических Республик, ссылаясь на ноту Королевского Министерства Иностранных Дел от 11 февраля 1952 года, сообщает, что, по полученной им информации, компетентные советские органы не располагают никакими дополнительными данными о судьбе Рауля Валленберга сверх того, что уже сообщалось в письме А.Я.Вышинского г-ну Сульману от 18 августа 1947 года.

Стокгольм, 16 апреля 1952 года

В Королевское Министерство
Иностранных Дел

г.Стокгольм

Копия

Исх. № 158-н от 19 августа
1947 года

Москва, 18 августа 1947 года

Уважаемый г-н Посланник,

В связи с тем, что Вы в беседе с Заместителем Министра Иностранных Дел Я.А.Малик от 12 июня сего года затронули вопрос о местонахождении Рауля Валленберга, мною были наведены справки соответствующих компетентных органов. В результате тщательной проверки, установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет, и он нам неизвестен.

Действительно, 14 января 1945 года Министерство Иностранных Дел СССР получило краткое сообщение, основанное на косвенных данных одного из командиров воинской части, которая вела бои в Будапеште, о том, что на улице Бенцур якобы был обнаружен Валленберг.

Проверить сообщение в тот момент не представлялось возможным, так как еще после этого бои за город продолжались около месяца, носили ожесточенный характер, и Советская Армия овладела городом только 12 февраля 1945 года.

Впоследствии в целях проверки сообщения от 14 января 1945 года о Валленберге проводились тщательные расследования и розыск Валленберга, однако это к положительным результатам не привело, а советский офицер, сообщавший о Валленберге, не был найден. В

Г-ну Р.СУЛЬМАНУ,

Чрезвычайному Посланнику и
Полномочному Министру Швеции

Москва

лагерях для военнопленных и интернированных Валленберг также обнаружен не был.

Вышеизложенное дало основание еще 30 января 1947 года Члену Коллегии МИД СССР К.В.Новикову в беседе со шведским Посланником г.Хегглефом заявить, что делом Валленберга советские компетентные органы занимались довольно длительное время, однако их попытки найти его не увенчались успехом. При этом К.В.Новиков высказал предположение, что нельзя, конечно, упускать из вида того, что Валленберг оказался в распоряжении советских войск в период жестоких боев в Венгрии, когда могли иметь место всякого рода случайности - самовольный уход Валленберга с места расположения советских войск, налет вражеской авиации, гибель от вражеского обстрела и т.п.

Все принятые дополнительно после 30 января с.г. меры к расследованию сообщения о Валленберге и его розыску не увенчались успехом. Остается лишь предполагать, что Валленберг во время боев в городе Будапеште погиб, либо оказался захваченным салашистами.

Доводя о вышеизложенном до Вашего сведения, прошу Вас, г-н Посланник, принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.

п.п.А.Вышинский

ИЗ ДНЕВНИКА
А.Я.ВЫШИНСКОГО

135
Секретно.

Экз. № 1

П Р И Е М

ПОСЛА ШВЕЦИИ СУЛЬМАНА И СОВЕТНИКА ШВЕД-
СКОГО ПОСОЛЬСТВА ЭЙЛЕР-ШЕЛЬПИНА

12 февраля 1953 года.

Сегодня в 13 часов принял шведского посла Сульмана, который просил принять его с протокольным визитом для того, чтобы представить нового советника посольства фон Эйлер-Шельпина.

Представив советника, Сульман осведомился, намерен ли я поехать в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на продолжении сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Я подтвердил, что предполагаю поехать. В ответ на замечание Сульмана о том, что Швеция заинтересована в сохранении мира, но что она - малая страна и "многого сделать не может", я подчеркнул, что малые страны могут сделать много, если будут единодушно отстаивать интересы мира. Сульман согласился с этим.

Затем, попросив разрешения затронуть один "деловой вопрос", Сульман заявил, что имеет поручение шведского МИДа напомнить мне о деле Р.Валленберга - бывшего секретаря шведской миссии в Будапеште, который исчез в 1945 году во время боев в этом городе и, по предположениям шведов, находится в СССР. Сульман спросил, готовы ли соответствующие советские органы рассмотреть "новые материалы по делу Валленберга", полученные шведским правительством "из некоторых иностранных источников". Это предложение делается, сказал Сульман, с целью окончательно выяснить вопрос о Валленберге, судьба которого волнует шведское общественное мнение, и тем способствовать улучшению шведско-советских отношений.

Я ответил Сульману, что совершенно не понимаю причин, заставляющих шведское правительство вновь и вновь муссировать этот вопрос, на который с советской стороны был дан ясный и исчерпывающий ответ еще в августе 1947 года в моем письме Сульману, а затем в апреле 1952 года в ноте советского посольства в Стокгольме шведскому МИДа. В этих нотах мы сообщили шведскому правительству результат тщательного расследования

2.

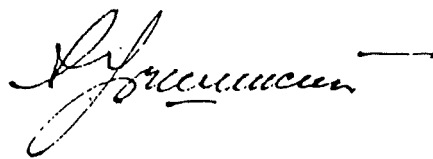
данного вопроса советскими органами. С тех пор положение ни в чем не изменилось, никаких данных о Валленберге и его судьбе у нас нет, сообщенный нами шведскому правительству ответ по этому делу является исчерпывающим. Нас не касается, какие материалы получило шведское правительство из "иностранных источников". О том, что делается у нас в СССР, мы знаем сами лучше других и к тому, что уже сообщено нами по данному вопросу, ничего добавить не можем. Валленберг, как известно, исчез в Будапеште во время происходивших там боев, и мы не видим никаких оснований связывать вопрос о его судьбе с вопросом о советско-шведских отношениях. Те, кто постоянно пытаются вновь возвращаться к этому вопросу, делают это несомненно с целью испортить отношения между нашими странами. Такие круги, как известно, есть и в Швеции, и за ее пределами. В заключение я повторил, что мы не видим никакой необходимости заниматься этим вопросом.

Сульман сказал, что передаст мой ответ шведскому правительству. Я хочу еще раз заверить, добавил он, что шведское правительство, ставя этот вопрос, не руководствовалось стремлением ухудшить отношения между Швецией и СССР.

Я ответил, что иных мотивов в данном случае не вижу.

Беседа продолжалась 20 минут.

Переводил Пом.Зав. 5-м Европейским отделом т.Александров.

Разослано
товарищам Сталину (2)
Маленкову (2)
Берия
Ворошилову
Кагановичу
Булганину
Хрущеву
Сабурову
Первухину

169. В

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П88/381

86

Т.т.Молотову, Вышинскому.

29.УП/1952 г.

Выписка из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

Решение от 29 июля 1952 г.

381.- Об ответе на ноту шведов от 23 мая с.г. о Р.Валленберге.

Утвердить предложение МИД СССР не отвечать на ноту шведов от 23 мая с.г. о Р.Валленберге. Если шведы обратятся с новым запросом о Валленберге, то сообщить им устно, что ответ по этому вопросу был дан им в ноте МИД СССР от 16 апреля 1952 г. и что добавить к нему мы ничего не имеем.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Зп

Подлежит возврату в ОС ЦУ... 6) 2 ч... не позже, чем в 7-дневный срок (пост. ПБ... 5/V-27... р. № 100, п. 5)

132

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
Н.А.БУЛГАНИНА С ПОСЛОМ ШВЕЦИИ Р.СУЛЬМАНОМ
5 марта 1955 г.

БУЛГАНИН

приветствует посла и говорит, что рад с ним познакомиться, тем более, что уже многое слышал о нём ранее.

СУЛЬМАН

выражает благодарность за приём его товарищем Булганиным и говорит, что, насколько ему известно, Булганин в 30-х годах бывал в Швеции.

БУЛГАНИН

подтверждает, что он действительно был в Швеции в 1936 году, когда по приглашению городских властей Стокгольма посетил шведскую столицу и её окрестности во главе муниципальной делегации города Москвы. Стокгольм произвел на него очень хорошее впечатление, особенно высокий уровень культуры жилищного строительства.

СУЛЬМАН

говорит, что живёт в Москве уже восемь лет и с интересом следит всё это время за огромным экономическим и культурным развитием в Советском Союзе. Далее Сульман выражает удовлетворение благоприятным развитием отношений между Швецией и Советским Союзом во всех областях, о чём, по его словам, свидетельствуют такие факты последнего времени, как обмен визитами эскадр военных кораблей СССР и Швеции летом 1954 года, оживлённый обмен различного рода делегациями, подписание осенью 1954 года

советско-шведского соглашения о сотрудничестве аварийно-спасательных служб обеих стран в Балтийском море. Сульман добавляет, что торговля между Швецией и СССР развивается также удовлетворительно. В настоящее время между обеими странами происходят очередные торговые переговоры, результаты их пока ещё не ясны, но шведская сторона желала бы дальнейшего развития торговли. В ближайшие дни состоится также обмен делегациями специалистов-электротехников между Швецией и СССР, ожидается прибытие в Советский Союз с ответным визитом председателя шведского Красного Креста, а летом должна прибыть в СССР делегация шведского парламента.

БУЛГАНИН говорит, что со своей стороны он может только приветствовать такое направление в развитии советско-шведских отношений. Это очень полезно для обеих сторон.

СУЛЬМАН просит разрешения коснуться одного вопроса, который, по его выражению, является "отягощающим моментом" в отношениях между Швецией и СССР. Об этом вопросе говорил в беседах с тт. Микояном и Зориным и шведский министр иностранных дел Унден, посетивший Советский Союз летом 1954 года с неофициальным визитом.

Речь идёт о шведском дипломате Рауле Валленберге, который исчез в Венгрии в 1945 году в период боев, и, по шведским данным, якобы находится в СССР. Сульман оговаривается, что он совершенно убеждён в том, что если бы Валленберг был найден, его сразу же

вернули бы в Швецию. "Я хочу лишь сказать, - говорит Сульман, - что если бы Валленберга удалось найти, то это в огромной степени улучшило бы шведско-советские отношения".

БУЛГАНИН

отвечает, что ничего нового не может сказать по этому вопросу в дополнение к тому, что в своё время сообщил Сульману Заместитель Министра иностранных дел СССР А.Я.Вышинский. Валленберга у нас нет. К сожалению, во время войны, как известно, нередко пропадают не только отдельные люди, но и целые массы людей.

СУЛЬМАН

замечает, что в его намерения не входит начинать какую-либо дискуссию по вопросу о Валленберге. Он лишь хотел упомянуть об этом деле. В целом, повторяет Сульман, отношения между Швецией и СССР развиваются очень хорошо. В этой связи он, Сульман, хотел бы заверить Булганина, что внешняя политика Швеции основана на твёрдой решимости не присоединяться к каким-либо блокам держав. Мы, шведы, - говорит Сульман, - как и все честные люди вообще, и особенно как малая страна, хотим, чтобы войны не было. Но если уж так случится, что война начнётся, то мы хотим быть нейтральными. Таково наше определённое стремление.

БУЛГАНИН

говорит, что он с удовлетворением принимает к сведению сделанное Сульманом сообщение относительно внешней политики шведского правительства. Мы, со своей стороны, стремимся укреплять хорошие отношения со Швецией самыми различными путями.

СУЛЬМАН

говорит, что в заключение хотел бы просить содействия Булганина в решении одного вопроса, который помог бы дальнейшему развитию культурных связей между Швецией и СССР: в организации обмена художественными выставками между двумя странами.

Вопрос этот был уже поставлен им, Сульманом, перед соответствующими советскими организациями, но пока ещё не решён.

БУЛГАНИН

отвечает, что считает такое мероприятие полезным и обещает поинтересоваться этим вопросом и посодействовать его положительному решению.

СУЛЬМАН

благодарит за приём.

Беседа продолжалась 18 минут.

Записал А. Александров

Верно: *Гинзбург*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

38

СТРОГО СЕКРЕТНО

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П2/XL1X

Тов. Молотову (МИД).

Выписка из протокола № 2 заседания Президиума ЦК от 1 марта 1956г.

Проект указаний послу СССР в Швеции относительно Валлен-
берга.

Утвердить прилагаемый проект указаний послу СССР в
Швеции.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позднее 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

3-ак

К пункту XLIX прот. № 2

Сов. секретно

Текст указаний послу СССР
в Швеции

При очередной встрече с Унденом, сославшись на его беседы с Вами в конце 1955 года относительно Валленберга, скажите ему, что советская сторона ничего не может добавить к тем исчерпывающим и окончательным сообщениям в отношении Валленберга, которые были сделаны представителям шведского правительства руководителями Правительства СССР.

КП
НН

189

Вручена Министром Иностранных
Дел Швеции Унденом послу СССР
т. Родионову 9.11.1956 г.

8 ноября 1955 года министр иностранных дел Унден сообщил послу Советского Союза в Стокгольме, что Шведское правительство располагает убедительными доказательствами того, что шведский гражданин секретарь шведской королевской миссии в Будапеште Рауль Валленберг отправлен в Советский Союз и там заключен в тюрьму по обвинению в шпионаже.

Это сообщение является одним из звеньев в длинной цепи обращений Шведского правительства к Советскому правительству в течение последних более чем десяти лет с целью выяснения судьбы Рауля Валленберга после того, как он оказался в руках советских военных властей в Будапеште в середине 1945 года.

Ранее, а именно 29 сентября 1954 года шведский посол в Москве Сульман передал подробную памятную записку, в которой в частности было указано какие требования предъявлялись Шведским правительством к показаниям о пребывании Рауля Валленберга в Советском Союзе, чтобы признать эти показания полностью достоверными.

После упомянутого выше сообщения от 8 ноября 1955 года, в котором было кроме того указано, что шведское Министерство иностранных дел получило новые доказательства о пребывании Валленберга в Советском Союзе от лиц, вернувшихся из Советского Союза после освобождения из плена, этот

новый материал был тщательно изучен и проверен. Полученные в дальнейшем многочисленные новые показания были подвергнуты такому же тщательному рассмотрению. Весь этот материал соответствует установленным требованиям относительно его полной достоверности.

Большое число показаний о задержании Рауля Валленберга советскими властями в Будапеште и о его дальнейшем пребывании в Советском Союзе в качестве пленного дано под присягой с подписью соответствующих заявителей и заверено нотариусом. Такие показания были позднее тщательно проверены юридическими экспертами, свидетельство которых о том, что они по шведскому праву являются полным доказательством задержания Рауля Валленберга советскими властями в Будапеште и его пребывания в плену в Советском Союзе, прилагается.

Шведское правительство возлагает большую надежду на сделанные ранее Председателем Президиума Верховного Совета СССР Ворошиловым и Председателем Совета Министров СССР Булганиным заявления о том, что Рауль Валленберг будет отправлен в Швецию, если он будет найден в Советском Союзе.

Основываясь на вышесказанном, Шведское правительство считает, что имеются все предпосылки для разыскивания Рауля Валленберга и его возвращения в Швецию.

В заключение Шведское правительство желает обратить внимание правительства Советского Союза на то серьезное значение, которое правительство и общественность Швеции

придают этому делу, и хочет подчеркнуть, что удовлетворяющее положительное решение этого вопроса может лишь способствовать укреплению добрых отношений между обеими странами. Поэтому, для правительств обеих стран представляет, повидимому, большой общий интерес помочь взаимно друг другу в этом вопросе, в связи с чем Шведское правительство рассчитывает на искреннее и полное содействие правительства Советского Союза в решении этого насущного дела.

Верно: Генерал

20 экз./ач
20.III.56 г.

Копия.

В 10

Вручена М.Г.Грибановым Временному
поверенному в делах Швеции Л.Петри
19.Ш.1956 г.

№ 61/ОСС-Шв

Министерство Иностранных Дел Союза ССР свидетельствует свое уважение Посольству Швеции и, подтверждая получение ноты Правительства Швеции от 9 марта с.г. относительно шведского подданного Рауля Валленберга, имеет честь заявить следующее.

В связи с неоднократными обращениями шведских властей по вопросу о судьбе Р.Валленберга с советской стороны сообщалось, что в результате проведенной компетентными советскими органами проверки установлено, что Валленберг не находится на территории Советского Союза.

Что же касается содержащейся в указанной ноте Правительства Швеции ссылки на какие-то показания о Валленберге военных преступников, досрочно освобожденных от дальнейшего отбывания наказания в Советском Союзе, то, как совершенно очевидно, такие показания, противоречащие фактам, выявленным в результате тщательного расследования, проведенного компетентными советскими органами, нельзя признать достаточными и сколько-нибудь достоверными.

Министерство Иностранных Дел считает необходимым подтвердить, что заявления, сделанные ранее представителям Правительства Швеции руководителями Советского Правительства о том, что Р.Валленберга нет на территории Советского Союза, являются исчерпывающими и окончательными. Министерство Иностранных Дел ничего не имеет добавить к вышеуказанным заявлениям.

Москва, 19 марта 1956 года.

В ПОСОЛЬСТВО ШВЕЦИИ
г. Москва

Верно: *Петри*

О-еф.
О.Ш.56.

ЦК КПСС 12184

О БЫВШЕМ ШВЕДСКОМ ДИПЛОМАТЕ
Р. ВАЛЛЕНБЕРГЕ
(Справка)

Рауль Валленберг, член семьи крупнейшего шведского монополиста, работал в 1944 г. секретарем дипломатической миссии в Будапеште. В январе 1945 г. шведской миссии в Москве было сообщено нотой НКВД СССР, что Валленберг обнаружен в Будапеште советскими войсками, которые приняли меры к его охране. Позднее, когда шведы стали просить об отправке Валленберга на родину, им было сообщено, что компетентные советские органы произвели розыск Валленберга и установили, что Валленберга в Советском Союзе не было и нет. В ноте МИД СССР в августе 1947 г., кроме того, выдвигалось предположение, что Валленберг во время боев в Будапеште либо погиб, либо оказался захваченным салашистами.

Шведское правительство, однако, на протяжении ряда лет ставит перед МИД СССР и нашим посольством в Стокгольме вопрос о судьбе Валленберга, заявляя, что он находится в СССР. Вопрос о Валленберге затрагивался министром иностранных дел Швеции Унденом во время его пребывания в Москве летом 1954 г. в беседах с А.И.Микояном и В.А.Зориным; этот же вопрос ставился шведским послом в СССР Сульманом и руководителем шведской парламентской делегации Г.Нильссоном в беседах с Н.А.Булганиным и К.Е.Ворошиловым. На все эти запросы давался ответ в

том смысле, что Валленберга в Советском Союзе нет.

В конце 1955 г. в связи с показаниями некоторых немецких и австрийских военных преступников, освобожденных советскими властями, о том, будто Валленберг содержится в заключении на территории Советского Союза, в риксдаге (парламенте) был инициирован запрос о мерах, предпринимаемых шведскими властями перед правительством СССР по "делу Валленберга". Шведская буржуазная печать развернула пропагандистскую кампанию, пытаясь убедить общественность страны якобы в "неискренних" ответах советской стороны о Валленберге, а также в том, будто он до сих пор задерживается в СССР.

Буржуазные партии требуют от правительства более активных действий для выяснения судьбы Валленберга и настаивают даже на опубликовании особой "Белой книги" по этому вопросу. Кроме того, руководство этих партий широко использует "дело Валленберга" в своих партийных интересах для нападок на социал-демократов, особенно в связи с предстоящими осенью текущего года выборами в риксдаг.

Премьер-министр Швеции Эрландер в январе с.г. заявил послу СССР т. Родионову, что он намерен поставить вопрос о Валленберге перед руководителями Советского правительства, чтобы не дать шведской буржуазной оппозиции повод обвинить правительство в недостаточно энергичных шагах перед Правительством СССР относительно судьбы Валленберга.

Постановлением ЦК КПСС от 1 марта 1956 г. послу СССР в Швеции было поручено заявить Ундену, что советская сторона ничего не может добавить к тем исчерпывающим и окончательным сообщениям в отношении Валленберга, которые были сделаны представителям шведского правительства руководителями Правительства СССР.

19 марта с.г. МИД СССР передал в Посольство Швеции ноту, в которой дается ответ относительно Валленберга.

Заведующий Отделом
скандинавских стран МИД СССР

М. Грибанов (М.Грибанов)

Усех 7/3/3ск
22/III. 56

20 экз. в.ю/еф
№ 939/3ск
14. III. 56 г.

Разослать членам Президиума
ЦК КПСС.

12312

29 марта 1956 г.

Секретно. Экз. № 11

СПРАВКА

К ПЕРЕГОВОРАМ С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ШВЕЦИИ ЭРЛАНДЕРСКИМ
ВО ВРЕМЯ ЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В МОСКВЕ

В связи с приездом 29 марта в Москву премьер-министра Швеции Эрландера ниже излагаются сведения по тем вопросам советско-шведских отношений, которые Эрландер, согласно сообщениям Посольства СССР в Швеции, имеет в виду поставить при переговорах с руководителями Советского правительства.

1. О советско-шведских отношениях

1. Эрландер в беседах с работниками Посольства СССР в Швеции не ставил в связи с предстоящей поездкой в Москву каких-либо крупных вопросов, касающихся отношений между СССР и Швецией. Судя по сообщениям шведской печати, правящие круги Швеции считают, что отношения Швеции с Советским Союзом являются нормальными и что не имеется крупных проблем, подлежащих решению при переговорах Эрландера в Москве.

2. Вопросы советско-шведской торговли активно поднимались в свое время послом Швеции в СССР Сульманом в его разговорах в МИД СССР и в МВТ СССР. Это было связано с тем, что заказы СССР в Швеции в 1955 г. значительно сократились по сравнению с 1954 годом, однако положение с этим выправилось в 1956 году.

В связи с этим вопросом о выезде из СССР в Швецию некоторых лиц можно было бы сказать Эрландеру, что советская сторона согласна с предложением шведской стороны включить в коммюнике положение о том, что с советской стороны было заявлено о готовности предоставить шведским гражданам и бывшим шведским гражданам, находящимся в СССР, право выезда из Советского Союза в Швецию, а с шведской стороны было заявлено о готовности предоставить советским гражданам и бывшим советским гражданам право выезда из Швеции в СССР.

7. Эрландер неоднократно говорил о своем намерении поставить в Москве вопрос о Валленберге, бывшем секретаре шведской миссии в Будапеште, который, по утверждениям шведских властей, якобы находится в СССР. Близкие к Эрландеру лица говорили работникам Посольства СССР в Швеции, что Эрландер не ставил бы этого вопроса в Москве и что он вынужден будет сказать об этом только для того, чтобы буржуазные партии не могли при предстоящих осенних выборах в риксдаг (парламент) обвинять Шведское правительство в недостаточной активности при переговорах с руководителями правительства СССР в выяснении судьбы Валленберга.

Нотой МИД СССР от 19 марта с.г. шведскому правительству было сообщено, что в связи с неоднократными обращениями шведских властей по вопросу о судьбе Валленберга с советской стороны сообщалось, что в результате проведенной компетентными советскими органами проверки установлено, что Валленберг не находится на территории Советского Союза.

В ноте указывалось также на то, что показания о Валленберге военных преступников, досрочно освобожденных от дальнейшего отбывания наказания в СССР, нельзя признать достаточными и сколько-нибудь достоверными, поскольку они противоречат фактам, выявленным в результате тщательного расследования.

В ноте также отмечалось, что заявления, сделанные ранее представителям правительства Швеции руководителями Советского правительства о том, что Валленберга нет на территории СССР, являются исчерпывающими и окончательными.

П. Справочные данные о позиции шведского правительства по международным вопросам.

Эрландер говорил в Стокгольме, что он хотел бы, чтобы руководители Советского правительства поделились с ним своими соображениями по актуальным вопросам международного положения. При этом он назвал германский вопрос, состояние которого, по словам Эрландера, весьма интересует и в то же время

Разослать членам Президиума ЦК КПСС.

13

31 марта 1956 года

ИЗ ДНЕВНИКА
В.М.МОЛОТОВА

К о п и я
Секретно, Экз. № 11

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
С МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ШВЕЦИИ Г.ХЕДЛУНДОМ

30 марта 1956 г. в 15.20

При беседе присутствовали: с советской стороны – тт.Семенов В.С. и Родионов К.К.; со шведской стороны – заведующий политическим отделом МИД Швеции Г.Ярринг и второй секретарь МИД Лорентцон.

Хедлунд благодарит за те усилия, которые уже были сделаны руководством Советского Союза для выяснения вопроса о Валленберге. Подчеркивает, что шведская сторона полностью верит всем сообщениям, которые были сделаны с советской стороны по этому вопросу. Однако в такой большой стране, как Советский Союз, некоторые детали могут и ускользнуть от внимания руководства (это возможно даже в такой маленькой стране, как Швеция). Поскольку шведское правительство располагает некоторыми данными, относящимися к судьбе Валленберга, оно радо согласию правительства СССР ознакомиться с этими данными.

Валленберг был взят под охрану в связи с событиями в конце войны, отмечает Хедлунд. В этом отношении, кажется, имеется полная ясность. Однако потом Валленберг, по имеющимся у шведского правительства данным, скрывать которые было бы неправильно, находился в 1945 году в одной из тюрем в Москве.

Хедлунд просит Лорентцона изложить основные моменты содержания имеющихся в распоряжении правительства Швеции материалов о Валленберге.

Лорентцон говорит, что он коротко изложит в хронологическом порядке основной смысл имеющихся показаний о судьбе Валленберга в послевоенный период.

Немец Г.Рихтер, который в конце войны был атташе германской миссии в Бухаресте по делам полиции, в клятвенном свидетельском показании заявил, что 17 января 1945 года Валленберг был переведен в лубянскую тюрьму, где находился в камере № 123. Показания Рихтера содержат ряд деталей относительно Валленберга, не оставляющих сомнения в том, что речь идет именно о нем.

Имеется еще около 20 показаний, которые сводятся к тому, что из лубянской тюрьмы Валленберг был переведен в лефтортовскую тюрьму, где помещен в камеру № 203. Первое из показаний, относящихся к этому периоду, исходит от немца по имени Суприан, который в конце войны был генеральным секретарем немецкого научного института, подчиненного германской миссии в Бухаресте. Суприан с 21 сентября 1944 года примерно по 20 апреля 1945 года сидел в лефтортовской тюрьме в камере № 151. Он, как и другие свидетели, поддерживал связи с Валленбергом и с его товарищами по камере № 203.

Хедлунд говорит, что перед передачей имеющихся материалов Молотову они хотели коротко информировать его об основном содержании этих материалов. Спрашивает, есть ли необходимость рассказать более подробно.

Молотов отвечает, что трудно судить об этих материалах, не ознакомившись с самими материалами.

Хедлунд задает вопрос, будет ли возможность встретиться с Молотовым еще раз, после того как советские представители изучат содержание переданных документов.

Молотов отвечает утвердительно и спрашивает, к какому периоду относятся указанные документы.

Хедлунд — к 1945-1947 годам.

Молотов осведомляется, когда получены шведским правительством показания, зафиксированные в этих документах.

Лорентзон отвечает, что показания получены летом и осенью 1955 года.

Молотов спрашивает, передавались ли эти материалы советской стороне ранее.

Хедлунд отвечает, что материалы не передавались. Шведская сторона хотела собрать как можно больше материалов, чтобы дать советским экспертам более ясное представление об этом вопросе.

Молотов замечает, что объемистые документы, переданные шведской стороной, составлены на немецком и французском языках и потребуют перевода, для чего нужно известное время.

Хедлунд просит, если возможно, организовать дело так, чтобы удалось встретиться еще раз до отъезда шведской делегации из Москвы.

Молотов подтверждает, что до отъезда шведской делегации вторая встреча состоится.

Беседа продолжалась 20 минут.

Переводил и записал А.Александров

Верно: *А.Колесников*

Разослано
товарищам Булганину
Ворошилову
Кагановичу
Кириченко
Маленкову
Микояну
Молотову
Первухину
Сабурову
Суслову
Хрущеву

№ 674/м

Отп. 27 экз. /лф
№ II45, 31. III. 56

Ц К К П С С

Представляю перевод материалов по вопросу
о Валленберге, переданных мне министром внутрен-
них дел Швеции Хедлундом 30 марта с.г.

*Предоставлено ММД в Бюро пред-
ставит. в Л. 2 абз. 18.*

В. Молотов

(В.Молотов)

"31" марта 1956 г.

Разослано
товарищам

Булганину
Ворошилову
Кагановичу
Кириченко
Маленкову
Микояну
Молотову
Первухину
Сабурову
Суслову
Хрущеву

Серову
Дудорову

Приложение - 19 документов

№ 666/М

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, Густав Рихтер, проживающий в Людвигсхафене на Рейне, Хердерштрассе, 14, настоящим заявляю нижеследующее и всегда готов подтвердить это под присягой перед судом или любым другим органом власти.

В конце войны я был полицейским атташе при германской миссии в Бухаресте.

23 августа 1944 года я был взят в плен в Бухаресте и после недолгого интернирования там же отправлен через Текуцы в Молдавии самолетом в Москву, куда я прибыл 7 сентября 1944 года. По прибытии в Москву меня отвели в Лефортовскую тюрьму, камера 142, на втором этаже, где я находился вместе с немецким подполковником Максом Брауном и германским генеральным консулом в Бухаресте д-ром Шелхорном.

17 января 1945 года я был переведен в Лубянскую тюрьму, камера 123. В этой камере тогда сидел один австриец, старший лейтенант Шоер. 31 января 1945 года в камеру был помещен Рауль Валенберг, секретарь шведской миссии в Будапеште.

Валенберг и я очень быстро стали друзьями. В течение того месяца, когда мы находились вместе в Лубянской тюрьме, он все время был в очень хорошем настроении.

Валенберг рассказал мне, что он был послан в Будапешт для оказания помощи венгерским евреям и выдачи им шведских охранных паспортов. У него были большие трудности с немецкими властями /представителями тайной государственной полиции/ в Будапеште. Как только советские войска подошли к городу Валенберг немедленно явился к советским военным властям. Его посы-

лали из одной инстанции в другую вместе с его шофером Лангфельдером, а в конце концов они были арестованы. Их обоих отправили по железной дороге через Румынию в Москву, где они были заключены в Лубянскую тюрьму. По прибытию в тюрьму Валенберг и Лангфельдер были разлучены.

О своей семейной жизни Валенберг говорил немного, однако, упоминал свою мать и тетку. Он неоднократно говорил, "что только скажут мои родные, когда узнают, что я сижу в тюрьме". Он очень беспокоился о своем престиже. Я утешил его, указав на то, что при данных обстоятельствах это не является позорным. Валенберг рассказывал мне также, что он происходит из известной семьи банкира в Швеции, изучал архитектуру в Америке и по профессии является архитектором. Во время одного разговора о Румынии я спросил Валенберга, является ли его родственником один торговец того же имени, который во время последней войны жил в Бухаресте и тоже имел шведское гражданство, на что Рауль Валенберг ответил мне положительно. Валенберг прекрасно говорил по-английски и по-немецки. В то время, когда мы были товарищами по камере, мы обменялись адресами, я хорошо помню, что я получил от него записку с написанным им самим именем, на которой в качестве его адреса указывалось Министерство иностранных дел в Стокгольме. Эта записка была отобрана у меня при обыске.

Примерно в начале февраля 1945 года Валенберг написал на немецком языке письмо, адресованное директору тюрьмы, в котором он протестовал против обращения с ним и своего ареста. Валенберг как шведский гражданин и дипломат потребовал разрешить ему связаться со шведской миссией в Москве. Это письмо было передано

дежурному фельдфебелю /Старый/ в дворе Лубянской тюрьмы.

За то время, которое Валенберг провел вместе со мной в Лубянской тюрьме, его только один раз водили на допрос. Комиссар, проводивший допрос, в частности, заявил ему: "Вы ведь нам известны. Вы являетесь членом одной капиталистической богатой семьи в Швеции. Валенберга обвинили в том, что он занимался шпионажем. Допрос продолжался примерно один час или полтора часа.

1 марта 1945 года меня перевели из камеры 123 в камеру 91 на пятом этаже Лубянской тюрьмы. Шер оставался один с Валенбергом в камере 123. С 17 июня 1945 года до февраля 1948 года я сидел в различных камерах Лефортовской тюрьмы.

27 июля 1947 года около 22.00 меня вызвали на допрос в Лефортовской тюрьме. Допрос проводился одним полковником из Министерства внутренних дел /НКВД/. Рядом с ним стоял переводчик в ранге подполковника, хорошо говоривший по-немецки. Меня спросили, с какими лицами я сидел в одной камере во время заключения. Я перечислил имена и при этом назвал также и имя Валенберга. Тогда меня спросили, кому я рассказывал что-либо о Валенберге. Я ответил, что я говорил о Валенберге со своими товарищами по камере немецким генеральным консулом в Бразове /Румыния/ Бильгельмом Родде и бывшим адъютантом д-ра Лея /начальник германского трудового фронта/ Францом Лангером. При этом я должен был также сообщить, что рассказывал мне Валенберг. Я говорил о деле Валенберга также с адмиралом Вернером Тиллессен, который попал ко мне в камеру после Франца Лангера.

После допроса меня отвели в другую камеру, в которой я провел безвыходно 14 дней в одиночестве. После этого я был переведен в камеру 72, а затем из-за ремонта тюрьмы в камеру 79. До 23 февраля 1948 года я находился в этих камерах в одиночестве.

23 февраля 1948 года в камеру 79 Лефортовской тюрьмы были доставлены германские граждане полковник Хорст Китшман и адмирал Вернер Тиллессен. Полковник Китшман, сидевший ранее вместе с Лангфельдером, шофером Валенберга, в частности, рассказал, что он так же, как и я также вызывался на допрос вечером 27 июля 1947 года. От полковника Китшман я далее узнал, что в камере вместе с ним находился генеральный консул Родде, а от адмирала Тиллессена я узнал, что после меня 27 июня 1947 года на допрос из камеры был немедленно вызван генеральный консул Родде.

В конце марта 1950 года я вместе с Китшманом и Тиллессеном был переведен из Лефортовской тюрьмы в Бутырскую тюрьму. В июле 1951 года меня перевели в Лубянскую тюрьму, где в январе 1952 года я был осужден. После этого меня вернули в Бутырскую тюрьму, а оттуда в середине марта 1952 года я был отправлен в тюремный госпиталь, во Владимир, где меня положили опять вместе с полковником Китшманом. Мы сидели вместе с ним во втором корпусе. Госпитальное отделение насчитывало, примерно, 60 камер.

Людвигсхафен на Рейне, 27 января 1956 года.

Густав Рихтер

Док. № 452/56

Настоящим заверяется вышеприведенная подпись господина Густава Георга Рихтер, родившегося 19 ноября 1912 года в Штат-процельтен, Бавария, бывшего полицейского атташе при германской

миссии в Бухаресте, проживающего в Людвигсхафене на Рейне Хердерштрассе, 14, который поставил свою подпись в присутствии нотариуса и заверил нотариуса в правильности данных, содержащихся в подписанном им заявлении.

Господин Густав Георг Рихтер удостоверяет свою личность предъявлением удостоверения личности Федеральной республики Германии № RFB 059266, выданного отделением полиции в Людвигсхафене на Рейне 20 октября 1955 года.

Людвигсхафен на Рейне, 27 января 1956 года.

/подпись нотариуса/

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР

Я, нижеподписавшийся, Эрнст Хубер, проживающий в настоящее время в Вене III, Климшгассе, 13, настоящим заявляю подтверждение и дополнение уже ранее сделанных показаний следующее и всегда готов подтвердить это перед судом или любым другим учреждением под присягой.

В конце войны я служил телеграфистом в германской контрразведке в Румынии в ранге обер-ефрейтера.

25 августа 1944 года я был взят в плен в Румынии румынскими войсками. После того, как я был в тюрьме, сначала в Крайове, а затем в Бухаресте, я был, приблизительно, 24 марта 1945 года переправлен на самолете в Москву, где я был посажен в лубянскую тюрьму. В этой тюрьме я пробыл около 4-х дней и был затем переведен в лефортовскую тюрьму. В первое время в лефортовской тюрьме я сидел вместе с двумя русскими эмигрантами. Приблизительно в середине апреля 1945 года я был переведен в другую камеру. В этой камере уже находился инженер Лангфельдер из Будапешта. Лангфельдер был ростом около 170 см., у него было узкое лицо, рыжеватые волосы, серо-голубые глаза и загнутый нос. В это время он носил эспаньолку. Оказалось, что у меня и Лангфельдера имеются общие знакомые. Тётка Лангфельдера (с материнской или отцовской стороны) была замужем за членом одной еврейской семьи по фамилии Эшкенази, которого я хорошо знал по Крайове.

Лангфельдер рассказал мне следующее о причине своего ареста:

Шведская миссия в Будапеште представляла советские интересы в Венгрии. Кроме того, со стороны миссии была принята инициатива осуществления крупного мероприятия, чтобы спасти евреев из еврейского гетто в Будапеште от преследований организации Пфалькройтц путем предоставления им шведских охранных паспортов. Руководителем этого мероприятия был секретарь миссии Рауль Валленберг. Лангфельдер, который сам был еврейского происхождения, был спасен от преследования тем, что он был зачислен на службу к Валленбергу в качестве шофера.

После того, как советские войска заняли Будапешт, Валленберг желал войти в контакт с советским командующим, чтобы обеспечить защиту для евреев. Валленберг и Лангфельдер поехали

одни в автомобиле. Стрельба на улицах все еще шла во всю, они могли продвигаться лишь медленно и должны были время от времени прятаться в различных домах. Позднее они были задержаны несколькими советскими солдатами, которые вынудили их выйти из машины. Даже шины автомашины были проколоты. Валленберг пред"явил свое удостоверение и потребовал, чтобы его провели к командующему. Вместо этого они были переданы НКВД и находились в течение некоторого времени во временной тюрьме НКВД в Будапеште. После этого они под охраной одного русского офицера и четырех солдат были перевезены по железной дороге через Румынию в Москву. Во время остановки поезда в Яссах им было позволено выйти на короткое время из поезда и посетить ресторан Лютера. Как в Будапеште, так и в Москве им заявляли, что они не должны рассматривать себя в качестве пленных, а что лишь их взяли под арест. В Москве им показали метро и они пешком прошли путь в лубянскую тюрьму. Там Валленберга и Лангфёльдера отделили друг от друга. После этого Лангфёльдер больше не видел Валленберга.

Лангфёльдер был переведен в камеру, где уже находился немецкий секретарь миссии Рёдоль из Бухареста.

Лангфёльдера подозревали в шпионаже в пользу американцев или, возможно, англичан. Эти обвинения были распространены также и на Валленберга. Через некоторое время Лангфёльдер был переведен в лёттортовскую тюрьму, где он вначале находился вместе с немецким журналистом Эрхардом Хилле. Через некоторое время Хилле был уведен, и я пришел на его место. Это было, приблизительно, около 15 апреля 1945 года. В течение трех или четырех дней Лангфёльдер и я оставались одни. Затем к нам привели немецкого обер-лейтенанта Хенгстонберга, отец которого, как мне помнится, был германским консулом в Москве. В ночь с 30 апреля на 1 мая /Хенгстонберг и я были переведены из лёттортовской тюрьмы в бу- тырскую тюрьму, где вначале августа нас отделили друг от друга. В бутырской тюрьме был 12 января 1946 года приговорен к 10 годам тюремного заключения. и вскоре после этого были переведены в Ивдельский район.

Там я встретился с капитаном д-ром Вольфгангом Рихтером.

27 апреля 1947 года Рихтер и я были перевезены обратно в Москву с охраной по железной дороге, куда мы прибыли 2 мая 1947 года. Мы были помещены в лубянскую тюрьму и отделены там друг от друга.

Я сидел в камере вместе с тремя русскими генералами: генералом артиллерии Голушкевичем, генералом авиации Диплинским и генералом Самохиным (командующим корпусом).

В лубянской тюрьме меня снова допрашивали. Однажды вечером, около 6-ти часов, приблизительно в конце июля 1947 года, меня снова привели на допрос. Однако меня привели не в обычную комнату, где допрашивали, а в комнату, расположенную на втором этаже. Допрос вёл молодой высокий человек, одетый в штатское. Переводчик был в ранге майора. Допрашивавший спросил меня сначала, с какими лицами я сидел вместе в лубянской тюрьме. После того, как я их назвал, меня спросили, с какими людьми я находился вместе в лефортовской тюрьме. Я назвал некоторые имена, после чего допрашивавший раздраженным голосом спросил, не встречал ли я кого-нибудь ^{еще}. Я назвал тогда имя Лангфольдера. Допрашивавший тогда сразу же перешел к тому, чтобы узнать у меня, что знаю о Лангфольдере. Я ответил, что ^{Лангфольдер} был шефом одного шведского секретаря миссии в Будапеште. Дальнейший допрос касался Валленберга и того, что Лангфольдер мне о нем рассказал.

После допроса меня поместили в камеру, в которой арестованные ожидают после допроса дальнейших мер. Затем меня перевели в одиночную камеру на втором этаже лубянской тюрьмы. В таких одиночных камерах я сидел до 27 апреля 1948 года, когда ко мне ввели австрийца по имени Шлютер. 7-го июля 1948 года Шлютер и я были переведены в лефортовскую тюрьму, где мы находились вместе до конца марта 1950 года. Затем нас перевели в бутырскую тюрьму. Там меня отделили от Шлютера в конце марта 1951 года.

В конце марта 1951 года, то-есть почти через один год, меня перевели в другую камеру бутырской тюрьмы. В этой камере

сидели как Эрхард Хилле, который, как я уже упоминал, сидел вместе с Лангфельдером в лефортовской тюрьме, а также финн по имени Пелконен или Пелкомен.

Пелконен, с которым я говорил по-русски, так как он плохо знал немецкий, рассказал мне, что и он также сидел в течение 1945 года вместе с Лангфельдером в лефортовской тюрьме. В начале августа 1947 года, когда он вместе с германскими гражданами генерал-лейтенантом Штаэлем и адмиралом Крафтом сидел в одной камере в лефортовской тюрьме, то его также допрашивали о Лангфельдере и Валонберге. После допроса его поместили в изолированную камеру.

Хилле, который после своего пребывания в лефортовской тюрьме, попал в специальный лагерь в Красногорско, был в начале августа 1947 года снова переведен в лефортовскую тюрьму.

20 апреля 1951 года Пелконен и Хилле были увезены из камеры.

23 мая 1951 года меня привели к офицеру МГБ, который мне сообщил, что административным путем /через ОСО/ срок моего наказания был продлен до 25 лет. После того, как мне объявили об этом приговоре, меня перевели в большую по размерам общую камеру, которая была рассчитана на 14 человек и в которой находилось некоторое число русских. Однако через некоторое время заместитель директора тюрьмы, майор или подполковник увел меня оттуда и посадил меня в мою прежнюю одиночную камеру. В этой камере я находился до 27 мая 1951 года. Затем я был переведен во Владимирскую тюрьму.

С 27 мая 1951 года до 26 октября 1952 года я сидел совершенно один в одиночной камере № 11, 2-ом корпусе владимирской тюрьмы. Затем в камеру был приведен мексиканский гражданин по имени Евелио Вадилло Мартинец и вместе с ним я находился до 17 февраля 1954 года. После того, как я некоторое время находился в одиночной камере № 54, в корпусе 3, я был 1 апреля 1954 года переведен в большую по размерам камеру № 17 в корпусе 3 во владимирской тюрьме. В этой камере сидели германский генерал-полковник Шмидт, германский генерал-лейтенант Штаэль и австриец Виктор Хан. Когда Штаэль упомянул, что он сидел

вместе с Полконеном, мы говорили о Лангфсельдере и я сообщил моим товарищам по камере, что я знал о шведском дипломате Валленберге и о Лангфсельдере.

1 июня 1954 года из-за болезни желудка, я был переведен в больничную камеру № 6 в том же коридоре. Там я встретил майора Гамильшегга и японского консула Накамура. 14 мая 1955 года я вместе с шестью другими заключенными был переведен в камеру № 26 из-за ремонтных работ. В этой камере я пробыл до 26 сентября 1955 года. В это время все германские граждане на основе амнистии были переведены в верхний этаж корпуса 3. Там я встретил бывшего германского военного атташе в Финляндии полковника Кичмана, который в 1945 году вместе с Лангфсельдером и позднее с полицейским атташе Рихтером из германской миссии в Бухаресте, которого я знал со времени войны, сидел вместе в Лефортовской тюрьме. Рихтер сидел вместе с Валленбергом. Кичман и Рихтер также рассказывали, что они в 1947 году были допрошены о том, что они знают о Валленберге и Лангфсельдере и что они после этого оба были по отдельности размещены.

Вена, 12 марта 1956 года
Эрнст Хубер.

В.Р.71.641/1956

Подлинность подписи господина Эрнста Хубера, коммерсанта, проживающего - Вена, Ш. Климшгассе № 13 подтверждается.

Вена, двенадцатого марта тысяча девятьсот пятьдесят шестого года,

Подпись и печать нотариуса
Конрада Крюнса.

Перевел:

/Л. Чурбанов/

Я, нижеподписавшийся Эрхард Хилле, проживающий по адресу : Франкфурт-на-майне , Цайльсхайм, Пфaffenvisse 52, в подтверждение и дополнение ранее сделанных показаний заявляю следующее. Я готов подтвердить под присягой нижеизложенное в суде или в любом другом учреждении.

Будучи ефрейтором германского вермахта, я был взят в Курляндии 12 января 1945 года в плен и через различные советско-русские органы доставлен в Москву, где я 6 марта 1945 года находился вначале в тюрьме на Лубянке, в следующую ночь был переведен в Лефортовскую тюрьму, камера 105. 22 марта 1945 года в камеру был помещен венгерский гражданин Вильмос Лангфельдер из Будапешта. Лангфельдер имел светлые волосы с рыжеватым оттенком, круглое лицо, рост - приблизительно 170 см. Он - еврей, родился в 1912 или 1913 г.

Лангфельдер был дипломированным инженером. Его семья имела в Будапеште машиностроительный завод , который во время войны был включен в концерн Геринга /"Имперские предприятия Герман Геринг"/. Главным акционером ^{предприятия} была его бабка, которая тогда еще жила. Лангфельдер^{не} работал, однако, на этом предприятии, до прихода нацистов к власти он был консультантом-инженером. В сентябре-октябре 1944 года Лангфельдер стал работать в качестве шофера секретаря шведской Миссии Валленберга в Будапеште. Он рассказал мне следующее о себе.

После того, как Будапешт был окружен советско-русскими войсками , Валленберг, сопровождаемый Лангфельдером, пытался в январе 1945 г. установить контакт с русским командованием и добиться того, чтобы квартал, где находилось посольство, не обстреливался, так как там не было надежных бомбоубежищ. Штабы, с которыми Валленберг вступил в связь, заявляли однако, что они не могут издать такой приказ, и посоветовали ему обратиться непосредственно к маршалу Малиновскому.

Но вскоре Валленберг и Лангфельдер были арестованы майором НКВД. Это произошло через 3 или 4 дня, после посещения Валленбергом первого советско-русского штаба.

Позже Валленберг и Лангфельдер были доставлены через Румынию в Москву, где они, насколько я помню, 6 февраля 1945 года были посажены в тюрьму на Лубянке. Там они были отделены друг от друга. С тех пор Лангфельдер не видел Валленберга.

Лангфельдер был помещен в камеру, в которой он находился до 18 марта 1945 года вместе с советником германского посольства в Бухаресте Рёделем и еще одним чехом. Во время пребывания в тюрьме на Лубянке Лангфельдер дважды допрашивался по вопросам, связанным с его арестом.

18 марта 1945 г. Лангфельдер был переведен в Лефортовскую тюрьму, где он был посажен в одиночное заключение. После этого он пришел в камеру 105, в которой я находился с 6 марта 1945 г.

Вместе с Лангфельдером я сидел до 6 апреля 1945 г., после чего я был переведен в камеру 287 Бутырской тюрьмы. С этого времени я больше не видел Лангфельдера. Однако позднее я встречался с другими заключенными, с которыми вместе сидел Лангфельдер.

В течение последних месяцев я сидел в различных камерах. Среди заключенных, сидевших в то время вместе со мной находился некий Ян Лойда, переводчик роты звукоуловительных установок, по гражданской специальности - токарь. Лойда, гражданин Чехословакии, родился в 1912 году в населенном пункте, расположенном недалеко от города Траутенау /Трутнов/. Однако в 20-х годах он стал немецким гражданином, так как его родители переселились в Германию/в Миттвейда в Саксонии/. Так как Лойда говорил бегло по-немецки и дал показания, что его родина - Миттвейда, стало мне тогда непонятно, почему Лойда мог быть идентичным с "чехом", о котором говорил Лангфельдер и который сидел вместе с ним и Рёделем в Лубянской тюрьме в период с 6 февраля по 18 марта 1945 года. Это стало мне ясно только тогда, когда я снова встретился с Лойда в Красногорском

лагере 27/II, куда я был переведен в октябре 1945 г.

В время одной беседы с Лойда в ноябре 1946 г. я спросил его, сидел ли он вместе с Лангфельдером в Лубянской тюрьме. Лойда ответил "да" и сказал, что он был "чехом". После этого Лойда рассказал мне следующее:

После того, как 18 марта 1945 г. Лангфельдер был выведен из камеры, пришел на его место Валленберг.

Валленберг был хорошим товарищем и попросил советского дежурного офицера передать сигареты Лангфельдеру. В то время, когда Валленберг сидел вместе с Лойда, он несколько раз вызывался на допрос. Валленберг сказал, что русские вообще не имели оснований содержать его под арестом. Он работал для русских в Будапеште. Но русские не хотели этому верить. Допрашивавшие сказали, что Валленберг - богатый шведский капиталист и что он смог бы как таковой сделать для русских. В середине мая 1945 г. все трое были вывезены из Лубянской тюрьмы на машине для заключенных. Через щель Лойда увидел, как были высажены Валленберг и Рёдель в Лефортовской тюрьме. Лойда сам был привезен в Бутырскую тюрьму.

18 августа 1945 г. вскоре после того, как я вместе с Лойда сидел в Бутырской тюрьме, меня посадили вместе со шведским гражданином Сандебергом. Я спросил Эдварда Сандеберга, знал ли он Валленберга, и получил ответ, что имя Валленберга широко известно в Швеции, но что он, Сандеберг, не может сказать, находился ли на дипломатической службе в Бухаресте член семьи Валленбергов.

С Сандебергом я снова встретился в Красногорске.

В лагере Красногорска 27/II я сидел до 1 февраля 1948 г., когда я был переведен в Лефортовскую тюрьму. Там я в течение двух лет сидел в камере с финном Еро Пелконен.

В Лефортовской тюрьме мы сидели в камерах № 92, 87 и 57. 31 марта 1950 г. мы были переведены в Бутырскую тюрьму в камеру № 287, где мы находились до 24 апреля 1951 г. Пелконен, который имел на лице рану, был сыном крестьянина из Карелии. Он был 1922 года рождения. Пелконен совсем не говорил по-немецки и плохо по-русски. Пелконен рассказал мне, что он в период с 20 апреля 1945 г. по 6 мая 1945 года сидел в Лефортовской тюрьме в камере №105 вместе с Лангфельдером и немецким контрадми-

ралом Крафтом, командующим военным портом Гдыни.

После этого он был перевезен в маленькую тюрьму в бывшем монастыре, вне Москвы. В 1946 г. он был положен в больницу Бутырской тюрьмы, где он оставался до апреля 1946 г. Потом он был вновь переведен в камеру № 105 Лефортовской тюрьмы. Крафт сидел еще в этой камере, а Лангфельдер в декабре 1945 года был вывезен из камеры. Кроме Крафта в камере находился в это время также немецкий генерал-лейтенант Штахель. Штахель в 1920-1923 гг. работал немецким инструктором финской армии, т.е. финского жандарма. Он знал финский язык и через него Пелконен получал главную часть своих сведений о Валленберге и Лангфельдере.

27 июля 1947 года сначала Крафт, а через четверть часа также Пелконен были вызваны на допрос. Пелконен допрашивался двумя видными работниками НКВД. Они спросили его, что Лангфельдер рассказывал ему о секретаре шведской миссии и знал ли Пелконен его имя.

Пелконен ответил, что он не знает имени секретаря шведской миссии. После допроса Пелконен был переведен сначала в одиночную камеру в первом этаже Лефортовской тюрьмы. Там он сорвался с подоконника на каменный пол, повредил себе при этом черепную коробку и попал в тюремный лазарет Бутырской тюрьмы. Оттуда он был переведен в камеру № 92 Лефортовской тюрьмы, куда 1-го февраля 1948 г. прибыл и я.

31 марта 1950 года Пелконена и меня повели в Бутырскую тюрьму в камеру № 287. В марте 1951 г. в этой камере был помещен австрийский гражданин Эрнст Хубер.

Хубер родился в 1908 году в Вене, является сыном покойного генерал-майора Хубера. Проработав несколько лет в Румынии, Хубер возвратился в 1936 году в Вену, где он совместно с одним компаньоном основал фабрику искусственных камней. В 1938 году Хубер вступил в контакт с германской контрразведкой, по поручению которой он занимался транспортировкой радио-передатчиков. Во время войны Хубер находился на службе у германской контрразведки и работал в Румынии. При разгроме Румынии Хубер попал в плен и в феврале или в марте 1945 г. был отправлен самолетом в Москву. В январе 1946 г. он был

приговорен к 10 годам тюрьмы и в марте 1946 г. отправлен в Сибирь.

2-го мая 1947 года Хубер был вновь доставлен в Москву и помещен в тюрьму на Лубянке. Хубер был подвергнут там сначала допросу по делу одного бухарестского банкира еврейского происхождения, который находился на службе германской контрразведки. 7 или 8 апреля 1949 г. Хубер вместе с немецким старшим лейтенантом Хонгшёнбергом был помещен в 105-й камере Лефортовской тюрьмы, в которой сидел Лангфельдер. Лангфельдер рассказывал Хуберу о своих переживаниях и переживаниях Валленберга, так как он об этом рассказывал нам.

Хубер допрашивался в тот же день 27 июля 1947 года, как и Пелконен, ответственными работниками НКВД. При этом переводчиком служил один полковник в военной форме, в то время как допрашивающий был одет в гражданское платье. На основании сведений, сообщенных мне Хубером, я предполагаю, что человек, одетый в гражданское платье, являлся генералом Карбуловым, который был известен мне по Красногорску. Карбулов предположительно был уполномоченным НКВД при генерале Петрове, который ведал военнопленными. Карбулов был очень высокого роста и тогда, в 1947 г., в возрасте около шестидесяти лет; у него были темные вьющиеся волосы, овальное лицо. Допрашивающий спросил Хубера, с кем он был вместе в 1945 году в тюрьме на Лубянке. Хубер перечислил несколько фамилий, но о них речь не шла. Вслед за этим допрашивающий сказал, что он /Хубер/ был вместе с Лангфельдером. Хубер ответил: "Да, но в Лефортовском". Далее допрашивающий пожелал уточнить, кто такой Лангфельдер, что он рассказывал и кто был шведским дипломатом. Когда Хубер не мог назвать его, Валленберга, фамилии, так как он забыл эту фамилию, допрашивающий сказал: "Это очень плохо, потому что Вы безусловно знаете эту фамилию".

24 апреля 1951 года я был приговорен к 25 годам тюремного заключения и переведен во Владимирскую тюрьму, где находился в одиночной камере; в камере № 54.

20 марта 1952 г. я был переведен в камеру № 13, где находился Пелконен.

15 апреля 1952 г. мы с Пелконеном были переведены в камеру № 50, где уже находился швейцарский гражданин Ганс Хофштеттер.

Хофштеттер, который родился в 1924 г. в Люцерне, был взят в плен в марте 1945 г. в Бухаресте и отправлен самолетом в Москву. В январе 1948 г., когда Хофштеттер находился в Лефортовской тюрьме, к нему в камеру поместили Лойда. Оба находились в камере до 1952 г.

Лойда не рассказывал Хофштеттеру, что он с 1943 по 1945 г. находился в советско-русском плену, и поэтому ничего не сказал о Валленборге и Лангфелдере. Ввиду этого Хофштеттер услышал впервые о Валленборге и Лангфелдере лишь 15 апреля 1952 г., когда я вместе с ним встретился.

17 июня 1953 г. меня, как и 23 других немецких заключенных собрали в одном месте и через пропускной лагерь в Тапиау направили в Германию.

Франкфурт-на-Майне - Цейльсхайм, 8 февраля 1956 г.

Подпись - Эрхард Хилле.

Нотариальная книга № 85 за 1956 г.

Настоящим удостоверяется подпись руки германского подданного журналиста Эрхарда Хилле, родившегося 2.XI.1913 г. в Золанде /на Шпрее/ и проживающего во Франкфурте на Майне - Цейльсхайм, Пфафенвизе 52, который поставил свою подпись в присутствии нотариуса и заверил нотариуса в правильности изложенного им письменного заявления.

Господин Эрхард Хилле удостоверяет свою личность путем предъявления паспорта № 364251, выданного 16 августа 1954 г. полицией-президиумом г. Франкфурт на Майне.

Франкфурт на Майне, 8 февраля 1956 г.

Расходы:

Ценность: 3.000 нем. мар.

Сбор § 39, I ко 5 нем. мар.

Налог с оборота - 20 нем. мар.

5.20 нем. мар.

Подпись нотариуса.

Отп. 20 экз.
ТВ/МБ

Подпись нотариуса.

Фотокопия документа воспроизводит печать нотариальной конторы г. Франкфурт на Майне.

Перевели: Басманов, Новосильцев, Шарков

новую камеру Лубянской тюрьмы, в камеру № 123. В этой камере я находился вместе с австрийцем по имени Шойер. Позднее в эту камеру был переведен также адмирал Фосс.

28 февраля 1947 года я был снова переведен в Лефортовскую тюрьму, на этот раз в камеру на III этаже.

Одновременно в эту камеру был переведен также венгровский полковник Хатц. Несколько месяцев спустя в июне м-це в эту камеру был переведен немецкий генерал-майор войск СС Монке.

Около II часов вечера 27 или 28 июля 1947 года я был доставлен на допрос. Руководил допросом полковник. В допросе принял также участие помощник начальника отдела в ранге майора. Оба были из министерства внутренних дел.

Меня спросили, с какими заключенными я находился в период моего заключения. Когда я упомянул фамилию Лангфельдера, лицо, ведущее допрос, спросило меня, о чем мне рассказывал вышеупомянутый. Тогда я рассказал в общих чертах о том, о чем говорил Лангфельдер, а именно: о Валленберге и о том, что они оба пережили. Тогда лицо, ведущее допрос, пожелало узнать, кому я рассказывал о Лангфельдере и Валленберге. Я назвал при этом следующих лиц: Шойер, Вейдлинг, Кун, Фосс, Хатц и Монке.

После допроса я был переведен в одиночную камеру. Как наказание за то, что я рассказывал моим товарищам по камере о Лангфельдере и Валленберге, я провел ^{время} в различных одиночных камерах Лефортовской тюрьмы вплоть до 23 февраля 1948 года.

В этот день я встретился с атташе по делам полиции при Германской Миссии в Бухаресте, германским гражданином Густавом Рихтером, который ранее сидел в одной камере вместе с Валленбергом в тюрьме на Лубянке и допрашивался об этом лице так же, как и я. Рихтера и меня перевели в камеру в женском отделении Лефортовской тюрьмы на первом этаже, куда также был переведен адмирал Тиллсен. 1 апреля 1950 г. я был переведен в Бутырскую тюрьму, где оставался до 29 августа 1951 года. Затем я был снова переброшен в тюрьму на Лубянке. 2 октября 1951 года я без суда был приговорен к

3.-

25 годам лишения свободы. После того, как я снова отсидел в одиночной камере на первом этаже около кухни, меня перевели во Владимирскую тюрьму, куда я прибыл 29 октября 1951 года. Во Владимирской тюрьме я был помещен в III корпусе, камера № 6, и находился там до 7 декабря 1951 года. В связи с болезнью меня перевели во II корпус в больничное отделение Владимирской тюрьмы, камера № 10. В этой камере я находился один до 19 марта 1952 года, когда ко мне снова перевели Густава Рихтера. После этого мы оба поочередно пребывали в разных камерах II корпуса до 11 сентября 1955 года, пока нас, наконец, не перевели в конце сентября в III корпус, где мы оставались до нашего освобождения.

Пидинг под Рейхенхалль, 31 января 1956 года

Китчман.

Документ № 217/1956. Подлинность вышестоящей подписи г-на полковника в отставке Хорста Китчмана из Пидинга под Вад Рейхенхалль, Дорфштрассе 26, германского гражданина, заверяется.

Паспорт № 8978519, выдан городским советом гор.Бад Рейхенхалль 28.X.55 г.

Бад Рейхенхалль, 31 января 1956 года.

Подпись: Эслингер /нотариус/

Личная печать нотариуса
Эслингера

Перевел: Жужжалов

Стп.20 экз.кс
30.III.56 г.

Перевод с немецкого.

Я, нижеподписавшийся Готтхольд Штарке, проживающий в Мюнхене 25, Ваксенштайнштрассе 9, заявляю настоящим в подтверждение и дополнение ранее данных показаний следующее и готов в любое время подтвердить это перед судом или перед любым органом власти под присягой.

В конце войны я работал в Министерстве иностранных дел в Берлине и был эвакуирован вместе с другими чиновниками в Мюльхаузен /Тюрингия/. 22.УП.1945 года я был арестован вместе с другими сотрудниками Министерства иностранных дел органами Красной армии за то, что я работал в последнем посольстве Германии в Москве в качестве советника.

Я был доставлен на самолете в Москву, куда я прибыл 16.УШ.1945 года. Меня посадили в камеру в Бутырской тюрьме, где я просидел до 5 октября 1947 года. В течение января-апреля 1946 года я лежал в больничном отделении Бутырской тюрьмы вместе с финским солдатом Эйро Пелконен.

5 октября 1947 года я был приговорен к 10 годам тюремного заключения "за шпионаж и участие в капиталистическом заговоре против Советской власти".

После этого я был переведен 5 ноября 1947 года в тюрьму во Владимире и содержался там до 19 июня 1953 года, когда я на основании амнистии вместе с примерно полутора тысячами других немецких заключенных смог выехать обратно в Западную Германию. Я был доставлен железнодорожным транспортом из Владимира в Тапиу, где я попал в сборный лагерь. Во время этой поездки я встретился с двумя немецкими гражданами - Хилле /имя я забыл/ и Германом Гроссхаймом /Томзен/, с которыми я находился в Тапиу до 23.ХП.53 года. Один из этих двух людей рассказал мне при этом, что он находился вместе с вышеупомянутым Пелконеном и одним венгерским гражданином, имя которого я забыл, в камере одной московской тюрьмы, когда это было, я не могу вспомнить. Как говорят,

этот венгр был шофером точно так же арестованного секретаря Шведской миссии в Будапеште Валленберга. Далее мне рассказали, что, поскольку Швеция защищала интересы Советов в Венгрии, Валленберг между прочим шел заданием заботиться о советских гражданах в Венгрии. Когда начались бои в Венгрии, и русские приблизились к городу, Валленберг со своим вышеназванным шофером поехал навстречу русским. Он обратился к русскому армейскому командованию и обратил его внимание на то, что в Будапеште имеются советские граждане, интересы которых защищает Шведская миссия, и которых Валленберг сосредоточил в специальном жилом квартале. Согласно словам шофера, сообщение об этом являлось целью их совместной поездки. Советские военные органы, однако, неправильно поняли эту акцию и арестовали Валленберга, а также его шофера.

Больше я ничего не могу сказать о Валленберге и его шофере. Как Хилле, так и Гроссхайм, которые точно так же были заключенными и находились во Владивостоке, до 17 июня 1953 года содержались отдельно от остальных заключенных и затем вместе со мной с вышеупомянутым транспортом были доставлены в Тапиу. Как меня тогда уверяли, Хилле и Пелконен содержались изолированно потому, что они сидели вместе с шофером Валленберга. Утром 23.XII.1953 года я был отделен от остальных заключенных в Тапиу, которые были отправлены в Западную Германию. Я должен был после пребывания в тюрьме в Коннингсберге вновь вернуться во Владивосток, где я оставался до конца июля 1955 года.

Несколькими днями раньше или позже моего дня рождения — 27 января — 1955 года я сидел в камере, которая находилась рядом с камерой Пелконена. Один из моих товарищей по камере установил связь путем перестукивания с камерой Пелконена. При этом Пелконен с помощью перестукивания спросил о судьбе Хилле, на что я попросил сообщить, что Хилле вернулся в Германию уже в конце 1953 года.

3.-

По истечении срока моего наказания я был переведен 22 .УП.1955 года из моей камеры во Владимирской тюрьме в сборный лагерь в Потьме, куда я прибыл 29 июля 1955 года. Во время пребывания в Потьме до 17 сентября 1955 года я встретил Финна, который сообщил, что Пелконен несколько раньше был отправлен домой.

В середине сентября 1955 года я смог направиться обратно в Западную Германию, куда я прибыл 25 числа этого же месяца. - Гамбург, 25 февраля 1956 года.

Готтхольд Штарке
/подпись/

УР. № 595/1956

Настоящим я, гамбургский нотариус Фриц Давидс, заверяю вышестоящую, признанную мной подпись господина Готтхольда Вильгельма Теодора Штарке, советника Миссии первого класса, Мюнхен 25, Ваксенштайнштрассе 9, родившегося 27 января 1896 года в Круново, что удостоверено заграничным паспортом № А 32487/55, выданным в Мюнхене 10 ноября 1955 года.

Гамбург, 25 февраля 1956 года.

/печать нотариуса Фрица
Давидса - Гамбург/

Давидс
/подпись/

Перевел

/Мочалов/

Перевод с немецкого.

Я, нижеподписавшийся, Бернгард Ренсингхофф, проживающий в Гешер, Фабрикштрассе, 45, заявляю в подтверждение и дополнение ранее сделанных показаний следующее и готов, когда угодно подтвердить это под присягой перед судом или перед любым органом.

В конце войны я служил в качестве экономического советника в Германской миссии в Бухаресте, где я 2 сентября 1944 года был взят в плен советскими войсками и доставлен самолетом в Москву. В Москву я прибыл 19 сентября 1944 года и был доставлен в Лефортовскую тюрьму, камера 150, на II этаже, в которой уже находился германский гражданин Иосиас фон Рантцау. 18 апреля 1945 года в нашей камере был помещен г-н Э.Л. Валленштейн, бывший сотрудник германской миссии в Бухаресте, после того, как он некоторое время находился в соседней камере № 151 вместе с генеральным секретарем Немецкого экономического института в Бухаресте Карлом Супприан, который одновременно был переведен в камеру № 152. В камере № 150 я находился до 21 марта 1948 года, а затем был переведен в камеру № 141 на этом же этаже. В камере № 150 кровать Валленштейна находилась у стены, обращенной к камере № 151. Кровать фон Рантцау находилась у стены, которая была обращена во двор, а моя кровать находилась у стены, обращенной к камере № 149. Путем перестукивания по так называемой идиотской системе — А = 1, Б = 2 и т.д. мои товарищи по камере и я узнали о фамилиях наших соседей.

В то время, когда Валленштейн и Супприан еще находились в камере № 151, мы установили с ними связь путем перестукивания. После того, как обоих перевели, на их место прибыли один финн, один югослав и, кажется, один русский. Правда, эти люди немного понимали по-немецки, однако не могли вести перестукивания на этом языке, что, вероятно, объяснялось тем, что они плохо знали немецкий алфавит. Всех этих трех я встретил в бане и узнал, между прочим, что фамилия югослава Фукс. Лишь тогда, когда туда поместили немецкого обер-лейтенанта по фамилии Гентш /Генш/, мы снова установили связь с камерой

№ 151. В камере № 151 на 3-м этаже прямо над нами находились германские граждане обер-лейтенант Штюлер, подполковник Рёстель, а также заведующий канцелярией германской миссии в Бухаресте Бергеман. Над ними, т.е. над камерой № 151, находились Вилли Рёдель, советник германской миссии в Бухаресте и шведский дипломат Валленберг. Между мной и этими лицами поддерживалась оживленная связь. Каждый день мы обменивались новостями от камеры к камере. Как Рёдель, так и Валленберг были усердными "стукачами". Таким образом, Валленберг рассказал мне о своей деятельности в Будапеште и о том, как его взяли в плен. Г-н Валленберг сообщил, что он из Стокгольма. Наш товарищ по камере Иозиас фон Рантцау рассказывал нам о семье Валленберга, которую он знал со времени его службы в Стокгольме.

В первый период нашей связи путем перестукивания мы использовали в основном время для того, чтобы составить письмо на французском языке. В этом письме Валленберг сослался на свое положение дипломата и сообщил, что он желал бы, чтобы его допросили. Валленберг в 1946 году летом послал письмо Сталину с просьбой помочь установить связь со шведской миссией в Москве. Что касается французской терминологии, то в этом, между прочим, помогал фон Рантцау.

Через некоторое время Валленберг получил извещение, что подтверждало получение письма адресатом.

Незадолго до переселения Валленберга и Рёдоля Валленберг был вызван на допрос. После допроса Валленберг сам путем перестукивания сообщил нам следующее: комиссар ему сообщил, что его дело целиком ясно, что это "политическое дело". Если он считает себя невиновным, то это его дело доказать это. Наилучшим доказательством того, что Валленберг виновен является тот факт, что шведская миссия в Москве и шведское правительство не вступились за него.

Валленберг потребовал от комиссара, который руководил допросом, установить прямую связь со шведской миссией в Москве или с Красным Крестом или, во всяком случае, дать ему возможность установить с ними связь письменно.

Эту просьбу комиссар отклонил со ссылкой на то, "что ни один человек о нем не заботится".

"Если шведское правительство или его миссия были бы в какой-либо степени в вас заинтересованы, то они давно бы установили с вами связь".

В другой раз Валленберг сообщил, что он спросил так называемого "допрашивающего офицера", будет ли он осужден или нет. На что Валленбергу ответили: "По политическим соображениям вас никогда не осудят".

За исключением формального допроса, который проводился в связи с его доставкой в русскую тюрьму, это был первый действительный допрос, которому он был подвергнут.

Кроме этого сообщения, мы получили позднее еще одно краткое известие: "Мы уходим" и несколько ударов кулаком в стену, вероятно, в знак того, что за ними пришли. Это произошло осенью 1946 года, насколько я могу вспомнить.

После Валленберга и Рёдоля в камеру № 203 были доставлены германские граждане генерал Монке и подполковник Макс Браун.

Гешер, 13 февраля 1956 года.

Б.Ренсингхофф

№ документа 22, год 1956

Вышестоящая подпись германского гражданина г-на Беригарда Ренсингхоффа, бывшего экономического советника германской миссии в Бухаресте, проживающего в Гешере, Фабриктрассе, 45, который поставил свою подпись в присутствии нотариуса и под присягой заверил нотариуса в правильности сведений, указанных им в подписанном заявлении, заверяется.

Г-н Ренсингхофф представил паспорт № У1 165179, выдан ведомством г-р.Гешер 15.12.1955 г.

Цёсфельд, 13 февраля 1956 г.

личная печать
нотариуса

Карл Эллингхауз, нотариус

20 экз. кс
30. III. 56

Перевел: Жужжалов

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, Карл Зупприан, в настоящее время проживающий в Гамбурге - Гроссфлотбек, Швинтштрассе, 18, настоящим заявляю в подтверждение и дополнение сделанных ранее показаний следующее и всегда готов подтвердить это под присягой перед судом или любым другим органом власти.

В конце войны я был генеральным секретарем германского научного института в Бухаресте, который входил в состав германской миссии.

23 августа 1944 года я был интернирован румынскими властями, вскоре затем взят в плен советскими войсками в Бухаресте и после короткого заключения в Бухаресте и в Гречанке самолетом доставлен в Москву. Там я был 21 сентября 1944 года помещен в Лефортовскую тюрьму, где оставался до 14 октября 1948 года, когда я был переведен во Владимирскую тюрьму. В Лефортовской тюрьме я вначале был на втором этаже вместе с пресс-атташе германской миссии в Бухаресте д-ром Куртом Велькиш, а позже с сотрудником отдела информации германской миссии в Бухаресте Эрнстом Валенштайнс, а потом 18 апреля 1945 года за несколько дней до моего дня рождения, который приходится на 20 апреля, был переведен в соседнюю камеру, где находились два итальянских дипломата - пресс-атташе де Мор и канцелярский служащий Ронки из итальянской миссии в Софии.

Примерно через три месяца моего пребывания в Лефортовской тюрьме я научился "стучать". Таким путем я из своей камеры № 151 /после 18 апреля 1945 года № 152/ установил связь, в частности, со следующими лицами в соседних камерах:

I. На втором этаже:

а) до 18.IV.1945 г. /из моей камеры 151/ с заключенными соседней камеры /№ 150/: Рензингхоф и Ратцау; с заключенными другой соседней камеры № 152: де Мор, Ронки и Зимен /последний находился там до начала первой половины января 1945 года/;

б) после 18.IV.1945 г. /из моей камеры № 152/ с заключенными соседней камеры/№ 153/: Морман, Портсген и Галфи.

/В другой соседней камере № 151 находился во всяком случае некоторое время какой-то не немец, повидимому, японец, с которым было невозможно договориться перестукиванием, если не считать повторявшегося каждый день приветствия по-английский: "доброе утро"./

2. На третьем этаже:

Только после 18.IV.1945 г. /из моей камеры № 152/: Валенберг и Редель.

/О Ределе я еще до 18.IV. косвенно узнал, что он находился в Лефортовской тюрьме/.

В последующее время до 1947 года я постоянно поддерживал контакт перестукиванием с известным мне по Бухаресту советником I-го класса германской миссии в Бухаресте Вилли Ределем и его товарищем по камере секретарем шведской миссии в Будапеште - Раулем Валенбергом. Обычно я перестукивался прямо с Ределем, но в нескольких случаях также и с Валенбергом.

Редель ^{говорил} о Валенберге, что он является членом известной шведской семьи и что он возглавлял кампанию по оказанию помощи евреям в Будапеште. Валенберг обвинялся русскими в шпионаже, однако, сидел "много лет без допроса". Первое сообщение о присутствии в тюрьме шведского дипломата настолько меня ошеломило, что я еще раз попросил Ределя подтвердить это сообщение, чтобы исключить всякое недоразумение. Редель повторил свое сообщение. Позже я неоднократно спрашивал: "что делает швед" или "здесь ли еще швед", на что Редель всегда отвечал совершенно определенно.

Кельн, 21 января 1956 года

Карл Зупприан

Док. №220/1956 . Настоящим заверяется подпись г-на Карла Отто Барним Зупприан, род. 2 апреля 1902 г. в Альтоне, бывшего генерального секретаря германского научного института в Бухаресте, ныне проживающего в Гамбурге, Швиндштрассе, 18, который в присутствии нотариуса поставил свою подпись и заверил его в правильности содержащихся в подписанном им заявлении данных. Г-н Карл Отто Барним Зупприан удостоверяет свою личность представлением германского удостоверения личности № Н.Н. С. 404974, выданного в Гамбурге 19.X.1955 г.

Кельн, 21 января 1956 г.

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР.

/подпись нотариуса/

Перевод с Французского

Я, нижеподписавшийся, Клаудио де Мор, доктор, советник по культурным вопросам Итальянского посольства в Мадриде, делаю следующее заявление и всегда готов подтвердить его под присягой перед судом или любым другим органом власти:

18 сентября 1944 года я был взят в плен советскими войсками на болгаро-турецкой границе и направлен вначале в Добрице, а оттуда, несколько дней спустя, самолетом прямо в Москву. Я прибыл туда 22 сентября 1944 года и немедленно был заключен в Лефортовскую тюрьму, в камеру № 152, вместе с г.г. Сименом и Ронки, сотрудниками Итальянской миссии в Софии. Я оставался в этой камере до апреля 1948 года. Г-н Ронки оставался все это время со мной, тогда как г-н Симен был переведен в другое место 11 января 1945 года.

7 ноября 1944 года, после неудачных попыток, нам удалось установить сообщение с соседней камерой № 153, в которой находились г.г.Морманн, Порцген и венгр г-н Галффи. Мы поддерживали также регулярный контакт с камерой № 151, в которой находились в то время г.г. Супприан и Валленштейн. Эта камера была освобождена 18 апреля 1945 года, и г-н Супприан перешел в нашу камеру, а г-н Валленштейн был переведен в камеру № 150.

В течение нескольких дней камера № 151 оставалась свободной. Однажды ночью, в конце апреля, мы услышали, что в эту камеру ввели двух новых заключенных. Их очень часто подвергали допросам. Вначале мы не установили с ними контакта. Однажды рано утром я услышал, что наши соседи в камере № 151 долго перестукивались с другой камерой. Мы услышали сигналы второй половины послания и смогли понять, что один из заключенных рассказывал на немецком языке, что он был взят в плен русскими в Будапеште в январе 1945 года. После этого мы, в свою очередь, попытались вступить в непосредственный контакт с лицами, находившимися в камере № 151, и таким путем мы смогли узнать, что одним из наших соседей был советник Германской

миссии Вилли Редель, а другим - г-н Рауль Валленберг из Шведской миссии в Будапеште. Мы были так удивлены, что шведский дипломат был заключен в тюрьму, что неоднократно запрашивали подтверждения, которые и были нам даны и которые были переданы нами г.г.Морманну и Прцгену. Контакт с г.г.Валленбергом и Ределем регулярно поддерживался в течение длительного времени. У меня сложилось четкое впечатление и я до сих пор убежден в том, что Валленберг и Редель находились в соседней камере на том же этаже. Поскольку моя койка находилась у стены, разделяющей камеры I52 и I5I, я убежден в том, что выстукивание производилось примерно на уровне моей койки.

Несколько месяцев спустя был перерыв в сообщении с нашими соседями, но однажды мы установили контакт с камерой, находящейся над камерой № I5I, и узнали, что в этой камере находились г.г.Валленберг и Редель. Сам Редель подтвердил нам, что он был переведен наверх. После этого контакт с верхней камерой, а также с другими соседними камерами поддерживался более или менее интенсивно, то на немецком языке (Супприаном), то на французском(мною), вплоть до того, как я ушел из камеры I52. В течение этого времени мы не получали никаких сообщений относительно выхода г.г.Валленберга и Ределя. После того, как в апреле 1948 года я был переведен в камеру I44 на том же этаже, я оставался там с г.г.Супприаном и Ронки до 29 июля 1948 года.

Затем меня перевели на этаж выше, в камеру I85, где я встретил г.г.Бергеманна и полковника Шильдкнехта. В беседе с г-ном Бергеманном последний указал, что он поддерживал контакт с Валленбергом в то время, когда он, Бергеманн, находился в другой камере на том же этаже, а не в камере № I85.

После апреля 1948 года у меня не было больше контакта ни с г-ном Ределем, ни с г-ном Валленбергом.

Кельн, 2I января 1956 года

(Подпись)

Перевод с немецкогоUR.221/1956 L.

Настоящим удостоверяю подпись д-ра Клаудио де Мор, родившегося 26 июня 1900 г. в Мейлапде, советника по вопросам культуры Итальянского посольства в Мадриде, проживающего в настоящее время в Мадриде, Калле Зурбано 96, который поставил ее в присутствии нотариуса и который заверил нотариуса в правильности содержащихся в подписанном им заявлении сведений.

Личность д-ра Клаудио де Мор удостоверена на основании предъявленного им дипломатического паспорта Итальянской республики № 3446/53, выданного Министерством Иностранных Дел Италии в Риме 11 марта 1953 г.

Кёльн, 21 января 1956 г.

(Подпись)

Нотариус

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР
30. III. 56 г.

Перевод с французского

Нижеподписавшиеся, Клаудио де Мор, доктор, советник по культурным вопросам Итальянского посольства в Мадриде, и Карл Супприан, проживающий по адресу: Гамбург - Гроссфлоттбек-Швиндштрассе 18, встретились сегодня в Шведской миссии в Кельне и имели возможность обсудить некоторые детали их собственных показаний, особенно по вопросу о том, находились ли г.г. Валленберг и Редель до того, как их перевели в камеру 203, в камере, находящейся этажом ниже, в Лефтортовской тюрьме в Москве (вероятно, в камере 151).

Г-н де Мор утверждает, что Валленберг и Редель находились в камере 151. Он, в частности, точно помнит о том, что слышал, как г.г. Валленберг и Редель выстукивали сообщения на уровне его койки, а также о перерыве контакта с г.г. Валленбергом и Ределем и о сообщении, сделанном при возобновлении контакта г-ном Ределем, относительно перевода г.г. Валленберга и Ределя на этаж выше.

Г-н Супприан, в силу того, что во время его пребывания в Лефтортовской тюрьме ему ничего не было известно о каком-либо перемещении г.г. Валленберга или Ределя с одного этажа на другой, не разделяет мнения г-на де Мора по этому поводу.

Вместе с тем, он признает правильность и точность всех других деталей показания г-на де Мора и считает, что это показание устанавливает, как и другие показания, о которых ему известно, неоспоримый факт пребывания г-на Валленберга в Лефтортовской тюрьме.

Кельн, 21 января 1956 года.

(Подписи)

Перевод с немецкого

UR. No 222/1956 L.

I)

Настоящим удостоверяю подписи г-на Клаудио де Мор, родившегося 26 июня 1900 г. в Мейланде, советника по вопросам культуры в Итальянском посольстве в Мадриде, в настоящее время проживающего в Мадриде, Калле Зурбано, 96.

2) Карла Отто Барнима Супприана, родившегося 2 апреля 1902 г. в Альтоне, бывшего генерального секретаря немецкого научного института в Бухаресте, в настоящее время проживающего в Гамбурге, Гроссфлотбек, Швиндштрассе, 18,

которые поставили их в присутствии нотариуса и которым нотариус удостоверил правильность приведенных в подписанном ими заявлении данных.

Личность д-ра Клаудио де Мор удостоверена на основании предъявленного им дипломатического паспорта Итальянской республики, № 3446/53, выданного Министерством Иностранных Дел Италии в Риме 11 марта 1953 г., личность г-на Карла Отто Барнима Супприана удостоверена на основании предъявленного им немецкого удостоверения личности № Н.Н. С 404974, выданного Гамбургским бюро по прописке и выдаче паспортов 19 октября 1955 г.

Кельн, 21 января 1956 г.

Подпись

Нотариус

Перевод сделан в Бжро
Переводов МИД СССР
30.III.56 г.

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, Вилли Бергеман, проживающий в настоящее время в Киле, Квинкештрассе, II, настоящим заявляю в подтверждение и дополнение сделанных ранее показаний следующее и всегда готов подтвердить это перед судом или любым другим органом власти.

В конце войны я был хранителем печати в германской миссии в Бухаресте. 21 сентября 1944 года я был арестован в Темишоара и доставлен в Москву. Сначала я был помещен в Лефортовскую тюрьму. Там я сидел с сентября 1946 года по май 1948 года в камере 202, находящейся на третьем этаже. Первое время в этой камере были германский гражданин служащий миссии Гельмут Штилер и я. В апреле 1947 года в эту камеру был также помещен подполковник генерального штаба Ганс Иоахим Ростель из Бухареста, который с октября 1944 года сидел со Штилером и мной, но с августа 1946 года, когда мы были помещены в камеру 189, находился в больнице. В декабре 1947 года Ростель также был отправлен в госпиталь. В январе 1948 года в нашу камеру был помещен немец Эрнст Петер Кронер из Бухареста, а в мае место Штилера занял радист из германской миссии в Софии Пауль Лорке.

В то время, когда я находился в Лефортовской тюрьме я сидел в следующих камерах:

165	25 окт. 1944 года - 1 сентября 1945 г.
172	1 сентября 1945 г. - 28 сентября 1945 г.
189	28 сентября 1945 года - сентябрь 1946 г.
202	сентябрь 1946 г. - май 1948 г.
190	май 1948 г. - 21 июля 1948 г.
146	21 июля 1948 г. - 26 февраля 1949 г.
137	26 февраля 1949 г. - 8 марта 1949 г.
185	8 марта 1949 г. - 31 марта 1950 г.

Во многих из этих камер нам удавалось установить связь с соседними камерами. Связь поддерживалась частично перестукиванием телеграфными знаками, а частично, когда мы сидели в камерах верхнего этажа, мы могли использовать для целей связи водопроводные трубы. Давление воды часто было недостаточным и трубы были пустыми. Если открыть водяной кран, то можно разговаривать с соседней камерой, в которую проведен тот же водопровод, что и в вашу собственную камеру. После того, как мы были переведены в камеру № 202 мы установили контакт с со-

седней камерой 203, с помощью как перестукивания, так и по водопроводу. В камере 203 в это время сидел шведский чиновник консульства Валенберг, который был секретарем консульства при шведской миссии в Будапеште, а также советник миссии Редель из германской миссии в Бухаресте. Связь с Валенбергом и Ределем поддерживалась до тех пор, пока оба не были переведены из камеры 203.

Это перемещение было произведено примерно в марте-мае 1947 года. Среди тех, кто был помещен в камеру 203, находился полковник Хорст Китшман, венгерский полковник Хатц, генералы Вильгельм Монке из Берлина и Эрик Хансен из Бухареста, а также подполковник Браун из Бухареста.

Валенберг был очень прилежным корреспондентом. Он говорил и стучал хорошо по-немецки. Нас он вызывал пятикратным стуком.

За это время я узнал о Валенберге, что 13 января 1945 г. он в качестве "референта" по-еврейским вопросам отправился в советский штаб для переговоров с русскими с целью добиться лучшего снабжения еврейского населения Будапешта. При этом Валенберг был задержан и отправлен в Москву по подозрению в шпионаже.

Во время своего пребывания в камере 203 Валенберг неоднократно требовал от комиссара, что ему сообщили что-либо о его судьбе. При этом Валенберга, в частности, утешали указанием на конференцию, состоявшуюся в марте 1947 года в Москве, на которой якобы была решена судьба военнопленных.

Киль, 27 января 1956 года.

Вилли Бергеман

Настоящим заверяется подпись пенсионера г-на Вилли Бергеман, род. 16 января 1886 года, ныне проживающего в Киле, Квинке-штрассе, II, который поставил подпись в присутствии нотариуса и заверил его в правильности данных, содержащихся в подписанном им заявлении. Г-н Вилли Бергеман удостоверяет свою личность представлением германского удостоверения личности № 230174а, выданного в городе Киль 29 января 1954 года.

Киль, 27 января 1956 года.

/печать и подпись нотариуса/

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР.

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, Эрнст Валенштайн, проживающий во Франкфурте на Майне, Даннекерштрассе, 22, настоящим заявляю следующее и всегда готов подтвердить это под присягой перед судом или любым другим органом власти.

Я родился 5 марта 1906 года и в момент моего ареста 2 сентября 1944 года был научным сотрудником-ассистентом при германской миссии в Бухаресте.

После ареста в Бухаресте я был самолетом отправлен в Москву, где 7 сентября 1944 года помещен в Лефортовскую тюрьму. После того как я, примерно, месяц провел вместе с германскими гражданами советником миссии Вилли Ределем и советником по социальным вопросам Францем Лангером в уголовной камере на втором этаже, повидимому, № 143, меня поместили в третью камеру от лестницы в том же ряду.

В этой камере я сидел вместе с германским гражданином первым секретарем германского научного института в Бухаресте Карлом Зупприан.

Через некоторое время, примерно, в апреле 1945 года я был переведен в четвертую камеру, считая от лестницы. В новой камере моими товарищами были германские граждане научный сотрудник-ассистент Бернхард Рензингхоф и советник миссии фон Рантцау, оба из германской миссии в Бухаресте; мы сидели вместе, примерно, до начала 1948 года.

Потом мы вместе с Рензингхофом и фон Рантцау были переведены в другую камеру, очевидно, № 141, которая находится в том же крыле и на том же этаже.

В течение того времени, которое я провел вместе с Рензингхофом и фон Рантцау, в четвертой камере, считая от лестницы, мы установили связь перестукиванием с нашими соседями и благодаря этому нам удалось установить, кем они являлись.

На том же этаже сидели, считая от лестницы:
в первой камере:

Порцген и Морман, оба германские граждане, примерно, с октября 1944 года до конца 1947 года;

во второй камере:

Два итальянца, из которых одного звали де Мор, а с апреля

1945 года в эту камеру был помещен Зупприан, после того мы с ним растались;
в третьей камере:

С этой камерой у нас связи не было, возможно, что там сидели русские;
четвертая камера:

наша камера

в пятой камере:

Германские граждане майор Генерального штаба Хайнц-Хельмут фон Хинкельдей, с сентября 1944 года до июня 1948 года, инспектор телеграфа Даарман и один арестованный в Бухаресте немецкий зондерфюрер. Позже, примерно, в 1947 году, германский генерал Пипенброк.

На этаже над нами, т.е. на третьем этаже, мы имели связь с шведским дипломатом Валенбергом и советником миссии Ределем из германской миссии в Бухаресте. Оба они сидели в камере над нами и сбоку, которая была в нашем ряду третьей, считая от лестницы. Наша связь с Ределем и Валенбергом установилась примерно в конце 1945-в начале 1946 г.

Я хорошо вспоминаю эту дату, поскольку Валенберг имел намерение в это время написать письмо с протестом и не был уверен, к кому он должен обращаться. Перестукиванием мы согласились о том, что целесообразнее всего направить письмо лично Сталину и написать его на французском языке. Я предложил Валенбергу использовать в качестве обращения слова "господин председатель", а когда Валенберг спросил о формуле вежливости, я дал ему понять, что самой подходящей формулой могло бы быть "примите, господин председатель, выражения моего весьма высокого уважения". Я знаю, что Валенберг написал такое письмо и передал его через постового. По собственному опыту я знаю, что такие письма действительно передавались дальше. Это следовало из моего собственного дела при зачитании всех материалов перед обвинением в соответствии с русской инструкцией, которая гласит, что каждому обвиняемому перед началом процесса должны быть зачитаны все содержащиеся в деле материалы.

Этим перестукиванием я потом также узнал, что у Валенберга был дипломатический паспорт и что шведское правительство поручило ему оказывать помощь евреям в Будапеште. Валенберг был арестован по подозрению в шпионаже, поскольку он находился на территории, занятой русскими.

Меня никогда не допрашивали и не спрашивали о господине Валенберге.

Берхтесгаден, 1 февраля 1956 года

Эрнст Валенштайн

Док. № 161

Настоящим заверяется подпись германского гражданина г-на Эрнста Людвиг Валенштайн, родившегося 5 марта 1906 года во Франкфурте на Майне, бывшего научного сотрудника-ассистента при германской миссии в Бухаресте, проживающего сейчас во Франкфурте на Майне, Даннекерштрассе, 22, находящегося в настоящее время в Унтершонау, около Берхтесгадена, который поставил свою подпись в присутствии нотариуса и заверил его в правильности подписанного им заявления.

Господин Эрнст Людвиг Валенштайн удостоверяет свою личность представлением германского туристического паспорта № 8926854, выданного городом Франкфуртом на Майне 31 октября 1955 года.

Берхтесгаден, 1 февраля 1956 года.

/печать и подпись нотариуса/

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, Хайнц-Хельмут фон Хинкельдей, проживающий в Висбадене, Бибрихер аллее 31, заявляю настоящим ниже следующее и всегда готов подтвердить это под присягой перед судом и любым другим органом власти.

Во время моего пленения в Бухаресте 1 сентября 1944 года я был майором германского Генерального штаба и был придан румынскому генералу Гарбана. После краткого интернирования вне Бухареста я был доставлен самолетом в Москву, куда прибыл 21 сентября 1944 года. Я был помещен там в Лефортовской тюрьме, камера 149 на втором этаже. В этой камере я находился, помимо краткого пребывания в больнице, до марта 1948 года. В течение этого времени моими товарищами по камере были следующие германские граждане:

Инспектор телеграфа Альберт Лаарман, с сентября 1944 года по март 1948 года /умер в 1949 году/

Зондерфюрер Гюнтер Вашкау, с сентября 1944 года до июня 1945 года,

Генерал Пикенброк и	§	сменили друг друга в указанном по-
Посланник Цехлин	§	рядке и находились в камере в июле-
	§	сентябре 1945 года, каждый пример-
		но по 6 недель.

После этого Лаарман и я примерно до 20 апреля 1947 года оставались в камере одни, а в этот день в камеру был помещен германский гражданин полковник генерального штаба Альберт Дитль.

Моя койка стояла вдоль стены, граничащей с камерой 150. Перестукиванием я через некоторое время установил связь с этой камерой. В этой камере сидели следующие германские граждане:

Экономический советник Бернхард Рензингхофф,
советник миссии Иозиас фон Рантцау и
научный ассистент Эрнст Вальнштайн.

Постепенно я установил прямой контакт со шведским дипломатом Валенбергом и с германским гражданином советником миссии в Бухаресте Вилли Ределем. Они оба сидели в камере, расположенной с боку и выше камеры I49, т.е. над камерой I50 или возможно I51. Номера камер были указаны на внешней стороне тюремной стены над окнами, так что мы могли видеть их при наших ежедневных прогулках во дворах тюрьмы. Разница в номерах камеры во втором этаже и соответствующей камеры в 3 этаже составляла 52. Поэтому Валенберг и Редель должны были находиться в камере 202 или 203.

Обычно я перестукивался с Ределем. Однако, у меня был прямой контакт и с Валенбергом. Мы перестукивались с ним по-немецки. Таким путем мы, например, обменялись адресами и Валенберг указал, что в качестве его адреса достаточно указать банковский дом Валенберг в Стокгольме. Адреса, которые, например, Редель зашил в подкладку рукава, были обнаружены и удалены. Я далее узнал от Валенберга /его имя мне было известно/, что он был арестован в Будапеште, что его обвиняли в участии в мероприятиях против евреев в Будапеште и что он, как шведский дипломат, неоднократно самым резким образом протестовал против своего ареста. Валенберг, как дипломат нейтрального государства, требовал, чтобы он мог установить связь с представителем шведской миссии в Москве. При допросах он отказывался давать показания и указывал на то, что он дипломат. Когда в нашу камеру был помещен посланник Цехлин и он узнал, что Валенберг находится в одной из камер над нами, он попросил нас передать перестукиванием его привет Валенбергу, на который Валенберг ответил. Через Рензингхофа из камеры I50 мы получили последнее сообщение о Валенберге и Ределе. Оно гласило: "Мы переезжаем". После столь долгого времени я уже не могу точно указать дату этого сообщения.

Наша связь перестукиванием, для которой мы обычно пользовались внешними стенами камер, ясна из следующей схемы:

203	202	201	
Валенберг		Бергеман	
Редель		Ростель	
151	150	149	148
	Рензингхоф	Наша камера	Герстенберг
	фон Рантцау		Цирфогель
	Валленштайн		
		Хаус	
		фон дем Бокемхоф	
		фон Срицкий	

По вопросу о Валенберге я могу в заключение сказать, что меня о нем никогда не допрашивали и не спрашивали.

Бад Тольц, 30 января 1956 года.

Хайнц-Хельмут фон Хинкельдей

Док. № 184. Настоящим заверяется подлинность подписи господина Хайнца-Хельмута фон Хинкельдей, германского гражданина, родившегося 25 января 1914 года в Венге, район Лицен, майора генерального штаба в отставке, проживающего в Висбадене, Бибрихер алее, 31, находящегося в настоящее время в Бад Тольц, который в присутствии нотариуса поставил свою подпись. Господин Хайнц-Хельмут фон Хинкельдей удостоверил свою личность представлением германского туристического паспорта № 8952306, выданного полицейским управлением Висбадена.

Бад Тольц, 30 января 1956 года

/подпись и печать нотариуса/

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР.

Перевод с немецкого.

Я, нижеподписавшийся, Франц Эккард фон Бентивегни, проживающий в Трире, Цурмайнерштрассе 8, заявляю настоящим в подтверждение и добавление к сделанным ранее показаниям следующее и готов в любое время подтвердить это перед судом или в любое время принести присягу.

В связи с немецкой капитуляцией я был 9 мая 1945 года взят советскими органами в районе Тукума (Курляндия), юго-западнее Риги. К этому моменту я был генералом и командиром дивизии германских вооруженных сил. Сначала я был привезен в лагерь, а оттуда увезен представителем НКВД, который привез меня в русский штаб фронта. Там мне было заявлено, что "шеф желает со мной говорить". Но между тем, этого не случилось, а меня посадили в самолет и 17 мая 1945 года я прибыл в Москву. В Москве сначала на 2 дня я был посажен в тюрьму на Лубянке. Вместе со мной был также ^{примерно} подполковник Лизонг (проживавший в Висбадене), мы находились с ним в тюрьме в одной камере. После того как меня допросил тогдашний советский министр Абакумов я был переведен 20 мая 1945 года в камеру на 2 этаже в Лефортовской тюрьме, где я оставался до начала января 1946 года. Товарищами по камере там, среди прочих были: мой бывший денщик германский гражданин Эрик Мюллер, позднее немецкий генерал Цирфогель и эстонский генерал Герман фон Зальца, который умер в русском плену.

В Лефортовской тюрьме я очень недолго имел связь путем перестукивания со своим соседом по камере, а именно, с немецким эсесовцем Вюнше.

В начале января 1946 г. я был вновь переведен в тюрьму на Лубянке. Там я оставался до начала 1949 г. и в этот период моим товарищем по камере среди других был немецкий генерал из Австрии и немецкий зондерфюрер Евгений Шефер. Затем я был вновь переведен примерно на 6 недель в Лефортовскую тюрьму. Лубянская тюрьма стала затем моим местом пребывания до сентября 1951 года, когда я был переведен в Бутырскую тюрьму. Там 9 февраля 1952 г. я был приговорен к 25 годам ^{разведки} ИТЛ за шпионаж и подготовку войны в органах немецкой /, а также за выдачу

русских агентов немецкой тайной полиции. 30 июня 1952 г. я был по железной дороге переведен во Владимирскую тюрьму. 4 октября 1955 г. я переехал в лагерь Горького под Иваново вместе с другими немецкими и японскими генералами. Оттуда я в начале октября 1955 г. смог предпринять поездку в Германию и 10 октября 1955 г. прибыл во Фридлянд.

В период с июля 1947 г. по июль 1948 г. я находился в одной камере в Лубянской тюрьме вместе с венгерским полковником Отто (?) Хатц, который раньше был венгерским военным атташе в Софии. Он был недолго также военным атташе в Анкаре. От него я впервые услышал об одном шведском дипломате, имя которого я не запомнил и который якобы также находился под охраной у русских. Однако я вспоминаю совершенно отчетливо, будто этот шведский дипломат работал в Будапеште, где он в первую очередь занимался вопросом о евреях. В Будапеште он якобы попал в руки к русским. Также и другой мой товарищ по камере - насколько я могу вспомнить, это был немецкий бригаденфюрер Панцингер, который ранее проживал в Мюнхене - в аналогичных словах описывал мне судьбу этого шведского дипломата.

Когда я вторично попал в Лефортовскую тюрьму, я слышал разговоры об этом, а именно со стороны германского гражданина и бывшего руководителя германского паспортного стола в Бухаресте Бергмана, с которым я в упомянутой тюрьме находился в течение недели в одной камере.

В Бутырской тюрьме я в 1952 г. был также однажды в одной камере с венгерским полковником Хатцом, который между тем был приговорен к 15 годам тюрьмы и который также сообщал мне о судьбе шведского дипломата.

Во Владимире я встретился наряду с другими также с германским гражданином экономическим советником Ренсингхоф, майором Гансом Гельмутом фон Хинкельдей и человеком по имени Йозеф Бём (проживавшем в маленьком местечке близ Нойвид). Они также мне рассказывали о шведском дипломате, который якобы, находясь в Лефортовской тюрьме, активно вел "перестукивание". Правда, эти сообщения касались периода, когда упомянутые лица

находились в Лефортской тюрьме.

После этого я ничего не слышал об этом.

Трир, 14 февраля 1956 года.

Франц-Эккард фон Бентивегни.

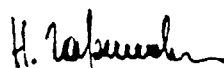
УР № 400/1956

Заверение. Вышестоящая подпись германского гражданина г-на Арманда Карла Франца-Эккарда фон Бентивегни, генерал-лейтенанта в отставке, проживающего в городе Трир, Цурмайенштрассе 8, который в присутствии нотариуса поставил свою подпись и который заверил нотариуса в правильности данных, приведенных им в подписанном заявлении, настоящим заверяется.

Г-н Арманд Карл Франц-Эккард фон Бентивегни подтвердил свою личность путем предъявления своего паспорта с фотографией серии № РПА 07929 Шг I7 I64, выданного полицаидирекцией города Трир 27 октября 1955 года.

Трир, 14 февраля 1956 года.

Нотариус (печать и подпись)

Перевела:
(Н. Гаврилова)

Перевод с немецкого.

Я, нижеподписавшийся, граф Рюдигер Адельман ^{фон Адельсманфельден,} /проживающий/ в Адельмансфельдене, Вюртемберг, заявляю настоящим, в подтверждение и дополнение сделанных ранее показаний следующее и готов в любое время подтвердить это перед судом или властями под присягой:

В период, когда я был задержан советскими органами 22 сентября 1944 года в Кронштадте, я был германским консулом I-го класса в Плошти (Румыния). В грузовом автомобиле я был доставлен из Кронштадта в Бухарест, а 24 сентября 1944 г. я был перевезен в самолете из Бухареста в Москву. Здесь я был сдан в Лефортовскую тюрьму. До 1 апреля 1950 г. я пребывал в различных камерах второго и третьего этажа. Моими товарищами по камере в тот период среди других были: германские граждане Родде, Лернер, генерал Шпальке, подполковник Макс Браун, генерал СС Бруно Штресенбах, посланник Лангман, а также служащий Миссии Рензингхоф. Далее, в различные периоды в различных камерах я находился вместе с австрийцами доктором Рамон Гамотта и доктором Эрнстом Кренером, а также с итальянцами посланником Одениго и Ренато Тоцци.

Во время моего пребывания в плену в России я при различных обстоятельствах слышал, как упоминается имя шведского гражданина Рауля Валленберга. Насколько я помню, это произошло впервые в 1947 или 1948 г.г., когда я находился в Лефортовской тюрьме. Я могу почти определенно сказать, что мне рассказывал о нем г-н Ренсингхоф, с которым я был в одной камере в июле и августе 1948 г. Насколько я помню, это была камера № 156. Мне известно, что рассказывали, будто папский нунций в Будапеште в свое время обратился там к шведскому посланнику и просил, чтобы один из представителей шведского посольства остался там для опеки находившихся в Будапеште госпитализированных лиц. Это поручение взял якобы на себя Валленберг. Затем во время вступления советских войск в Будапешт Валленберг был задержан советскими органами и переведен в Москву, где он находился в Лефортовской тюрьме. Находясь в плену, Валленберг якобы неоднократно делал усилия, чтобы вступить в контакт со шведской миссией в Москве.

1 апреля 1950 г. я был переведен в Бутырскую, а позднее в Лубянскую тюрьму, а 1 ноября 1951 г. я приехал в лагерь Тайшет в Восточной Сибири, где я оставался до апреля 1952 г. 2 мая 1952 г. меня привезли во Владимир и там 10 октября 1955 г. меня освободили, после чего я смог выехать в Западную Германию.

При этом я могу сказать, что хорошо помню, что слышал имя Валленберга в период, когда находился в плену в Лефортовской тюрьме. В период пребывания в России советские органы никогда не допрашивали и не спрашивали ничего о Валленберге.

Адельмансфельден, Вюртемберг, 6 февраля 1956 г.

Граф Рюдигер Адельман фон Адельмансфельден.

Заверение подписи.

Вышестоящая подпись германского гражданина г-на графа Рюдигера Адельман фон Адельмансфельден, родившегося 10 августа 1893 г. в Адельмансфельдене, бывшего германского консула I-го класса в Плоешти (Румыния), проживающего в Адельмансфельдене (Вюртемберг), который в присутствии нотариуса поставил свою подпись и заверил нотариуса в правильности данных, содержащихся в подписанном им заявлении, настоящим заверяется.

Господин Рюдигер граф Адельман знаком мне лично.

Абтсгмунд(Вюртемберг) 6 февраля 1956 года.

Районный нотариус
(Подпись и печать).

Перевела: (Н.Гаврилова)

Перевод с немецкого.

Запись беседы с немецким гражданином вице-адмиралом Гансом Эрихом Фоссом, родившимся 30 октября 1897 года и проживающим в Хинтерзее близ Берхтесгадена в лесничестве. Беседа состоялась 31 января 1956 года.

Адмирал Фосс был арестован 2 мая 1945 года в Берлине, когда он нес службу в качестве представителя Верховного Командования Военно-Морского флота в Главной ставке фюрера.

После своего ареста он был доставлен в тюрьму во Фридрихсхаген, вблизи Берлина, где он находился в течение нескольких недель. Примерно в конце июня - начале июля 1945 года он был отправлен самолетом в тюрьму на Лубянке, в которой, насколько адмирал Фосс может припомнить, находился до 20 декабря 1946 г. Во время своего пребывания в тюрьме на Лубянке, адмирал Фосс сидел в различных камерах, номера которых он не может теперь припомнить. В течение различных периодов времени его товарищами по камерам, между прочим, были японский гражданин по фамилии Танигути, румынский генерал, который служил в Одессе, два советских офицера, известный русский генерал Власов, советский гражданин, который был сыном министра, немецкий полковник Китшманн и, наконец, австриец по имени оберлейтенант Шойер. С Китшманном и Шойером адмирал Фосс находился в одной камере с октября м-ца 1946 года. Насколько адмирал Фосс припоминает, 20 декабря 1946 года они были переведены в Лефортовскую тюрьму в Москве, где их поместили в камеру на втором этаже в боковом крыле, которое примыкает к мастерской по испытанию моторов. Номер этой камеры адмирал Фосс также не может сообщить. Он полагает, что он может сказать о том, что он находился там примерно до середины января 1947 года вместе с Китшманном и Шойером. В это время адмирал Фосс был отделен от двух остальных лиц и вновь переведен в тюрьму на Лубянке. С этого времени он больше ничего не слышал о Шойере и его судьбе.

Относительно Шойера адмирал Фосс заявил, что ему неизвестно имя Шойера. Шойер, который выдавал себя за австрийца и, повидимому, являлся также австрийцем, судя по диалекту, сообщал о себе следующее.

До второй мировой войны Шойер имел в Вене магазин по торговле радиотоварами. Более точного адреса он не сообщал. Его родственник со стороны жены являлся профессором в Высшей школе сельского хозяйства, возможно, в Леобене /Штирия/.

Во время войны Шойер, по его собственным словам, попал под Сталинград. Он являлся специалистом по радио и был направлен в армию генерала Паулюса для того, чтобы привести в порядок радиоустановки.

В тюрьме на Лубянке Шойера допрашивали русские комиссары, и при этом, как говорят, выяснилось, что он был задержан далеко за линией фронта на советской территории в гражданской одежде, причем он шел при себе радиоаппаратуру и значительное количество русских денег. Поэтому русские рассматривали Шойера в качестве шпиона.

Согласно мнению, которое сложилось у адмирала Фосса о Шойере, последний, возможно, был агентом и работал на немцев на русской территории за линией германо-русского фронта. Адмирал Фосс питал мало доверия к Шойеру и придерживался того мнения, что возможные его сообщения следует оценивать с максимальной осторожностью.

Несомненно, у Шойера болела нога. Он никогда не принимал участия в ежедневных прогулках и мог ходить в баню только тогда, когда ему кто-нибудь помогал дойти до бани и вернуться обратно. Адмирал Фосс сам неоднократно помогал ему в этом и даже носил его.

Только когда адмиралу Фоссу было сказано, что Шойер, возможно, находился в одной камере со шведским гражданином, он заявил, что, возможно, Шойер что-либо и рассказывал о шведском гражданине, который сидел в тюрьме на Лубянке.

Каких-либо других подробностей адмирал, однако, не мог больше припомнить.

Примерно, 5 января 1947 года адмирал Фосс был переведен обратно в тюрьму на Лубянке, где он был посажен в одну камеру вместе с немецким генерал-фельдмаршалом Шёрнером и немецким генералом Пиккенброком.

В 1952 году адмирал Фосс был осужден и переведен затем из тюрьмы на Лубянке в тюрьму во Владимире.

23 декабря 1954 года адмирал Фосс был доставлен из Владимира в тюрьму в Москве, где ему на следующий день объявили, что он освобождается из заключения. В январе 1955 года он вернулся в Западную Германию.

На поставленные вопросы адмирал Фосс ответил следующее:

Он знает немецкого генерала Штахеля, однако никогда не встречал его во время заключения. Штахель, по слухам, будто бы находился в заключении в Лефортовской тюрьме и позднее умер.

Адмирал Фосс никогда ничего не слышал во время пребывания в русском плену о финском гражданине по фамилии Пелконен, а также о лице по фамилии Лангфельдер.

Контр-адмирал Краффт выступал в качестве свидетеля по обвинению против адмирала Фосса. Адмирал видел показания, которые Краффт подписал в конце 1951 года. Адмиралу было известно, что Краффт, по крайней мере в 1952 году, находился во Владимире. Адмирал и Краффт, однако, никогда не встречались во время пребывания в русском плену.

От Китшмана адмирал узнал, что он находился раньше в одной камере с немецким генералом Вайдлингом.

Он также слышал от Китшмана о том, что ходят слухи о пребывании майора Куна в тюрьме на Лубянке.

В заключение адмирал Фосс заявил, что он слышал только об одном шведском гражданине во время пребывания в русском плену. Его имени, однако, он не может вспомнить.

Он не может также определенно сказать, слышал ли он о шведе в тюрьме на Лубинке или лишь во Владимире.

Хинтервесс, близ Берхтесгадена, 31 января 1956 года.

Фосс

/подпись/

Вице-адмирал в отставке

Перевел: Мочалов

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, доктор Антон Морман, бывший советник I-го класса германской миссии в Софии, в настоящее время проживающий в Бад Годесберге, Вурцерштрассе, 17, настоящим заявляю в подтверждение и дополнение сделанных ранее показаний следующее и всегда готов подтвердить это под присягой перед судом или любым другим органом власти.

18 сентября 1944 года я вместе с остальным персоналом германской миссии, а также членами итальянской миссии в Софии был арестован советскими войсками в Болгарии. Вместе с одиннадцатью лицами из этой группы я был доставлен в Москву, куда прибыл 22 сентября. Я был немедленно отправлен в Лефортовскую тюрьму, 2-й этаж, камера 153. В той же камере помещался пресс-атташе германской миссии в Софии Портсен, а позже также хранитель печати венгерской миссии в Софии Галфи. Когда в марте 1947 года я был переведен из этой камеры в камеру 154, 3-й этаж, Галфи и Портсен уже покинули эту камеру.

Справа от камеры, если стоять внутри ее, лицом к двери в корридор, имелась лестница; слева от камеры находилась камера, в которой находились итальянский поверенный в делах в Софии Зимен, атташе печати итальянской миссии в Софии де Мор, а позже также генеральный секретарь германского научного института Зупприан. Мы поддерживали с ними прямой контакт перестукиванием. От них мы слышали о присутствии в тюрьме шведского дипломата Рауля Валенберга и г-на Геделя из германской миссии в Бухаресте, которые были размещены в одной из камер находившегося над нами этажа. Насколько я могу вспомнить, у меня было такое впечатление, что до этого оба короткое время находились на нашем этаже. Насколько я помню с декабря 1946 г. у меня больше не было с ними контакта.

Кельн, 28 января 1956 года.

Антон Морман

Док. №284/1956 г.

Настоящим заверяется подпись г-на д-ра Антона Теодора Морман, советника миссии в Министерстве иностранных дел, проживающего сейчас в Бад Годесберге, Вурцештрассе, 17, который поставил свою подпись в присутствии нотариуса и заверил его в правильности данных, содержащихся в подписанном им заявлении.

Г-н д-р Антон Теодор Морман удостоверяет свою личность представлением дипломатического паспорта Федеральной Республики Германии № А 1863, выданного Министерством иностранных дел Федеральной Республики Германии 20 мая 1955 года.

Кельн, 28 января 1956 года

/подпись нотариуса/

Перевод сделан в
Бюро Переводов МИД СССР.

Перевод с немецкого

Я, нижеподписавшийся, Вильгельм Монке, проживающий в Гамбурге, 26, Зивекингсаллее, 19 настоящим заявляю следующее и всегда готов подтвердить это под присягой перед судом или любым другим органом власти.

В момент моего пленения в Берлине 4 мая 1945 года я был генерал-майором комендантом правительственного квартала Берлина и был самолетом доставлен в Москву, где я провел в Бутырской тюрьме время с 9 мая 1945 года по 15 мая 1947 г. и в Лефортовской тюрьме с 15 мая 1947 года до 30 марта 1950 г. С 30 марта 1950 г. по 17 июля 1952 года я опять был в Бутырской тюрьме. После этого я был переведен в тюрьму во Владимир в 180 км. к юго-востоку от Москвы.

Когда я, 15 мая 1947 года, поступил в Лефортовскую тюрьму, меня заперли в камере 203 на 3-ем этаже. В этой камере уже сидели немецкий полковник Китшман и венгерский полковник Хатц. Они были помещены в эту камеру в январе или в феврале 1947 года.

В различное время я разделял камеру 203 со следующими лицами:

Полковник Китшман, бывший германский военный атташе в Финляндии, с 15 мая до июля 1947 года;

полковник Хатц, венгерский военный атташе в Турции и Болгарии, с 15 мая по июнь 1947 года;

полковник Мако Браун, помощник германского военного атташе в Румынии, начало августа по декабрь 1947 года, и

генерал Эрик Хансен, германский консул в Румынии, с начала сентября 1947 года по лето 1948 года.

Во время моего заключения в Советской России я часто слышал разговоры о заключенном шведском дипломате, который работал в Будапеште. Советские власти обвиняли его в шпионаже в пользу немцев. Его звали Валенберг, но я уже не помню, кто и по какому случаю мне о нем рассказал.

Документ № 164.

Настоящим заверяется подпись германского гражданина г-на генерал-майора в отставке Вильгельма Монке, проживающего в Гамбурге 26, Зивекингсаллес, 19, в настоящее время находящегося в Хинтерзее у Берхтесгадена, который поставил свою подпись в присутствии нотариуса и заверил его в правильности содержащихся в подписанном им заявлении данных.

Удостоверение личности: Германское удостоверение личности № ННС453466, выданное в Гамбурге, 17.X.1955 года.

Берхтесгаден, 1 февраля 1956 года

/печать и подпись нотариуса/

Перевод сделан в Бюро
Переводов МИД СССР

Перевод с немецкого.

Я, нижеподписавшийся, Рудольф тен Хомпель, проживающий в настоящее время в Вупперталь-Эльберфельд, Дюппелерштрассе I, настоящим заявляю в подтверждение и дополнение сделанных мною ранее показаний следующее и всегда готов подтвердить это перед судом или властями под присягой.

Перед капитуляцией Румынии я был офицером связи при группе войск Юга отделения экономики с местонахождением в Бухаресте. При капитуляции я направился в здание германской миссии для того, чтобы избежать плена. Примерно 5 сентября 1944 г. я был взят в плен советскими органами. Ко времени взятия в плен я занимал пост зондерфюрера в ранге капитана. Вместе с другими военными и членами германской миссии я был привезен сначала в Текучи /Румыния/, а 9 сентября 1944 г. самолетом был доставлен в Москву. Здесь я был заключен в Лефортовскую тюрьму, в камеру, расположенную на втором этаже. Это была угловая комната и в ней я пробыл до декабря 1944 г. Моим товарищем по камере в течение примерно двух недель с 9 сентября 1944 г. был германский министр Карл Клодиус, работавший ранее в Бухаресте. Примерно 22 сентября 1944 г. министр Клодиус был удален из камеры и я остался там один. Со 2 декабря 1944 г. я был переведен в другую камеру на III этаже Лефортовской тюрьмы, где моим товарищем по камере стал венгерский гражданин подполковник Андре Сцёке, бывший военный атташе в Софии. Еще мне известно, что в 4-й камере этого же этажа, считая от лифта, сидел сотрудник немецкой миссии /гезандшафтсканцлер/ Курт Мушке из Софии. В январе или феврале 1946 г. я был вновь переведен в другую камеру второго этажа. Это была, повидимому, вторая или третья камера, считая от лифта. Там я сначала сидел один. Позднее в эту камеру был переведен немецкий адмирал Гузе, который, какется, позднее умер в советском плену.

Одним из моих соседей по камере был германский советник по экономическим вопросам Ренсингхофф, с которым я имел связь путем перестукивания и от которого я узнал, что в тюрьме находится также шведский дипломат по имени Валленберг. Я слышал,

будто он является сыном банкира, работал в Будапеште по заданию шведского Красного Креста и имел связь со шведской миссией в Будапеште. Там он был якобы взят(под арест) советскими органами. Это сообщение я получил в 1945 г.

В июне-июле 1947 г. я вновь попал в одну камеру 3-го этажа. В августе 1948 г. я был приговорен за "массовый грабёж" на советской территории к 25 годам тюрьмы и вскоре после этого перевезен во Владимир. Во Владимире с августа 1948 г. моим товарищем по камере был немецкий адмирал Лузе и фон Бредов, немецкий профессор Карл Клауберг, далее японский капитан Маеда и несколько советских граждан. Этим я сидел некоторое время как единственный немец в камере, где были только русские. В 1949 г. во Владимире наряду с другими моим товарищем по камере был немецкий гражданин г-н Пёрцген и Курт Ландвер фон Прагенау. Весной 1950 г. моим товарищем по камере был также Ренсингхоф. Также и во Владимире опять говорили о деле Валленберга, о чем я вспоминаю совершенно отчетливо.

Я хотел бы еще добавить, что в период примерно с конца марта 1949 г. до весны 1950 г. я сидел во Владимире в камере № 66, где находились также два финских гражданина - один капитан из финского Генерального штаба Пушкарев, который был русским по происхождению, и капитан Нарбут. Первый жил в Хельсинки, последний якобы умер в плену. Я почти с определенностью могу сказать, что вспоминаю, как капитан Нарбут рассказывал мне о Валленберге и его судьбе.

В начале октября 1955 г. я получил возможность возвратиться в Западную Германию и 13 октября 1955 г. приехал во Фридлянд.

Вуппертал-Эберфельд, 18 февраля 1956г.

Рудольф тен Хомпель.

УР № 78/1956 Н.

Вышестоящая подпись г-на Рудольфа тен Хомпель, родившегося 28.III.1909 г. в Дуйсбурге-Майдерих, торговец по профессии и бывший зондерфюрер К. германских вооруженных сил, проживающий в настоящее время в Уппертал-Эберфельде, Дюппелерштрассе I, который в присутствии нотариуса подставил свою подпись и заве-

3.

рил нотариуса в правильности данных подписанного им заявления, настоящим заверяется.

Господин Рудольф тен Хомпель удостоверяет свою личность путем предъявления паспорта серии НВ ІУ 308240-х, выданного местным ведомством Эльберфельд-Вупперталь І8.Х-І955 г.

Вупперталь-Эльберфельд, І8 февраля І956г.

Нотариус
(Печать и подпись).

Перевела: (Н.Гаврилова)

Перевод с немецкого.

Я, нижеподписавшийся, д-р Иоахим Фюрверк, проживающий в Гамбурге 20, Лоогестиг 17, в подтверждение и дополнение ранее данных показаний заявляю настоящим следующее и готов в любое время подтвердить это под присягой перед судом или любым органом власти.

В конце войны я был референтом по административным вопросам у особо уполномоченного по экономическим вопросам при Германской миссии в Бухаресте /посланник д-р Нойбахер/.

23 августа 1944 года я вместе с другими сотрудниками Германской миссии был интернирован румынскими властями в здании миссии и вскоре после этого отправлен в бывший немецкий резервный госпиталь. Примерно 1 сентября 1944 года русские стали распоряжаться интернированными. Вскоре после этого я вместе с другими сотрудниками миссии был отъезжен на машине в один населенный пункт в окрестностях Бакау и оттуда на самолете — через Харьков в Москву, куда мы прибыли 8 сентября 1944 года. Я был тотчас же доставлен в Лефортовскую тюрьму, в камеру № 141 или 142 на втором этаже. Камера, третья от фасадной стороны здания, находилась в крыле, где в первом этаже был выход в баню, а именно, на стороне, где находилось четыре камеры.

Мои товарищами по этой камере были немецкие граждане — капитан-лейтенант дипл. инж. Эдуард Бретхауэр из Эссена и коммерсант Пауль Виттери из Гамбурга.

Насколько я припоминаю, весной 1945 года я услышал о том, что немецкий гражданин Вилли Рёдель, советник германской миссии в Бухаресте, находится в камере Лефортовской тюрьмы вместе со шведом по фамилии Валленберг. Как говорили, Валленберг работал по поручению шведского Красного Креста и, как я припоминаю, рассказывали, что он был арестован в Берлине. Кто мне это сообщил, я не могу с уверенностью сказать. Я считаю весьма вероятным, что я услышал это сообщение во время прогулки во дворе от немецкого гражданина Валленштайна, сотрудника немецкой миссии в Бухаресте.

Во дворе, где мы прогуливались я часто разговаривал с Валленштайном. Разговоры велись через досчатый забор, причем мы не видели друг друга. Я могу точно припомнить, что во время подобного разговора он рассказал мне то, что он узнал через Рёделя. Из этого я делаю вывод, что он мне также сообщил о том, с кем сидел Рёдель, и что при этом разговор также перешел на Валленберга. Я не могу припомнить, в какой камере сидел Валленберг, но я очень точно помню, что говорилось о том, что он находился в Лефтортовской тюрьме. С тех пор я никогда не слышал больше ничего о Валленберге.

В период с июля по сентябрь 1948 года я сидел в различных камерах в Лефтортовской тюрьме, но не вместе с вышеуказанными товарищами по камере. 8 сентября 1948 года я был переведен в тюрьму во Владимире, где я содержался до 12 октября 1955 года. Оттуда я был выпущен на свободу и прибыл 14 октября 1955 года в Западную Германию.

Гамбург, 24 февраля 1956 года.

Иоахим Форверк /подпись/

УР.№ 486/1956

Я, гамбургский нотариус Фриц Давидс, настоящим заверяю вышестоящую, сделанную в моем присутствии, подпись, господина д-ра Иоахима Форверка, старшего правительственного советника, родившегося 18 августа 1902 года в Лаубау /Силезия/, Гамбург, 20, Люогештиг 17, что подтверждается удостоверением личности НН С 443 742.

Гамбург, 24 февраля 1956 года

/печать нотариуса
Фрица Давидса -
Гамбург/

Давидс /подпись/

Перевел:

Мочалов

B 15

Разослать членам Президиума ЦК КПСС,
т.т. Серову, Дудорову

4 апреля 1956 года

ИЗ ДНЕВНИКА
В.М.МОЛОТОВА

К о п и я
Секретно, Экз. № //

П Р И Е М
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ШВЕЦИИ Г.ХЕДЛУНДА
3 апреля 1956 г. в 15.30

На беседе присутствовали: со шведской стороны - заведующий Политическим отделом МИД Швеции Г.Ярринг и 2-й секретарь МИД Швеции Лорентзон. С советской стороны: т.т. Семенов В.С. и Родионов К.К.

Молотов говорит, что он пригласил Хедлунда в связи с вопросом о Валленберге.

По вопросу о Валленберге - говорит В.М.Молотов - Советское правительство в настоящее время ничего не может добавить к тем заявлениям относительно Валленберга, которые ранее были сделаны представителям Правительства Швеции руководителями Советского правительства, а также к ноте МИД СССР от 19 марта с.г. по этому же вопросу.

Тем не менее Советское правительство, учитывая обращение Премьер-Министра Швеции г-на Эрландера, дало указание компетентным советским органам тщательно рассмотреть и проверить представленные шведской стороной материалы, касающиеся Валленберга. О результатах рассмотрения этих материалов Шведское правительство будет поставлено в известность.

Хедлунд заявляет, что вполне понимает точку зрения Советского правительства по данному вопросу. Мы удовлетворены, говорит он, услышанным здесь сообщением о том, что переданные шведской стороной материалы будут подвергнуты тщательному изучению и проверке. Именно этого и хотела шведская сторона. Мы будем ожидать с большим доверием сообщения о результатах расследования, проведенного советскими властями.

Молотов замечает, что вопрос о содержании совместного советско-шведского коммюнике о пребывании Эрландера и Хедлунда в Москве, кажется, уже согласован в рабочем порядке между Г.Яррингом и В.С.Семеновым.

. Хедлунд и Ярринг подтверждают, что дело обстоит именно так.

Молотов спрашивается о состоянии здоровья Премьер-министра Эрландера.

Хедлунд отвечает, что Эрландер чувствует себя значительно лучше и мог бы выехать в свою поездку по СССР уже завтра, 4 апреля. Однако врачи настаивают на том, чтобы он задержался в Москве еще на день, и Эрландер решил поступить благоразумно и послушаться на этот раз совета врачей.

Молотов отвечает, что это будет правильно.

Беседа продолжалась 15 минут.

Записал: А.Александров.

Верно: *Волочанов*

Разослано
товарищам

Булганину
Ворошилову
Кагановичу
Кириченко
Маленкову
Микояну
Молотову
Первухину
Сабурову
Сулову
Хрущеву
Серову
Дудорову

№ 704/М

Отп. 28 экз. лф. ак. II 63 мб
4.IV.56г.

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П9/32

Т.т.Молотову (МИД), Серову, Дудорову.

Выписка из протокола № 9 заседания Президиума ЦК от 3 апреля 1956 г.

Об ответе Шведскому Правительству по вопросу о Валленберге.

1. Поручить МИД СССР (т.Молотову) до отъезда Эрландера из Москвы (4 апреля) устно сообщить Министру внутренних дел Швеции Хедлунду, что по вопросу о Валленберге Советское Правительство в настоящее время ничего не может добавить к тем заявлениям относительно Валленберга, которые ранее были сделаны представителям Правительства Швеции руководителями Советского Правительства, а также к ноте МИД СССР от 19 марта с.г. по этому же вопросу. Сказать также Хедлунду, что тем не менее Советское Правительство, учитывая обращение Премьер-Министра Швеции г-на Эрландера, дало указание компетентным советским органам тщательно рассмотреть и проверить представленные шведской стороной материалы, касающиеся Валленберга. О результатах рассмотрения этих материалов Шведское Правительство будет поставлено в известность.

2. Поручить Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР (т.Серову) и МВД СССР (т.Дудорову) в двухнедельный срок рассмотреть полученные от Премьер-Министра Швеции Эрландера материалы по делу о Рауле Валленберге и совместно с МИД СССР представить в ЦК КПСС свои предложения о характере ответа Шведскому Правительству.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

Подлежит возврату в течение 24 часов
в Канцелярию Президиума ЦК КПСС

В 17

617
СТРОГО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П13/49

Т.т.Молотову (МИД), Серову.

13.У. 1956 г.

Выписка из протокола № 13 заседания Президиума ЦК от 3 мая 1956 г.

Об ответе Шведскому правительству по вопросу о Валленберге.

1. Принять предложения т.Молотова и т.Серова, изложенные в приложениях 1 и 2, относительно судьбы шведского дипломата Рауля Валленберга.
2. Поручить МИД и КГБ представить свои окончательные предложения не позднее первой половины октября с.г.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К С В Е Д Е Н И Ю

Товарищ, получающий копированные документы, не может ни передавать, ни знакомить с ними кого бы то ни было, если нет на то специальной оговорки ЦК.
Копировала указанных документов и делание выписок из них категорически воспрещается.
Отметка и дата ознакомления делается на каждом документе лично заварившем, которому документ адресован, и за его личной подписью.

3-мз

Сов. секретно

Приложение 1

Устное сообщение Посла
СССР Министру иностранных
дел Швеции Ундену (В нача-
ле мая)

Компетентные советские органы, которым поручено рассмотрение и проверка материалов, переданных шведской стороной во время пребывания премьер-министра Эрландера в Москве, обратились в Министерство Иностранных Дел СССР с просьбой запросить у соответствующих шведских властей, не располагают ли они дополнительными материалами о Р.Валленберге. В частности, было бы желательно получить более подробные сведения о Шоере, якобы находившемся в одной камере с Валленбергом, о чем упоминает в своих показаниях Густав Рихтер. Кроме того, компетентные советские органы заинтересованы в получении более подробных сведений о приметах Рауля Валленберга, его фотографий и всех других материалов, которые имеются в распоряжении шведской стороны и которые помогли бы внести ясность в вопрос о судьбе Валленберга.

Сов. секретно

Приложение 2

Устное сообщение посла СССР
Министру иностранных дел Шве-
ции Ундену (В июле)

В связи с обращением премьер-министра Швеции г-на Эрландера к руководителям Советского правительства в марте с.г. по вопросу о проведении дополнительного расследования обстоятельств, связанных с исчезновением шведского дипломата Рауля Валленберга, Советским правительством было дано указание компетентным советским органам провести тщательную проверку с учетом переданных шведской стороной материалов.

В соответствии с этим компетентные советские органы проводят всестороннюю проверку всех материалов, касающихся Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны, и, в частности, проводят опрос лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в этих материалах, а также принимают другие меры.

Компетентные советские органы надеются, что о результатах предпринятого тщательного расследования правительство Швеции будет информировано в возможно скором времени.

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П71/Х

Выписка из протокола № 71 заседания Президиума ЦК от 2 февраля 1957 г.

Проект ответа правительству Швеции по вопросу о шведском дипломате Валленберге.

Принять представленный МИД и КГБ проект памятной записки по вопросу о шведском дипломате Валленберге для вручения посольству Швеции в Москве.

Поручить т.т.Булганину, Молотову, Шепилову и Серову окончательную редакцию текста памятной записки.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

6-кв

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П71/Х

Выписка из протокола № 71 заседания Президиума ЦК от 2 февраля 1957 г.

Проект ответа правительству Швеции по вопросу о шведском дипломате Валленберге.

Принять представленный МИД и КГБ проект памятной записки по вопросу о шведском дипломате Валленберге для вручения посольству Швеции в Москве.

Поручить т.т.Булганину, Молотову, Шепилову и Серову окончательную редакцию текста памятной записки.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

6-КС

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П72/14

Т.т.Булганину, Шепилову, Громыко, Серову.

Выписка из протокола № 72 заседания Президиума ЦК от 5 февраля 1957 г.

Проект ответа Правительству Швеции по вопросу о шведском дипломате Валленберге.

Утвердить текст памятной записки по вопросу о шведском дипломате Валленберге для вручения посольству Швеции в Москве. (Прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

5-КС

Сов. секретно

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

В связи с просьбой Правительства Швеции Советским Правительством было поручено соответствующим советским органами произвести рассмотрение и проверку материалов относительно Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны во время советско-шведских переговоров в Москве в марте-апреле 1956 года, а также в мае 1956 года.

В процессе рассмотрения и проверки этих материалов советские органы произвели тщательный просмотр архивов, относящихся к учету заключенных и к следственным делам, с целью обнаружения возможных сведений о Валленберге. Был проведен также опрос многих лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в материалах, полученных от шведской стороны.

Однако в результате этих мер не удалось обнаружить каких-либо данных о нахождении Валленберга в СССР. Выяснилось при этом, что никому из опрошенных не было известно какое-либо лицо под фамилией Валленберг.

В связи с этим соответствующие советские органы предприняли полистовую проверку архивных документов всех вспомогательных служб некоторых тюрем. В результате такой проверки в архивных документах санитарной службы Лубянской тюрьмы был обнаружен документ, который есть основание рассматривать как имеющий отношение к Раулю Валленбергу. Этот документ представляет собой рукописный рапорт на имя бывшего министра государственной безопасности СССР Абакумова, написанный начальником санитарной службы этой тюрьмы Смольцовым А.Л., следующего содержания:

"Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валенбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

17.УП.47г. Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы - Смольцов".

На этом рапорте имеется сделанная рукой Смольцова следующая надпись:

"Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия.

17.УП. Смольцов".

Каких-либо других сведений документального или свидетельского характера обнаружить не удалось, тем более, что упомянутый выше Смольцов А.Л. умер 7 мая 1953 года.

На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Рауль Валленберг был, по-видимому, в числе других лиц задержан в районе боевых действий советских войск. Вместе с тем можно считать несомненным, что последующее содержание Валленберга в заключении, а также неправильная информация с нем, дававшаяся некоторыми бывшими руководителями органов безопасности в МИД СССР в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова. Как известно, в связи с совершенными им тяжкими преступлениями, Абакумов, действовавший в нарушение законов СССР и стремившийся нанести всяческий ущерб Советскому Союзу, был осужден и расстрелян по приговору Верховного Суда СССР.

Советское Правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование Правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга

ИЗ ДНЕВНИКА
А.А.ГРОЛЫКО

В 20
" 7 " февраля 1957 г.
№ 12 / АГ-НС

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

с послом Швеции в СССР Р. Сульманом
6 февраля 1957 года

Сегодня в 15.00 принял Сульмана и вручил ему памятную записку о результатах проверки материалов относительно шведского гражданина Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны время советско-шведских переговоров в Москве в марте-апреле 1956 года (прилагается).

Ознакомившись с текстом памятной записки, Сульман сказал, что он незамедлительно доведет его до сведения своего правительства. Далее Сульман сказал, что он хотел бы зарезервировать для своего правительства право вернуться к данному вопросу после того, как оно изучит памятную записку, и обратился ко мне с просьбой не передавать текста памятной записки для опубликования в советской печати до того, как с ним ознакомится шведское правительство. Сульман добавил, что сам он после столь беглого ознакомления с текстом памятной записки в настоящее время не может сделать каких-либо замечаний.

Ответил Сульману, что у нас пока нет намерения передавать текст памятной записки для опубликования в печати.

В конце беседы Сульман, сославшись на необходимость вылететь на несколько дней из СССР, спросил, когда начнется обсуждение вопросов международного положения и внешней политики СССР на сессии Верховного Совета СССР.

Ответил, что относительно даты сейчас я ничего не могу сказать.

Беседа продолжалась 15 минут. Присутствовал П-й секретарь Отдела скандинавских стран Ворожейкин Е.А.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

(А. ГРОЛЫКО)

ЦК КПСС 03936

СВЯТ С УЧЕБ

А. Б. Громыко

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

В связи с просьбой Правительства Швеции Советским Правительством было поручено соответствующим советским органам произвести рассмотрение и проверку материалов относительно Рауля Валленберга, полученных от шведской стороны во время советско-шведских переговоров в Москве в марте-апреле 1956 года, а также в мае 1956 года.

В процессе рассмотрения и проверки этих материалов советские органы произвели тщательный просмотр архивов, относящихся к учету заключенных и к следственным делам, с целью обнаружения возможных сведений о Валленберге. Был проведен также опрос многих лиц, могущих иметь отношение к обстоятельствам, упомянутым в материалах, полученных от шведской стороны.

Однако в результате этих мер не удалось обнаружить каких-либо данных о нахождении Валленберга в СССР. Выяснилось при этом, что никому из опрошенных не было известно какое-либо лицо под фамилией Валленберг.

В связи с этим соответствующие советские органы предприняли полистовую проверку архивных документов всех вспомогательных служб некоторых тюрем. В результате такой проверки в архивных документах санитарной службы Лубянской тюрьмы был обнаружен документ, который есть основание рассматривать как имеющий отношение к Раулю Валленбергу. Этот документ представляет собой рукописный рапорт на имя бывшего министра государственной безопасности СССР Абакумова, написанный начальником санитарной службы этой тюрьмы Смольцовым А.Л., следующего содержания:

"Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

17.УП.47 г.

Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы - Смольцов".

На этом рапорте имеется сделанная рукой Смольцова следующая надпись:

"Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия.

17.УП. Смольцов".

Каких-либо других сведений документального или свидетельского характера обнаружить не удалось, тем более, что упомянутый выше Смольцов А.Л. умер 7 мая 1953 года.

На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Рауль Валленберг был, по-видимому, в числе других лиц задержан в районе боевых действий осветских войск. Вместе с тем можно считать несомненным, что последующее содержание Валленберга в заключении, а также неправильная информация о нем, дававшаяся некоторыми бывшими руководителями органов безопасности в МИД СССР в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова. Как известно, в связи с совершенными им тяжкими преступлениями, Абакумов, действовавший в нарушение законов СССР и стремившийся нанести всяческий ущерб Советскому Союзу, был осужден и расстрелян по приговору Верховного Суда СССР.

Советское Правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование Правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга.

Москва, 6 февраля 1957 года

ИЗ ДНЕВНИКА
А. В. ЗАХАРОВА

19 февраля 1957 г.
№ 14/аз-нс

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
С ПОСЛОМ ШВЕЦИИ В СССР СУЛЬМАНОМ
19 февраля 1957 г.

ЦН КПСС
04851
7 FEB 1957
СНЯТ С УЧЕТА

Сегодня принял Сульмана по его просьбе.

Сульман вручил ноту, являющуюся ответом на нашу памятную записку от 6 февраля с.г. по вопросу с Валленберге.

Ознакомившись с текстом ноты, я сказал Сульману, что все то, что советской стороне известно по этому вопросу, изложено в нашей памятной записке от 6 февраля с.г. Об отношении Советского правительства к этому делу говорится в заключительной части памятной записки.

Сульман, оговорившись, что он в настоящее время не имеет каких-либо инструкций комментировать переданную ноту, сказал, что хотел бы высказать некоторые свои личные соображения в развитие этой ноты. В частности, Сульман указал, что Шведское правительство имеет в виду возможное появление в Советском Союзе каких-либо дополнительных сведений, относящихся к Валленбергу, например, сведений, касающихся того, как Валленберг попал в Советский Союз. Шведская сторона ожидает, что подобные сведения будут в случае их появления сообщены министерству иностранных дел Швеции. Со своей стороны Шведское правительство оставляет за собой право передать Советскому правительству новые материалы по делу Валленберга, которые могут появиться у шведской стороны. Сульман сказал, что, насколько ему известно, в настоящее время таких новых материалов нет. Сульман подчеркнул, что Шведское правительство всегда очень тщательно проверяло все данные по этому делу и не передавало материалов, относительно достоверности которых существовало хотя бы малейшее сомнение.

Я повторил Сульману, что все то, что советской стороне известно по указанному делу, изложено в нашей памятной записке от 6 февраля с.г., и подчеркнул, что после получения переданных шведской стороной в марте-апреле 1956 года мате-

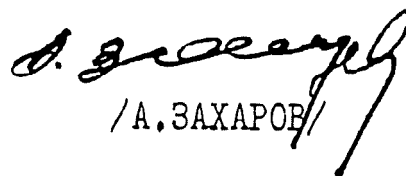
риалов, относящихся к Валленбергу, соответствующие советские органы провели большую работу по проверке этих материалов, просмотру архивов и опросу лиц, которые могли иметь отношение к Валленбергу. Эта работа, разумеется, потребовала много времени.

Я оговорился, что делаю лишь предварительные замечания по переданной ноте и оставляю за собой право, в случае необходимости, вернуться к ней.

Сульман сказал, что МИД Швеции намерено передать текст ноты для опубликования в печати 20 февраля вечером.

Беседа продолжалась 20 минут. Присутствовал 2-й секретарь ОСС т.Ворожейкин Е.А.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

/А. ЗАХАРОВ/

Разослано товарищам:

Булганину	Беляеву
Ворошилову	Поспелову
Кагановичу	Серову
Кириченко	Громыко
Маленкову	Зорину
Микояну	Кузнецову
Молотову	Патоличеву
Первухину	Семенову
Сабурову	Федоренко
Сулову	Ильичеву Л.
Хрущеву	Родионову
Мукову	Тугаринову
Брежневу	Группа Контроля
Мухитдинову	Пос-во СССР в
Шепилову	Швеции
Фурцевой	в дело - 2
Швернику	отп. 35 экз. ен/нш
Аристову	19. II. 57 г.
Козлову	

КОРОЛЕВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
ШВЕЦИИ

Перевод со шведского

Шведское посольство свидетельствует свое уважение Министерству Иностранных Дел Союза ССР и имеет честь согласно инструкции сообщить следующее.

В своей памятной записке от 6 февраля 1957 года Советское Правительство заявило, что из произведенных им рассмотрения и проверки материалов относительно секретаря посольства Рауля Валленберга следует сделать вывод, что Валленберг скончался в ночь на 17 июля 1947 г. в одной из тюрем города Москвы. Ответственность за его заключение в тюрьме и за неправильные сведения, которые с 18 августа 1947 г. в течение многих лет давались шведскому правительству, возлагается на советские органы безопасности, и Правительство Советского Союза выражает свое искреннее сожаление по поводу случившегося. Вместе с тем сообщается, что лицо в руководстве службы безопасности, которое было непосредственно ответственно за незаконные действия в отношении Валленберга, за тяжкие преступления было приговорено к смертной казни и расстреляно.

Шведская общественность справедливо возмущена происшедшим. Если советская служба безопасности имела возможность поступать так самовластно, что она могла арестовать и держать в заключении в течение двух с половиной лет дипломатического работника нейтральной страны, не докладывая об этом Советскому Правительству или Министерству иностранных дел, то это само по себе является таким фактом, ответственность за который Советское Правительство не может с себя снять. Свою ответственность Советское Правительство признало также выражением сожаления. К этому следует добавить, что Совет-

В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР,
Москва

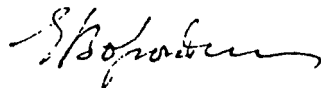
ское Правительство в то время, когда Валленберг еще находился в заключении в Москве, не могло не иметь возможности добыть достоверные сведения по этому делу, если бы оно в связи с многочисленными демаршами со шведской стороны произвело те тщательные расследования, которые, как оно неоднократно уверяло Шведское Правительство, были им предприняты.

В этой связи уместно вспомнить, что посол Сульман как раз накануне указанного дня смерти Рауля Валленберга напомнил о Валленберге в Министерстве Иностранных Дел СССР. До этого со шведской стороны было сделано около 20 напоминаний по этому делу в Москве после того, как заместитель министра иностранных дел Деканозов 16 января 1945 года письменно сообщил шведскому посольству в Москве, что Валленберг обнаружен и взят под защиту советскими властями.

Шведскому Правительству трудно верить, что все другие документальные материалы относительно пребывания Валленберга в советских тюрьмах кроме рапорта, указанного в памятной записке Советского Правительства, уничтожены. Поэтому оно ожидает, что, если в Советском Союзе будут обнаружены новые материалы, которые могут внести ясность в случившееся с Валленбергом, то они будут сообщены Министерству иностранных дел Швеции. Со своей стороны шведское правительство составляет за собой право передать новые материалы, которые оно считает имеющими значение для дальнейшего расследования в Советском Союзе.

Москва, 19 февраля 1957 года.

печать посольства

Перевод верен:

/Е. Ворожейкин/

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П86/XXXУШ

т. Громько.

Выписка из протокола № 86 заседания Президиума ЦК от 4 апреля 1957 г.

Проект ноты Посольству Швеции в Москве относительно
шведского гражданина Валленберга.

Утвердить проект ноты Посольству Швеции в Москве
относительно шведского гражданина Валленберга (прила-
гается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

МК

К пункту XXXУШ прот. № 86

Проект ноты Посольству
Швеции в Москве

Министерство Иностранных Дел Союза ССР свидетельствует свое уважение Посольству Швеции и, ссылаясь на ноту Посольства от 19 февраля с.г., имеет честь сообщить, что в памятной записке Министерства от 6 февраля с.г. изложены все сведения, которые получены в результате тщательной и всесторонней проверки, произведенной компетентными советскими органами по данному вопросу. Какими-либо дополнительными сведениями Советское правительство, к сожалению, не располагает.

Москва, " " апреля 1957 года.

В ПОСОЛЬСТВО ШВЕЦИИ

Москва

КС
НН

Ц К К П С С

6 февраля 1957 г. шведскому послу в Москве Р.Сульману была вручена, в соответствии с решением ЦК КПСС № П 72/14, памятная записка с сообщением о смерти в июле 1947 г. в Москве шведского дипломата Рауля Валленберга, а также с выражением сожаления Советского правительства по поводу случившегося и его глубокого соболезнования правительству Швеции и родственникам Валленберга. Содержание памятной записки было опубликовано в шведской прессе.

Тем не менее, в марте с.г. на имя тов. Хрущева Н.С. поступило письмо от матери Р.Валленберга с просьбой вернуть ее сына в Швецию.

По мнению МИД СССР, было бы целесообразно сообщить послу Сульману о поступившем в адрес тов.Хрущева Н.С. письме матери Валленберга и попросить его довести до ее сведения содержание нашей памятной записки от 6 февраля 1957 г., если оно почему-либо осталось ей неизвестным.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А.ГРОМЕКО

А. Громеко

" 4 " мая 1958 года

№ 1243/ГС

Секретно. Экз. № I

Проект.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Вопрос МИД СССР

Утвердить прилагаемый текст устного сообщения послу Швеции в Москве Р.Сулъману в связи с письмом матери Р.Валленберга — Май Фон Дардсэль на имя тов. Хрущева Н.С.

к. н. 1243/ГС

8. к. н. 613/Осс.

13092

Секретно. Экз. № I

Проект

Устное сообщение Зав. Скандинав-
ским отделом МИД СССР послу
Швеции Р. Сульману

6 февраля 1957 года посольству Швеции была передана памятная записка, в которой сообщалось о результатах тщательного рассмотрения и проверки советскими органами материалов относительно Рауля Валленберга, а также выражалось сожаление Советского правительства по поводу случившегося и его глубокое соболезнование Правительству Швеции и родственникам Валленберга.

Однако в марте с.г. было получено письмо на имя Н.С.Хрущева от матери Р.Валленберга — госпожи Май фон Дардель — Валленберг, в котором она вновь запрашивает о судьбе сына.

Поэтому я хотел бы просить Вас, г-н Посол, довести через соответствующие шведские власти до сведения г-жи Май фон Дардель содержание нашей памятной записки, если оно почему-либо осталось ей неизвестным.

к Р. I243/ГС

6. к № 613/Осс.

13082

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П153/XX1X

Тов. Громыко.

Выписка из протокола № 153 заседания Президиума ЦК от 13 мая 1958 г

Проект сообщения Послу Швеции в Москве в связи с письмом матери Р. Валленберга.

Утвердить прилагаемый текст устного сообщения послу Швеции в Москве Р. Сульману в связи с письмом матери Р. Валленберга - Май фон Дардель на имя т. Хрущева.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже, чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

3-лл

Секретно

Устное сообщение Зав. Скандинавским отделом МИД СССР
послу Швеции Р. Сульману

6 февраля 1957 года посольству Швеции была передана памятная записка, в которой сообщалось о результатах тщательного рассмотрения и проверки советскими органами материалов относительно Рауля Валленберга, а также выражалось сожаление Советского правительства по поводу случившегося и его глубокое соболезнование Правительству Швеции и родственникам Валленберга.

Однако в марте с.г. было получено письмо на имя Н.С.Хрущева от матери Р.Валленберга – госпожи Май фон Дардель – Валленберг, в котором она вновь запрашивает о судьбе сына.

Поэтому я хотел бы просить Вас, г-н Посол, довести через соответствующие шведские власти до сведения г-жи Май фон Дардель содержание нашей памятной записки, если оно почему-либо осталось ей неизвестным.

сб

нс

Ц К К П С С

6 февраля 1957 г. шведскому послу в Москве была вручена, согласно решению ЦК КПСС № П-72/14, памятная записка с сообщением о том, что шведский дипломат Р.Валленберг умер в июле 1947 г. в одной из тюрем Москвы.

19 февраля 1957 г. шведы в ответной ноте заявили, что они оставляют за собой право передать Советскому правительству новые материалы о Валленберге, которые они сочтут "имеющими значение для дальнейшего расследования в Советском Союзе".

Ссылаясь на это свое заявление, шведское посольство в Москве 9 февраля с.г. передало новую ноту относительно Валленберга. В ней шведы указывают, что, согласно показаниям ряда лиц, возвратившихся из СССР, Р.Валленберг после 1947 г. якобы был переведен в тюрьму г.Владимира. В ноте содержится просьба шведского правительства о проведении срочного расследования для выяснения вопроса, содержался ли Валленберг во Владимирской тюрьме.

МИД СССР и КГБ при СМ СССР считают целесообразным ответить шведам, что в памятной записке МИД СССР от 6 февраля 1957 г. изложены все сведения по вопросу о Валленберге и что повторное расследование, проведенное по просьбе шведского правительства, не подтверждает сведений, упомянутых в шведской ноте.

Проект постановления прилагается.

Просим рассмотреть.

А. ГРОМКО

А. Громко

А. ШЕЛЕПИН

А. Шелепин

" 21 " февраля 1959 года

№ 426/ГС

Секретно.Экз. № 1
Проект.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС
об ответе на ноту шведского посольства от
9 февраля 1959 г. по поводу Валленберга

Утвердить представленный МИД СССР и КГБ при СМ СССР
проект ответной ноты шведскому посольству в Москве по поводу
шведского гражданина Р.Валленберга (прилагается).

к N 426/П
6.к № 244/Осс

05945

Проект.

№ _____ /ОСС-ШВ

Министерство Иностранных Дел СССР свидетельствует свое уважение Посольству Швеции и в связи с нотой Посольства от 9 февраля с.г. имеет честь сообщить следующее.

В ноте Посольства сообщается, что, по сведениям лиц, выехавших из СССР, шведский гражданин Р.Валленберг якобы находился после 1947 г. в тюрьме во Владимире, и излагается просьба Правительства Швеции произвести расследование с целью проверки этих данных.

В связи с этим Министерство имеет честь сообщить, что в его памятной записке от 6 февраля 1957 г. были изложены все сведения по вопросу о Р.Валленберге полученные в результате тщательной, всесторонней проверки и приведшие к заключению о том, что Р.Валленберг умер в июле 1947 г. Повторное расследование, проведенное согласно просьбе Шведского правительства, не выявило каких-либо новых данных по этому вопросу и показало, что упомянутые в ноте Посольства сведения о пребывании Р.Валленберга в тюрьме во Владимире не подтверждаются.

Москва, " " февраля 1959 года.

к н 426/ГС

В ПОСОЛЬСТВО ШВЕЦИИ,
М о с к в а .

05945

Копия.

КОРОЛЕВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
ШВЕЦИИ

Вручена т.Захарову А.В. при
беседе шведским послом Сульманом
9 февраля 1959 года

Перевод со шведского

Шведское Посольство свидетельствует свое глубокое уважение Министерству Иностранных Дел СССР и, согласно полученным инструкциям, имеет честь заявить следующее.

В своей ноте Правительству СССР от 19 февраля 1957 года Шведское правительство оставило за собой право предоставить в распоряжение Советского правительства те дополнительные материалы относительно секретаря миссии Рауля Валленберга, рождения 4 августа 1912 года, которые правительство Швеции сочло бы имеющими значение для проведения дальнейших расследований в Советском Союзе. Шведские власти продолжали тщательно проверять все следы, имеющие отношение к пребыванию Валленберга в Советском Союзе. При этом до их сведения было доведено несколько показаний лиц, возвратившихся из советского плена, согласно которым Валленберг после 1947 года был переведен в тюрьму во Владимире, где он находился в больнично-изоляционном отделении (корпус П). Все эти сведения, поступившие независимо друг от друга, были получены при непосредственном контакте соответствующих лиц с представителями шведских властей.

Шведское правительство позволяет себе просить, чтобы Советское правительство предприняло срочное расследование с целью выяснения, содержался ли Валленберг во Владимирской тюрьме.

Москва, 9 февраля 1959 года

В МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР,
Москва.

Перевел: подпись (В.Можаев)

к. № 426/ГС

Верно: *В. Можаев*

3-лд
10.2.59.

4
05945

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П207/Х1

Т.т.Громыко, Шелепину.

Выписка из протокола № 207 заседания Президиума ЦК от 27 февраля 1959 г.

Об ответе на ноту шведского посольства от 9 февраля 1959 г.
по поводу Валленберга.

Утвердить проект ответной ноты шведскому посольству
в Москве по поводу шведского гражданина Р.Валленберга
(прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

4-лс

Подлежит возврату не позднее 7-дневного срока
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

К пункту X1 прот. № 207

Проект ответной ноты
шведскому посольству
в Москве

Министерство иностранных дел СССР свидетельствует свое уважение Посольству Швеции и в связи с нотой Посольства от 9 февраля с.г. имеет честь сообщить следующее.

В ноте Посольства сообщается, что, по сведениям лиц, выехавших из СССР, шведский гражданин Р.Валленберг якобы находился после 1947г. в тюрьме во Владимире, и излагается просьба Правительства Швеции произвести расследование с целью проверки этих данных.

В связи с этим Министерство имеет честь сообщить, что в его памятной записке от 6 февраля 1957г. были изложены все сведения по вопросу о Р.Валленберге, полученные в результате тщательной, всесторонней проверки и приведшие к заключению о том, что Р.Валленберг умер в июле 1947г. Повторное расследование, проведенное согласно просьбе Шведского правительства, не выявило каких-либо новых данных по этому вопросу и показало, что упомянутые в ноте Посольства сведения о пребывании Р.Валленберга в тюрьме во Владимире не подтверждаются.

Москва, февраля 1959 года

В ПОСОЛЬСТВО ШВЕЦИИ,
Москва

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П224/XXXIII

Т.т. Громыко, Степанову.

Выписка из протокола № 224 заседания Президиума ЦК от 22 июня 1959 г.

Проект устного заявления послу Швеции в СССР по вопросу о Валленберге.

Утвердить текст устного заявления послу Швеции в СССР по вопросу о Валленберге (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позднее чем в 7-дневный срок
в 1-й сектор Общего отдела ЦК КПСС

4-лл

Текст устного заявления Послу
Швеции в Москве

В конце мая с.г. в шведской печати вновь появились статьи, содержащие утверждения о том, что шведский гражданин Рауль Валленберг якобы до сих пор находится в СССР. При этом делаются ссылки на "показания свидетелей", которые якобы видели в Советском Союзе Рауля Валленберга после 1947 года.

В связи с этим считаю необходимым заявить следующее.

В Памятной записке МИД СССР от 6 февраля 1957 года сообщалось о том, что в результате всесторонней и исчерпывающей проверки, проведенной по просьбе шведского правительства в 1956-1957 г.г., было выявлено, что Р.Валленберг скончался в 1947 году. Таким образом, факт его смерти следует считать установленным, а так называемые "свидетельские показания" о пребывании его в Советском Союзе после 1947 года, на которые ссылаются некоторые шведские газеты, являются от начала до конца вымыслом.

МИД СССР просит довести об этом до сведения матери Р.Валленберга, обратившейся к Председателю Совета Министров СССР Н.С.Хрущеву с запросом о судьбе ее сына. Вместе с тем советская сторона выражает надежду на то, что шведская сторона займет в вопросе о Валленберге такую позицию, которая не позволила бы определенным элементам в дальнейшем использовать этот вопрос в целях ухудшения советско-шведских отношений.

25 февраля 1961 года
№ 660/ГС

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
ТОВАРИЩА Н.С.ХРУЩЕВА С ПОСЛОМ ШВЕЦИИ
Р.СУЛЬМАНОМ

25 февраля 1961 года

1)

Сульман говорит, что он пришел по поручению премьер-министра Швеции Эрландера для того, чтобы передать Н.С.Хрущеву письмо Эрландера.

Н.С.Хрущев говорит, что письмо, вероятно, написано на шведском языке.

Сульман отвечает, что имеется также и русский перевод. 2)

Н.С.Хрущев: Посол, очевидно, знаком с содержанием этого письма. О чем там говорится?

Сульман: Там речь идет о деле Валленберга.

Н.С.Хрущев: Если так, то я хотел бы задать Вам один встречный вопрос: может быть, Вы, господин Посол, дадите мне об'яснения относительно того, при каких обстоятельствах Карл XII напал на Петра Великого?

Мы же неоднократно давали шведскому правительству ответ относительно этого так называемого "дела Валленберга". Чем руководствуется шведское правительство, снова и снова поднимая перед нами этот вопрос? Это в самом деле получается похоже на то, как если бы я потребовал от Вас об'яснений относительно обстоятельств нападения Карла XII на Петра Великого.

Сульман просит прочесть текст письма Эрландера.

Н.С.Хрущев: Я не буду читать, пусть этим делом занимается МИД. Что касается меня, то я уже давал свой ответ, в том числе

1) Запись беседы тов. Хрущева не устная.

2) Текст перевода, переданного послом, прилагается к настоящей записи.

и лично Вам, господин Посол. Если шведская сторона вновь считает нужным зачем-то поднимать этот вопрос, то я считаю, что это не деловой подход и, видимо, шведское правительство руководствуется тут не добрыми намерениями, не стремлением улучшить отношения между нашими странами, а какими-то иными мотивами.

Сульман: Уверяю Вас, что шведское правительство руководствуется единственным желанием — добиться полной ясности в этом вопросе, который был и продолжает оставаться отягощающим моментом в отношениях между нашими странами.

После того, как мы получили советский ответ относительно Валленберга в 1957 году, мы сохранили за собой право в случае появления новых обстоятельств, которые могли бы бросить дополнительный свет на всё это дело, вернуться к вопросу вновь. Сейчас такие новые обстоятельства появились — это новые свидетельские показания относительно судьбы Валленберга.

Н.С.Хрущев: Если у Вас появились какие-то новые обстоятельства, то у меня никаких новых обстоятельств нет, и я ничего не мог добавить к тому, что уже говорилось и не однажды с нашей стороны. Я считаю, что шведское правительство, возвращаясь опять к этому делу, преследует какие-то свои особые, недружественные нам цели.

Сульман опять заявляет, что никаких особых причин нет, имеются лишь новые свидетельские показания.

Н.С.Хрущев: Снова говорю Вам, что у нас нет никаких данных, и я не могу ничего добавить к тому, что было уже сказано. Нельзя избавиться от впечатления, что действия шведской стороны предприняты в интересах обострения "холодной войны". Швеция как нейтральная страна должна была бы придерживаться более разумной позиции, но, видимо, кое-кто не может устоять против желания присоединиться к хору реакционных элементов, которые пекутся только об одном — всеми средствами обострять обстановку.

Сульман: Уверяю Вас, что шаг, предпринятый Эрландером, не имеет ничего общего с подобными настроениями, которых в Швеции и вообще нет. Дело Валленберга близко затрагивает народ и правительство Швеции и поэтому имеется определенное желание внести полную ясность в обстоятельства этого дела.

Н.С.Хрущев: Третий раз Вам говорю: я не имею никаких новых данных и не могу добавить ничего к тому, что было сказано.

Сульман: Тогда я хотел бы сохранить за шведским правительством - поскольку оно придаёт столь большое значение новым свидетельским показаниям, имеющимся в его распоряжении, - право вновь просить, чтобы обстоятельства дела были рассмотрены.

Н.С.Хрущев: Сохраняйте за собой, что угодно, но меня прошу этим делом больше не беспокоить. Вы поднимаете его не в хороших, не в дружественных целях, а по иным соображениям. Мы хотим поддерживать со Швецией хорошие отношения. Именно поэтому я и откликнулся на Вашу, господин Посол, просьбу о приеме, выкроил время для этого, хотя я сейчас очень занят. И вот оказалось, что Вы являетесь ко мне с таким посланием. Вы ведь знаете хорошо, что по вопросу, который шведская сторона поднимает, я не могу ответить ничего. Это же так, так зачем же всё это делается? Вы, господин Посол, не новый человек в Москве, Вы давно живете здесь и должны были бы лучше понимать обстановку. Вы должны были бы понимать, что мы люди откровенные и прямо говорим то, что имеем сказать. Вот Вы тут говорили о том, чтобы "сохранить право вернуться к вопросу вновь". Можете делать, что хотите, но считайте, что я дал Вам исчерпывающий и окончательный ответ.

Н.С.Хрущев прощается с послом.

Сульман, уходя, говорит, что он имеет поручение шведского правительства просить о том, чтобы относительно его визита к Н.С.Хрущеву не делалось никаких публикаций.

Н.С.Хрущев выражает своё согласие с этим.

На беседе присутствовал Заместитель Министра иностранных дел СССР В.В.Кузнецов.

Записал А.Александров

Верно: *Росинорцева*

Копия

Вручено послом Сульманом
товарищу Хрущеву Н.С.
25 февраля 1961 года

Неофициальный перевод

Стокгольм, 9 февраля
1961 года

Уважаемый господин Председатель Совета Министров,

Как Вы наверно помните, во время моего визита в Москву весной 1956 года мы с Вами говорили об исчезнувшем в Будапеште в конце войны шведском дипломате Рауле Валленберге. Я подчеркнул, что вопрос о судьбе Валленберга в высокой степени занимает шведскую общественность и что шведское правительство желает сделать всё, что в его силах, чтобы внести ясность в вопрос о его судьбе. С советской стороны обещали произвести расследования и заявили, что Валленберг, если он находился бы в Советском Союзе, разумеется получит возможность выехать домой. В 1957 г. мы получили сообщение о полученных до тех пор результатах расследований. С шведской стороны, позднее, было заявлено, что шведское правительство оставляет за собой право предоставить дальнейшие материалы относительно Валленберга, которые, по мнению шведского правительства, могли бы иметь значение для дальнейших расследований в Советском Союзе.

Теперь я хочу сообщить Вам, что от одного шведского врача, профессора Нанны Свартц, которая в конце января 1961 г. посетила Москву с целью, по приглашению, прочитать лекцию о результатах своих научных исследований, я получил информацию о том, что Валленберг тогда был жив и что он находился в психиатрической больнице в Москве. Его состояние здоровья было нехорошее. Г-жа Свартц получила эту информацию от одного всемирно известного, выдающегося представителя советской медицинской науки.

Его Превосходительству
господину Н.С.Хрущеву,
Председателю Совета Министров СССР,
Москва.

Министр иностранных дел Унден и я обсуждали наилучший способ для возвращения Валленберга в Швецию. Мы пришли к выводу, что лучше всего было бы, если какой-либо шведский врач немедленно мог бы поехать в Москву и вместе со своими советскими коллегами решить вопрос о способе переправки, о врачебном уходе и т.д.

С самым высоким уважением

Таге Эрландер

(Орфография и пунктуация по
подлиннику)

Верно: *Паси Сергеев*

18.
В 29 55473
6-4 СЕКТОР
Разослать членам Президиума ЦК КПСС и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС

31 мая 1964 года -

А. Громыко

Из дневника
А. Е. КОВАЛЕВА

Секретно. Экз. № 9

27 мая 1964 года
№ 299/осс

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
С ПОСЛОМ ШВЕЦИИ В СССР Г. ЯРРИНГОМ
26 мая 1964 года

Принял Г. Ярринга по его просьбе.

Ярринг сообщил, что он только что вернулся из Стокгольма, куда вылетал по вызову министра иностранных дел для консультаций в связи с визитом Н. С. Хрущева.

Со шведской стороны, заявил Ярринг, делается все для того, чтобы обеспечить успех визита. Обстановка в стране для визита хорошая и к нему проявляется большой интерес.

Т. Эрландер, Т. Нильссон и министр без портфеля У. Пальме, по словам Ярринга, специально обсуждали с ним вопрос о Валленберге. Шведская сторона хотела бы принять меры к тому, чтобы предотвратить возможное неблагоприятное влияние "дела Валленберга" на общественное мнение во время визита.

Нанна Шварц получила письмо от Мясникова, однако продолжает утверждать, что Мясников говорил ей, что Р. Валленберг жив и находится в психиатрической больнице. Она уже направила или в ближайшее время направит по этому вопросу письмо профессору Мясникову.

Ярринг заявил, что Нанна Шварц, являющаяся личным врачом премьер-министра, рассказала о разговоре с Мясниковым только Эрландеру и по его просьбе не передавала содержания услышанного ею ни семье Валленбергов, ни в печать. Пока правительству удавалось не допускать разглашения сведений, полученных от Шварц. Однако во время визита невозможно будет избежать дискуссии в прессе по вопросу о Валленберге.

Для того, чтобы предотвратить нежелательные последствия такой дискуссии, шведская сторона хотела бы поставить на обсуждение следующие предложения:

Первый вариант. Было бы хорошо, если бы Н.С.Хрущев мог во время визита сказать что-либо такое, что оставило бы в Швеции впечатление о том, что в деле Р.Валленберга можно еще на что-то надеяться в будущем.

Премьер-министр Швеции будет так или иначе вынужден в ходе бесед с Н.С.Хрущевым поднять этот вопрос. Если бы Н.С.Хрущев мог сказать, что советская сторона согласна еще раз изучить "дело Валленберга", то шведское правительство могло бы сделать сообщение печати о том, что в беседах Т.Эрландера с Н.С.Хрущевым вопрос о Р.Валленберге поднимался и получено обещание еще раз рассмотреть этот вопрос.

Второй вариант. МИД Швеции мог бы выступить с сообщением в печати о том, что между министерствами иностранных дел Швеции и Советского Союза было проведено обсуждение указанной проблемы. Представителям шведского МИД было заявлено что этот вопрос будет вновь изучен.

Такое заявление следовало бы сделать заблаговременно до начала визита (за 8-10 дней до визита) для того, чтобы дать возможность улежться возбуждению, которое, конечно, явится следствием такого заявления.

Если бы такая договоренность смогла быть достигнута, Т.Эрландер во время одной из бесед высказал бы по этому поводу благодарность Н.С.Хрущеву.

Ярринг подчеркнул, что предложения, сделанные шведской стороной, ни в коем случае не следует рассматривать как какого-то рода демарш, но как искреннюю попытку найти выход из создавшегося крайне трудного положения. Правительство Швеции руководствуется исключительно желанием обеспечить успешное проведение визита, выбить почву из-под ног тех, кто мог бы выступить с высказываниями, наносящими ущерб визиту.

Ответил Яррингу, что советская сторона считает "дело Р.Валленберга" давно законченным.

После визита Т.Эрландера в Советский Союз советская сторона провела самое тщательное расследование вопроса о судьбе Р.Валленберга. О результатах расследования МИД СССР сообщил шведской стороне в ноте от 6.П.1957 года, в которой ясно говорилось, что Р.Валленберг умер в Лубянской тюрьме в июле 1947 г. Советская сторона расследовала в этом деле все, что можно было расследовать. Высказал, как личное мнение, что может быть было бы полезным, если бы шведская сторона перед визитом, сославшись на обращение Эрландера к советскому правительству и советский ответ на него, выступила с заявлением о том, что она также считает вопрос о Валленберге закрытым.

Ярринг возразил, что если бы шведское правительство выступило с таким заявлением, то это привело бы, во-первых, к страшному шуму в шведской печати, и, во-вторых, к тому, что Нанна Шварц пошла бы к Валленбергам и сообщила им то, что она пока еще сообщила только премьер-министру.

Шведское правительство не может этого сделать также и потому, что в настоящий момент есть заявление Нанны Шварц, согласно которому Р.Валленберг жив и находится в психиатрической больнице.

Указал Яррингу на то, что заявление Нанны Шварц опровергнуто письмом профессора Мясникова.

Ярринг ответил, что шведская сторона исходит из того, что существуют два противоречащих друг другу заявления: заявление Нанны Шварц и заявление Мясникова. Отсюда делается вывод, что "дело Валленберга" окончательно не выяснено.

Если, сказал Ярринг, версия Шварц и ответ Мясникова будут преданы гласности, то фактически шведская печать из заявления Шварц сделает антисоветскую сенсацию, а письмо Мясникова обойдет молчанием.

Ярринг подчеркнул, что перед визитом А.А.Громыко в Швецию шведский МИД провел совещание с журналистами, на котором была выработана единая линия поведения. Результатом этого явилось то, что шведская печать в целом неплохо освещала визит А.А.Громыко.

Конечно, шведское правительство при подготовке визита Н.С.Хрущева сделает все от него зависящее для предотвращения нежелательных явлений во время визита. Однако правительство не может гарантировать, что выступлений против визита не будет. Более того, можно заранее сказать, что вопрос о Р.Валленберге в печати так или иначе будет обсуждаться. Правительство преследует цель попытаться придать ему, по возможности, позитивный характер.

Шведское правительство стремится лишь к обеспечению успешного проведения визита Н.С.Хрущева и считает, что обещание советской стороны вновь изучить вопрос о Р.Валленберге позволило бы снять этот вопрос хотя бы на время визита. А расследование, - добавил Ярринг, - которое Советское правительство пообещало бы, могло бы привести к тем же результатам, что и расследование 1957 года.

На мой вопрос, о каком дополнительном расследовании говорят шведы, если им было уже все оообщено о смерти Валленберга, а версия Нанны Шварц опровергнута самим профессором Мясниковым, Ярринг не смог дать ответа. Ярринг сказал, что он лично понимает всю трудность этого вопроса, но в данном случае он выступает как официальный представитель Швеции.

Сказал Яррингу, что поставлю руководство МИД в известность о нашей беседе.

Беседу переводил атташе ОСС Косачев И.А.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ СКАНДИНАВСКИХ
СТРАН МИД СССР

А.Ковалев

Верно: *Мясников*

ВЗ О

Секретно.Экз.ИД

22563
14 СЕКТОР
ПОДАЛЕЖИТ ОБЩЕСТВУ
В ОБЩЕИ ОТДЕЛ. ЦК КПСС

Ц К К П С С

Посол Швеции Г.Ярринг посетил МИД СССР и сообщил, что он имеет поручение обсудить с советской стороной вопрос о шведском дипломате Валленберге, умершем в Лубянской тюрьме в 1947 г. Ярринг сослался при этом на то, что шведский врач Н.Шварц, несмотря на раз'яснение профессора Мясникова, продолжает утверждать, что профессор Мясников говорил ей о том, что Валленберг якобы жив.

В связи с этим шведская сторона настаивает провести дальнейшее расследование дела Валленберга. Ярринг предложил, чтобы во время визита Н.С.Хрущев заявил о согласии советской стороны еще раз изучить вопрос о Валленберге. Если такой вариант является неприемлемым, то, по мнению шведской стороны, можно было бы накануне визита сделать от МИД Швеции заявление о достижении договоренности с МИД СССР о том, что советская сторона проведет новое расследование по делу Валленберга.

МИД СССР считает целесообразным дать послу Швеции устный ответ, в котором отвести попытки шведской стороны вновь под-
нять вопрос о Р.Валленберге.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А. Гречин

"7 " июня 1964 года

№ 1785/ГО

Секретно. Экз. № I

—Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Об устном заявлении послу Швеции по вопросу
о шведском дипломате Р.Валленберге

Утвердить текст устного заявления послу Швеции по вопросу о шведском дипломате Р.Валленберге, задержанном в 1945 году в Будапеште и умершем в 1947 году в Лубянской тюрьме (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

к № 1785/ГС

ТЕКСТ УСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПОСЛУ ШВЕЦИИ
В МОСКВЕ

В связи с Вашим заявлением от 26 мая с.г. о Рауле Валленберге мне поручено сообщить следующее:

Советские органы власти провели самое тщательное расследование в связи с обращениями шведской стороны по вопросу о шведском дипломате Р.Валленберге. Результаты этого расследования уже были изложены в памятной записке от 6 февраля 1957 г., в которой указывались обстоятельства смерти Р.Валленберга в 1947 г. Не имеется никаких дополнительных обстоятельств, которые вносили бы что-либо новое в этот вопрос.

Заявления некоторых лиц о том, что Р.Валленберг будто бы был жив и после 1947 г., либо основаны на недоразумении, либо отражают стремления определенных кругов осложнить отношения между Советским Союзом и Швецией.

Ни в лечебных учреждениях, ни в местах заключений, ни в каком-либо другом месте Р.Валленберг после 1947 года не был и не мог быть.

У советской стороны нет никаких сомнений относительно того, что Р.Валленберг скончался 17 июля 1947 г. в Москве в Лубянской тюрьме.

Учитывая, что все имеющиеся возможности для расследования обстоятельств смерти Р.Валленберга уже полностью исчерпаны, советская сторона не имеет оснований дальше заниматься этим вопросом. Возвращение к обсуждению этого достойного сожаления факта из области прошлого может лишь нанести ущерб советско-шведским отношениям.

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВ. СЕКРЕТНО

В 3/

И П148/62

Т.т.Хрущеву, Брежневу, Косыгину, Громыко,
Степанову.

Выписка из протокола № 148 заседания Президиума ЦК КПСС
от 10 июня 1964 года

Об устном заявлении послу Швеции по вопросу о шведском дип-
ломате Р.Валленберге.

Утвердить текст устного заявления послу Швеции по вопро-
су о шведском дипломате Р.Валленберге, задержанном в 1945 го-
ду в Будапеште и умершем в 1947 году в Лубянской тюрьме (при-
лагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату не позже чем в 7-дневный срок
в ЦК КПСС (Общий отдел, 1-й сектор)

ТЕКСТ УСТНОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПОСЛУ ШВЕЦИИ
В МОСКВЕ

В связи с Вашим заявлением от 26 мая с.г. о Рауле Валленберге мне поручено сообщить следующее:

Советские органы власти провели самое тщательное расследование в связи с обращениями шведской стороны по вопросу о шведском дипломате Р.Валленберге. Результаты этого расследования уже были изложены в памятной записке от 6 февраля 1957 г., в которой указывались обстоятельства смерти Р.Валленберга в 1947 г. Не имеется никаких дополнительных обстоятельств, которые вносили бы что-либо новое в этот вопрос.

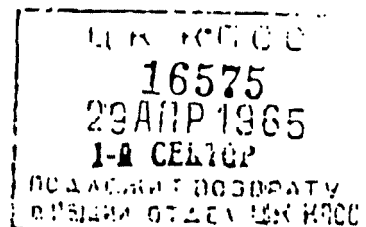
Заявления некоторых лиц о том, что Р.Валленберг будто бы был жив и после 1947 г., либо основаны на недоразумении, либо отражают стремления определенных кругов осложнить отношения между Советским Союзом и Швецией.

Ни в лечебных учреждениях, ни в местах заключений, ни в каком-либо другом месте Р.Валленберг после 1947 года не был и не мог быть.

У советской стороны нет никаких сомнений относительно того, что Р.Валленберг скончался 17 июля 1947 года в Москве в Лубянской тюрьме.

Учитывая, что все имеющиеся возможности для расследования обстоятельств смерти Р.Валленберга уже полностью исчерпаны, советская сторона не имеет оснований дальше заниматься этим вопросом. Возвращение к обсуждению этого достойного сожаления факта из области прошлого может лишь нанести ущерб советско-шведским отношениям.

ЦК КПСС

22 марта с.г. шведский посол в СССР Гуннар Ярринг вручил А.Н.Косыгину письмо премьер-министра Швеции Эрландера, в котором содержится просьба назначить новое расследование по вопросу о судьбе шведского дипломата Р.Валленберга, задержанного советскими войсками в конце второй мировой войны в Будапеште и умершего в Лубянской тюрьме в июле 1947 года, о чем было официально сообщено шведам еще в 1957 году. (Письмо прилагается).

Мотивируя свою просьбу, Эрландер ссылается, в частности, на беседу профессора Мясникова А.Л. со шведским врачом Н.Шварц в 1961 году, в которой Мясников, по утверждению Шварц, якобы заявил, что Валленберг находится на излечении в больнице. Профессор Мясников в своем письме от 29 апреля 1964 г. на имя Н.Шварц категорически опроверг это утверждение.

30 марта с.г. по возвращении из Стокгольма шведский посол попросил МИД СССР организовать ему встречу с профессором Мясниковым.

МИД СССР считает целесообразным дать Эрландеру ответ через совпосла в Швеции, а также предоставить возможность шведскому послу встретиться с профессором Мясниковым.

С КГБ при Совете Министров СССР (т.Захаров Н.С.) согласовано.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

: *В. Кузнецов*

"29 " апреля 1965 года

№ 1422/ГС

СТОКГОЛЬМ

СОВПОСОЛ

Посетите премьер-министра Эрландера и, сославшись на поручение Советского правительства, заявите следующее.

"В связи с письмом премьер-министра Эрландера от 11 февраля с.г. на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина еще раз были внимательно рассмотрены все документы, относящиеся к делу Р.Валленберга.

Как известно, Советское правительство изложило фактическую сторону этого дела в переданной правительству Швеции памятной записке от 6 февраля 1957 года, чему предшествовало обстоятельное и исчерпывающее расследование.

Советское правительство вновь заявляет, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга нет и не может быть ничего нового, он умер в июле 1947 года. Имеющаяся в письме господина премьер-министра ссылка на заявление, якобы сделанное профессором Мясниковым в беседе с госпожой Шварц, основывается на явном недоразумении. Профессор Мясников решительно отверг приписываемые ему высказывания.

Советское правительство не может не выразить сожаления, что шведское правительство снова поднимает вопрос о Валленберге. Круги, заинтересованные в создании осложнений в отношениях между нашими странами, пытаются играть на обстоятельствах этого дела, распространяют разного рода небылицы о судьбе Валленберга. Советское правительство надеется, что шведское правительство приложит усилия к прекращению этих спекуляций, направленных на то, чтобы омрачать советско-шведские отношения".

Об исполнении телеграфируйте.

к I422/ГС

Секретно..

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Об ответе на письмо премьер-министра Швеции Эрландера
по вопросу о Р.Валленберге

1. Утвердить проект указаний послу СССР в Швеции
(прилагается).

2. Поручить МИД СССР совместно с КГБ при Совете Мини-
стров СССР до передачи ответа Эрландеру организовать встречу
шведского посла с профессором Мяениковым А.Л.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

к 1422/ГС

16575

Стокгольм, II-го февраля 1965 г.

Уважаемый Господин Председатель Совета Министров,

Разрешите мне, Господин Председатель Совета Министров, поставить перед Вами один вопрос, который с самого окончания войны является предметом длительных переговоров между шведским и советским правительствами, а именно вопрос об исчезнувшем в Советском Союзе шведском дипломате Рауле Валленберге. Как Вы без сомнения понимаете, я не возвратился бы вновь к этому вопросу, если бы он не имел такого большого значения для Швеции и шведского общественного мнения и если бы я не был убежден в том, что выяснение этого вопроса устранило бы обременяющий момент в шведско-советских отношениях и тем самым исключительно благоприятным образом содействовало бы дальнейшему гармоничному развитию этих отношений.

Как Вам вероятно известно, Рауль Валленберг в январе 1945 г. был взят под защиту наступающими советскими войсками в Будапеште. Это было подтверждено тогдашним заместителем министра иностранных дел Деканозовым, который сообщил шведскому посланнику в Москве 16 января 1945 г., что советские власти приняли меры для защиты Рауля Валленберга и его имущества. В течение последующих месяцев, а затем и всех прошедших лет шведской стороной были сделаны советским властям многочисленные представления о том, чтобы Рауль Валленберг был освобожден и чтобы была внесена ясность в вопрос о его судьбе. Я хочу в этой связи напомнить о переговорах, имевших место в Москве во время моего визита в апреле 1956 г., когда с советской стороны было обещано провести расследование по этому делу, исходя из новых материалов, которые во время переговоров были представлены в распоряжение советской стороны. В результате этого расследования советское правительство в ноте от 6 февраля 1957 г. сообщило, что на основании обнаруженного документа следует сделать вывод, что Рауль Валленберг умер в Лубянской тюрьме в июле 1947 г.

После получения этого сообщения шведское правительство в разное время передало советскому правительству дополнительные сведения, согласно которым Рауль Валленберг будто бы был в живых в Советском Союзе значительно позднее, чем в 1947 г.: по одним сведениям он был в тюрьме в г. Владимире, а по другим, согласно заявлению профессора Мясникова при встрече с профессором Нанной Шварц в Москве в январе 1961 г., он находился в то время в советской больнице.

В последнее время я воспользовался случаями, предоставившимися в связи с визитом в Стокгольм в марте 1964 г. министра иностранных дел Громыко и визитом в Швецию в июне 1964 г. бывшего Председателя Совета Министров Хрущева, чтобы подчеркнуть значение, которое в Швеции придают этому вопросу. В данных случаях, как и ранее в последние годы, советская сторона ссылалась на вышеупомянутую ноту от 6 февраля 1957 г., заявляя при этом, что Рауля Валленберга в настоящее время в Советском Союзе нет.

В течение многих лет я лично следил за этим делом в надежде достигнуть удовлетворительного решения вопроса. Из любезного послания, переданного мне 16 октября 1964 г. через посла СССР в Стокгольме, мне известно, что Вы также понимаете важность дальнейшего развития шведско-советских отношений, и в этом наши цели совпадают. Исходя из этого, я позволяю себе обратиться к Вам с просьбой лично распорядиться о проведении расследования всех обстоятельств этого дела и о проверке сведений относительно Рауля Валленберга, предоставленных шведской стороной, для того, чтобы внести ясность в данный вопрос.

Я могу Вас заверить, что удовлетворение этой моей просьбы будет весьма высоко оценено шведским правительством и шведским народом.

С самым высоким уважением

Таге Эрландер

Его Превосходительству
Господину А.Н. Косыгину,
Председателю Совета Министров
Союза Советских Социалистических
Республик
Москва

к 1422/ГС

Перевел: В. Бондарь

А. Г. Бондарь

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВ. СЕКРЕТНО

133

№ П201/94

Т.т.Брежневу, Косыгину, Громыко, Кузнецову,
Семичастному.

Выписка из протокола № 201 заседания Президиума ЦК КПСС
от 7 мая 1965 года

Об ответе на письмо премьер-министра Швеции Эрландера по
вопросу о Р.Валленберге.

1. Утвердить проект указаний послу СССР в Швеции (прилагается).
2. Поручить МИД СССР совместно с КГБ при Совете Министров СССР до передачи ответа Эрландеру организовать встречу шведского посла с профессором Мясниковым А.Л.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

12-мм
ВД

Подлежит возврату не позже чем в 7-дневный срок
в ЦК КПСС (Общий отдел, 1-й сектор)

Секретно

СТОКГОЛЬМ

СОВПОСОЛ

Посетите премьер-министра Эрландера и, сославшись на поручение Советского правительства, заявите следующее.

"В связи с письмом премьер-министра Эрландера от 11 февраля с.г. на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина еще раз были внимательно рассмотрены все документы, относящиеся к делу Р.Валленберга.

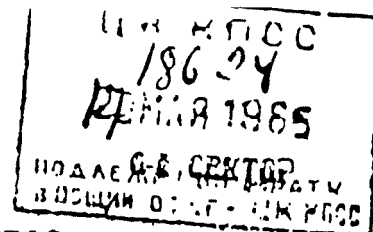
Как известно, Советское правительство изложило фактическую сторону этого дела в переданной правительству Швеции памятной записке от 6 февраля 1957 года, чему предшествовало обстоятельное и исчерпывающее расследование.

Советское правительство вновь заявляет, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга нет и не может быть ничего нового, он умер в июле 1947 года. Имеющаяся в письме господина премьер-министра ссылка на заявление, якобы сделанное профессором Мясниковым в беседе с госпожой Шварц, основывается на явном недоразумении. Профессор Мясников решительно отверг приписываемые ему высказывания.

Советское правительство предполагает, что круги, заинтересованные в создании осложнений в отношениях между нашими странами, пытаются играть на обстоятельствах этого дела, распространяют разного рода небылицы о судьбе Валленберга. Советское правительство надеется, что шведское правительство приложит усилия к прекращению этих спекуляций, направленных на то, чтобы омрачать советско-шведские отношения".

Об исполнении телеграфируйте.

134

Разослать членам Президиума ЦК КПСС и
кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС.

15 мая 1965 года

В.Кузнецов

СЕКРЕТНО.Экз. №1

12 мая 1965 года

№ 320/Осс

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

директора Института терапии Академии медицинских
наук СССР профессора А.Л.Мясникова с послом Швеции
в СССР Г.Яррингом
11 мая 1965 года

А.Л.Мясников принял Ярринга в своем служебном кабинете в
Институте терапии.

В начале беседы Ярринг охарактеризовал советско-шведские
отношения как хорошие, отметив, что единственным отягощающим
моментом в них является дело о судьбе исчезнувшего шведского
дипломата Рауля Валленберга.

Ярринг сказал, что известный шведский ученый профессор
Нанна Шварц была 4 года тому назад в Советском Союзе и беседовала
с профессором А.Л.Мясниковым по вопросу о судьбе Валленберга.
По возвращении в Стокгольм она заявила, что А.Л.Мясников сказал
ей, что Валленберг болен и находится в советской больнице. Посол
заметил, что он информирован о переписке Мясникова с Н.Шварц
и знает отношение А.Л.Мясникова к тому, что заявила в Стокгольме
Нанна Шварц. Таким образом в вопросе о беседе А.Л.Мясникова
с Н.Шварц возникло две версии, противоречащие одна другой. Цель
посещения Яррингом Института терапии заключается в том, чтобы
попытаться выяснить, как возникло такое положение.

А.Л.Мясников сказал, что он до беседы с Шварц не слышал
имени Валленберга и поэтому не мог сказать Шварц того, что она
ему приписывает.

Далее А.Л.Мясников рассказал следующее:

В 1961 году Н.Шварц приехала в Москву для участия в Ревма-
тологическом конгрессе. Ее доклады вызвали интерес среди
советских ученых, которые оказали Шварц большое внимание.
Н.Шварц беседовала с А.Л.Мясниковым на его квартире (беседа

носила чисто научный характер) и затем в Институте терапии. После осмотра института Шварц попросила А.Л.Мясникова поговорить с ней по вопросу, не имеющему отношения к научным исследованиям. А.Л.Мясников пригласил Н.Шварц в кабинет. В начале беседы присутствовал заместитель директора Института член-корреспондент АН СССР профессор Сперанский. Н.Шварц рассказала, что молодой шведский дипломат Р.Валленберг в конце второй мировой войны оказался в Советском Союзе. Военнопленные, вернувшиеся из Советского Союза, сообщают, что он все еще находится в СССР, по последним сведениям, в городе Владимире. Высказав предположение, что А.Л.Мясников как крупнейший советский терапевт, возможно, лечит Н.С.Хрущева, Шварц попросила А.Л.Мясникова выяснить у главы Советского правительства вопрос о судьбе Валленберга. При этом она указала на гуманный характер этого вопроса, подчеркнув, что мать Валленберга тяжело страдает от неизвестности относительно судьбы своего сына. Н.Шварц высказала предположение, что, возможно, Р.Валленберг в тяжелом состоянии и находится в больнице.

А.Л.Мясников ответил Шварц, что имени Валленберга он не слышал и поэтому не знает, жив ли этот человек или умер, болен он или здоров, находится в больнице или нет.

Что касается Н.С.Хрущева, то, насколько известно А.Л.Мясникову, он здоров, и Мясников его не лечит, но если бы даже он и лечил Н.С.Хрущева, то не стал бы ставить подобные вопросы Председателю Совета Министров СССР. Вопросы, связанные с розысками граждан других государств, рассматриваются Министерством иностранных дел СССР. А.Л.Мясников порекомендовал Н.Шварц обратиться с ее просьбой к заместителю министра иностранных дел СССР Р.С.Семенову и дал ей его телефон. Когда А.Л.Мясников при этом сказал, что человека, о котором спрашивала Н.Шварц, может быть уже нет в живых, она энергично протестовала и настаивала, что, как известно шведской стороне, Валленберг жив и находится во Владимире.

А.Л.Мясников разъяснил Яррингу, что, по его мнению, недоразумение могло возникнуть в связи с тем, что беседа со Шварц проходила на немецком языке, которого он в совершенстве не знает. Поэтому условные предложения, сказанные по-немецки, могли быть восприняты Шварц как какое-то допущение.

Ярринг сказал, что, согласно утверждениям Н.Шварц, она много раз беседовала с А.Л.Мясниковым по-немецки, и они всегда хорошо понимали друг друга.

А.Л.Мясников ответил, что в беседах на научные темы смысловые нюансы не играют большого значения.

Далее А.Л.Мясников отметил, что, не зная до разговора со Шварц ничего о Валленберге, он не мог знать и о том, что, как ему стало известно позднее, Валленберг умер еще в 1947 г. и что об этом было сообщено нашим правительством правительству Швеции. Н.Шварц во время беседы с А.Л.Мясниковым ничего ему об этом не сказала.

А.Л.Мясников сказал Яррингу, что он не понимает, почему он оказался впутанным в дело, к которому не имеет и никогда не имел никакого отношения. Ему не приходилось заниматься военнопленными и иностранцами, которые оказались по тем или другим причинам в Советском Союзе. О Валленберге он тем более ничего не мог знать, поскольку тот умер в 1947 году, а профессор Мясников приехал в Москву и начал работу в Институте терапии только в 1948 году. А.Л.Мясников добавил, что, судя по всему, в Швеции есть определенные круги, специально раздувающие это дело.

Ярринг заявил, что шведское правительство также не испытывает удовольствия заниматься этим вопросом. Оно заинтересовано лишь в выяснении судьбы Валленберга.

Далее Ярринг предложил А.Л.Мясникову организовать встречу с Н.Шварц. Он сказал, что Шварц готова приехать в Москву, чтобы выяснить с А.Л.Мясниковым, каким образом возникло такое положение, когда об одной и той же беседе существуют две противоположные версии.

А.Л.Мясников ответил, что встреча со Шварц по этому вопросу не может ничего дать, поскольку Мясников ничего о Валленберге не знает. Н.Шварц будет утверждать, что она поняла

слова профессора Мясникова таким-то образом, А.Л.Мясников заявит, что он ничего подобного не говорил.

Ярринг продолжал настаивать на встрече, заявляя, что она может внести определенную ясность в вопросе о судьбе Валленберга. Ярринг сказал, что такую встречу было бы целесообразно организовать в присутствии его и представителя Министерства иностранных дел СССР до визита премьер-министра Швеции Эрландера в Советский Союз, лучше всего до 1 июня с.г.

А.Л.Мясников сказал, что он считает Н.Шварц крупным ученым и готов встречаться с ней для обсуждения научных проблем, однако не видит никакого смысла в дальнейших беседах по вопросу о Валленберге. Такая встреча не может быть полезной ни в каком отношении.

Ярринг вновь спросил А.Л.Мясникова, примет ли он Н.Шварц, если она выскажет пожелание приехать в Москву, чтобы встретиться с ним.

А.Л.Мясников ответил, что он может побеседовать со Шварц, но считает такую встречу бесполезной.

Ярринг сказал, что он сообщит о своей беседе с А.Л.Мясниковым в Стокгольм, и просит А.Л.Мясникова через некоторое время вновь принять его и обсудить вопрос о возможной встрече А.Л.Мясникова с профессором Шварц.

А.Л.Мясников ответил, что он рад видеть посла.

Ярринг поблагодарил А.Л.Мясникова за разъяснение и сказал, что теперь лично у него появилась ясность в этом деле.

На беседе присутствовал атташе Отдела скандинавских стран МИД СССР И.А.Косачев.

Беседу записал И.Косачев

Верно: *Гризов*

О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ШВЕЦИИ И СОВЕТСКО-ШВЕДСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ
(Справка)

23852

22 мая 1965

1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ШВЕЦИИ

6-й СЕКТОР

Официально Швеция проводит политику неучастия в военно-политических союзах великих держав в мирное время с целью обеспечения нейтралитета в случае войны. В политическом и экономическом отношениях Швеция тесно связана с ведущими империалистическими странами и в целом во внешнеполитическом плане ориентируется на Запад. Однако она избегает поддерживать наиболее агрессивные действия империалистических стран, высказывается в пользу мирного сосуществования государств с различным социальным строем, за разрядку международной напряженности.

Швеция внимательно следит за развитием обстановки на Севере Европы, считая нынешнее соотношение сил в этом районе, когда Дания и Норвегия участвуют в НАТО, в общем благоприятным для нее. Швеция в то же время не скрывает заинтересованности в том, чтобы Норвегия и Дания не шли слишком далеко в своих обязательствах перед НАТО в отношении ядерного вооружения.

Ниже дается краткая характеристика позиции Швеции по основным международным вопросам.

Агрессивные действия США во Вьетнаме и Доминиканской Республике

Швеция поддерживает дипломатические отношения с Южным Вьетнамом и не признает ДРВ.

В правительственной декларации Швеции по внешнеполитическим вопросам от 24 марта с.г. говорится, что "последние события во Вьетнаме содержат опасность расширения конфликта, который может иметь серьезные последствия для всего мира". Шведское правительство считает желательным срочное проведение переговоров с целью мирного урегулирования. От прямого осуждения агрессии США во Вьетнаме шведское правительство воздерживается.

Вопрос о Валленберге

Шведский дипломат Р.Валленберг был задержан советскими войсками в конце войны в Будапеште и умер в июле 1947 г. в Лубянской тюрьме, о чем шведам было сообщено в феврале 1957 г.

В 1959 году шведское посольство сообщило, что шведские власти располагают сведениями о пребывании Валленберга в тюрьме во Владимире после 1947 года. Шведам было отвечено, что эти сведения не соответствуют действительности.

В феврале 1961 года Эрландер, сославшись на информацию шведского врача Н.Шварц, которая во время пребывания в Москве якобы узнала от профессора Мясникова о том, что Валленберг находится на излечении в больнице, обратился с просьбой назначить новое расследование.

Мясников в письме Н.Шварц от 29 апреля 1964 года категорически опроверг приписываемые ему высказывания.

Вопрос о Валленберге поднимался шведской стороной также в связи с визитами министра иностранных дел Нильссона в СССР (май 1963 г.), во время визита тов.Громыко А.А. в Швецию (март 1964 г.) и во время государственного визита в Швецию (июнь 1964 г.).

В письме на имя А.Н.Косыгина от 11 февраля с.г. Эрландер вновь поставил вопрос о проведении нового расследования по вопросу о судьбе Валленберга. Ответ на это письмо был дан 13 мая с.г., но Эрландер заявил, что этот ответ не может положить конец делу Валленберга.

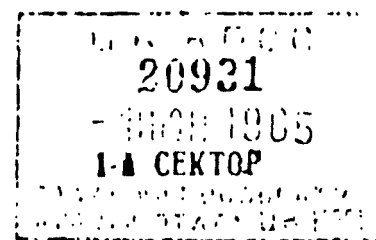
ОТДЕЛ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
МИД СССР

Верно: *В.В.В.*

46 - пр
мб-3226/гс
29.У.65г.

В 36

Секретно.Экз. № I

Ц К К П С С

МИД СССР представляет материалы к предстоящим
беседам с премьер-министром Швеции Таге Эрландером.

А. Грановский

« I ~~июня~~ июля 1965 года
№ 1786/ГС

ПАМЯТКА
к беседам с премьер-министром Швеции
Т.Эрландером

Обмен мнениями с Эрландером использовать для оказания влияния на шведское правительство в том направлении, чтобы Швеция, проводящая политику нейтралитета, активно и в практическом плане выступала за разрядку международной напряженности, в частности за улучшение обстановки на Севере Европы. Подчеркнуть при этом, что позиции СССР и Швеции по некоторым международным вопросам сходятся. Это создает известную основу для совместных усилий обеих стран в деле укрепления мира и международной безопасности. Отметить, что Советское правительство ценит проводимую Шведией политику нейтралитета, как важный фактор, содействующий укреплению мира.

Беседы с Эрландером использовать также для закрепления и развития политических, экономических, культурных и научно-технических связей со Шведией.

Международные вопросы

При обмене мнениями с Эрландером представляется целесообразным особо подчеркнуть усиление напряженности и ухудшение международной обстановки в целом вследствие агрессивных действий США в Юго-Восточной Азии, вооруженного вмешательства во внутренние дела Доминиканской Республики и в дела других государств в различных районах мира. Подчеркнуть также твердую решимость Советского Союза оказывать Демократической Республике Вьетнам помощь в ее борьбе против американской агрессии, добиваться выполнения Женевских соглашений 1954 года по Индокитаю всеми участниками этих соглашений.

Указать на то, что грубое и открытое вмешательство США во внутренние дела других государств является произволом в международных отношениях, который может иметь особо пагубные последствия в первую очередь для малых государств. Сказать, что сложившаяся в мире обстановка требует, чтобы миролюбивые страны и народы использовали все возможности для прекращения американской агрессии и предотвращения опасности мирового конфликта.

О взаимном учреждении консульств

Эрландер может поставить вопрос об учреждении шведского консульства в Ленинграде.

В этом случае можно было бы предложить поручить министерствам иностранных дел изучить вопрос о взаимном учреждении консульств.

О Валленберге

Эрландер, очевидно, вновь поднимет вопрос о бывшем шведском дипломате Р. Валленберге, который был задержан советскими войсками в конце войны в Будапеште и в 1947 г. умер в Лубянской тюрьме.

В таком случае руководствоваться положениями нашего ответа на письмо Эрландера от 11 февраля с.г. (Постановление ЦК КПСС № П201/54 от 7 мая 1965 года).

ВОПРОСЫ ОТНОШЕНИЙ С СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ

Эрландер может поинтересоваться отношением КПСС к социал-демократическим партиям.

В этой связи сказать, что КПСС, не отказываясь от принципов своей идеологии и не требуя от социал-демократов отказа от социал-демократической идеологии, стоит за установление единства действий и сотрудничества в тех вопросах, которые затрагивают жизненные интересы рабочих и всех трудящихся и, прежде всего, в вопросах борьбы за предотвращение мировой войны, за разоружение и проведение политики мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Подчеркнуть, что это не конъюнктурная политика, а постоянная линия, определенная ХМІ съездом КПСС. Она отвечает как интересам всех трудящихся, так и делу мира во всем мире.

Эрландер может затронуть следующие конкретные вопросы.

О контактах между КПСС и СДПШ

Если Эрландер поинтересуется нашим отношением к поездке в СССР секретарей СДПШ (Андерссона и Туноорга) для установления контактов с ЦК КПСС, о чем с их стороны имел место зондаж в последнее время, сказать Эрландеру, что мы положительно относимся к такой поездке.

24

В 37

26629

17 ИЮН 1965

6-1 СЕКТОР

Направляется по указанию т.Громыко А.А.

Из дневника
БОНДАРЯ В.А.

21 июня 1965 года
№ 345/Осс

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ
с послом Швеции в СССР Г.Яррингом
19 июня 1965 года

Вечером, 19 июня, дежурный по Управлению Делами МИД СССР сообщил мне по телефону, что посол Швеции хочет срочно связаться с заведующим скандинавским отделом или со мной.

По согласованию с дежурным по секретариату министра (т.Слюсарь) позвонил Яррингу по телефону. Ярринг, сославшись на поручение МИД Швеции, сообщил, что премьер-министр Таге Эрландер просит, чтобы встреча между Мясниковым и Шварц, о которой говорилось во время беседы Эрландера с А.Н.Косыгиным 17 июня с.г., состоялась до 15 июля с.г.

Ярринг сообщил также, что 20 июня он вылетает в Улан-Батор, где намерен пробыть одну неделю.

Обещал довести сообщение посла до сведения руководства Отделом.

1-й СЕКРЕТАРЬ ОТДЕЛА
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН МИД СССР

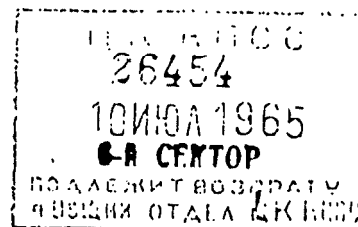
В.Бондарь

Верно: *[подпись]*
№ 5972-ГСНС

Направлена также т.Косыгину А.Н.

[подпись]

25
В 38
Разослать членам Президиума ЦК КПСС и
кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС.
10 июля 1965 года А.Громыко

Секретно. Экз. № 1

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

профессора директора Института терапии Академии
медицинских наук СССР А.Л.Мясникова со шведским
профессором Нанной Шварц

6 июля 1965 года

После обмена приветствиями А.Л.Мясников предлагает Н.Шварц приступить к обсуждению вопроса, ради которого она приехала в Москву.

Н.ШВАРЦ. Разрешите мне начать с того, что явилось фоном для моего интереса к вопросу о судьбе Рауля Валленберга.

В конце войны, а именно в 1945 году, я жила некоторое время в Москве у советского посланника в Швеции Александры Коллонтай. Она заболела в Стокгольме, и мне пришлось сопровождать ее в Советский Союз. Во время моего пребывания в Москве А.Коллонтай несколько раз посетил тогдашний посланник Швеции в СССР Седерблум. Мне стало известно, что темой бесед Седерблума с Коллонтай был вопрос о шведском дипломате Рауле Валленберге.

Позднее в шведской печати я прочла ответ А.Коллонтай на шведский запрос о судьбе Валленберга. В этом ответе Коллонтай говорилось, что Валленберг взят под защиту советскими властями и что с ним обращаются хорошо.

Когда я вернулась в Стокгольм, меня посетила моя старая знакомая, мать Рауля Валленберга. Теперь ее имя Май фон Дардель. Ее отец был директором Каролинской больницы, а ее муж - отчим Рауля Валленберга - в течение 12 лет служил администратором Каролинского института, где я в то время заведывала клиникой. Фон Дардель несколько раз просила меня сделать что-либо для ее сына. При этом она исходила из того, что у меня много друзей в Советском Союзе и что я близко знакома с Коллонтай. Фон Дардель рассказала некоторые детали относительно пребывания ее сына в Советском Союзе.

Я ответила ей, что я врач, а не политик, и не хотела бы заниматься этим вопросом.

Затем я получила приглашение академика Нестерова принять участие в ревматологическом конгрессе 1961 г. в Москве. Когда я узнала, что мне предстоит поездка в СССР, я постаралась прочесть все сведения о Рауле Валленберге на всякий случай, если это потребуется. Я тщательно ознакомилась с документами, содержащимися в изданной в 1957 году в Швеции "Белой книге" по делу Валленберга. При этом мне бросились в глаза некоторые детали. Я много раз слышала, что, как говорила Коллонтай министру иностранных дел Швеции, Валленберг находится в Советском Союзе и что он и его имущество взяты под защиту. Некоторые данные, содержащиеся в этой книге, я сочла особенно интересными.

В 1957 году МИД СССР официально сообщил, что Рауль Валленберг, судя по всему, умер 17 июля 1947 года в Лубянской тюрьме. Меня поразило то обстоятельство, что, как показали военнопленные, содержавшиеся в Лубянской и Лефортовской тюрьмах, через 10 дней после указанной даты их допрашивали, знают ли они Валленберга. Все допрошенные, за исключением одного, с Валленбергом в одной камере не сидели. И примечательно то, что эти лица по возвращении из СССР дали идентичные показания. Они говорили, что Валленберг был шведским дипломатом и в этом качестве занимался делами евреев в Будапеште во время войны. Они также указывали, что в результате перестукивания узнали, что Валленберг и его шофер Лангфельдер были задержаны в январе 1945 года в Будапеште и помещены в Лубянскую тюрьму. Позднее, в 1945 году, Валленберг был переведен из Лубянской в Лефортовскую тюрьму. Бывшие военнопленные говорили, что готовы под клятвой подтвердить истинность сообщенных ими сведений. Я еще раз хотела бы подчеркнуть то обстоятельство, что показания этих совершенно различных лиц были, за исключением несущественных деталей, аналогичными.

Далее интересным представляется тот факт, что 18 августа 1947 года от Вышинского пришла нота, в которой говорилось, что Валленберг неизвестен в Советском Союзе.

Таким образом, в течение 2-х месяцев произошло так, что Валленберг, согласно записке Смольцова, умер, затем через 10 дней проводились допросы различных военнопленных, выехавших затем из СССР, во время которых ставился вопрос, знают ли они Валленберга. При этом лица, допрошенные 27 июля 1947 года, знали, что допрос вели не представители администрации тюрьмы. Наконец, в ноте от 18 августа 1947 года говорилось, что Валленберг в Советском Союзе неизвестен.

После прочтения этих документов я начала думать, не следует ли мне попытаться выяснить судьбу Рауля Валленберга.

Перед моим выездом в Советский Союз в печати появилось сообщение, что три лица, которые сидели во Владимирской тюрьме в корпусах II и III, утверждают, что Валленберг в 50-х годах содержался в тюрьме во Владимире. Они говорили также, что Валленберг, вероятно, был болен, и у них были основания думать, что Валленберг находился в тюремной больнице. Об этих показаниях можно сказать, что они не так доказательны, как показания лиц, о которых я говорила раньше.

Таким образом, семья фон Дардель получила новые сведения о том, что Валленберг был жив после 1947 года.

Когда я приехала в Советский Союз в январе 1961 года, я предполагала вступить в контакт с заместителем министра иностранных дел Семеновым, которого я хорошо знаю по трем годам его пребывания в Стокгольме. Семенов исполнял обязанности посланника в периоды, когда Коллонтай болела. В Москве встретиться с господином Семеновым оказалось невозможным. После этого я начала искать других лиц, занимающих важное положение и известных своими высокими моральными качествами. Тогда-то я и подумала о профессоре Мясникове, который всегда относился ко мне самым дружественным образом. Я страшно колебалась, стоит ли мне вмешивать Вас, профессор Мясников, в это дело, но в конце концов пришла к выводу, что мне следует использовать все возможности.

Я рассказала Мясникову все сказанное мною сейчас, за исключением некоторых деталей. Я не рассказала Мясникову, в частности, о тех мыслях, которые появились у меня после прочтения "Белой кни-

ти и некоторых других документов. Я сказала профессору Мясникову, что, вне всякого сомнения, Валленберг находился в тюрьме в Советском Союзе. Казалось совершенно правдоподобным, что Валленберг был во Владимирской тюрьме в 50-х годах. Это говорила я, но не Мясников. Рассказав все это, я спросила профессора Мясникова, знает ли он о деле Валленберга. Профессор Мясников ответил "да". Я не нашла ничего странного в том, что Мясников знал дело Валленберга, поскольку к нему лично могли обращаться в связи с болезнью Валленберга.

Я пошла дальше и указала на то, что слышала, что Валленберг болен. Профессор Мясников ответил "да" и добавил, что "Валленберг в очень плохом состоянии. Он болен психически". (А.Л.Мясников жестом выражает свое удивление).

Наша беседа продолжалась еще некоторое время. Я хотела бы указать на некоторые малосущественные детали, относящиеся к этой беседе. Прежде всего я хотела бы еще раз подчеркнуть, что именно я рассказала профессору Мясникову о деле Валленберга, и профессор должен был несомненно понять, что он ведет разговор с человеком, который хорошо, хотя и не все, знает о деле Валленберга. Вот некоторые детали, относящиеся к нашей беседе в январе 1961 года.

Во время нашей беседы был известный мне советский профессор (А.Л.Мясников замечает, что академик Сперанский умер два года тому назад), а также заходил другой врач, с которым я говорила. В это время я писала на листе бумаги имя: "Атташе Рауль Валленберг". Этот листок я оставила у профессора Мясникова.

При следующей встрече профессор Мясников говорил, что я неправильно поняла его. Я получила письмо профессора Мясникова, в котором он пишет, что возникло какое-то недоразумение, по-видимому, в связи с тем, что Мясников плохо знает немецкий язык. Я, со своей стороны, должна сказать, что я много раз раньше разговаривала с Мясниковым на немецком языке и всегда хорошо понимала его. Мне очень жаль, что я причиняю профессору большие неприятности, но считаю, что было бы неправильным, если бы я не сказала то, что я слышала.

В моем письме Семенову и в письме профессору Мясникову я писала, что причиной большого интереса, который я проявляю к делу Валленберга, является то, что я хорошо знаю мать Рауля Валленберга. Она очень страдала из-за неизвестности о судьбе ее сына и со всеми, кто с ней встречался, говорила о своем сыне.

Другой причиной является то, что в данном случае речь идет о шведском дипломате, о котором говорили как о человеке беспримерного мужества. Он пытался выполнить очень тяжелое задание, которое ему было поручено - спасти человеческие жизни от нацистов.

Я слышала утверждения, что Валленберг якобы был шпионом. Я говорила со многими венграми и у меня сложилось убеждение, что он не мог быть шпионом ни в пользу немцев, ни в пользу американцев.

У нас в стране все думают, что Валленберг был жив еще в 1961 г. и был болен. Никто, кроме членов шведского правительства, не знает о моей беседе с Мясниковым. Я никогда не говорила фон Дардель о беседе с Мясниковым. В течение последних лет я стремилась избегать встреч с фон Дардель и не видела ее в течение года.

В Швеции все еще говорят часто о Валленберге, что он был шведским дипломатом, что он многих спас от смерти и газовых камер. Они понимают, что может быть временами руководство не знало, где находится Валленберг, может быть его перевели куда-то.

Во время последнего расследования, очевидно, не смогли узнать, где он был, трудно было выяснить все детали. Мы хорошо понимаем, что Валленберг мог быть в таких местах, которых руководство не знало. Но при тщательном глубоком расследовании, изучении шаг за шагом всех деталей можно было бы узнать, где он находится.

Вопрос о Валленберге много раз обсуждался между правительствами Швеции и СССР. С обеих сторон было послано большое число нот. Для обеих сторон лучше всего было бы, если бы в этот вопрос была внесена полная ясность. И в мире также очень высоко было бы оценено, если бы новое советское руководство попыталось изучить это дело и внести в него полную ясность. Я считаю, что было бы ошибкой думать, что в результате этого был бы подорван престиж или в какой-то степени нанесен ущерб Советскому Союзу. Большой источник недоверия был бы ликвидирован, если бы в вопрос о судьбе Валленберга была внесена ясность. Не думайте, что мы будем требовать расследования в деталях, если мы получим разъяснение в целом. Мы в Швеции во всяком случае рассматривали бы такой результат как великое деяние, и наша благодарность была бы огромной. Я убеждена, что все в мире, кто знает это дело, также расценили бы это как великое дело.

А.Л.МЯСНИКОВ. Прежде всего я хотел бы сказать, что большая часть очень длинной речи г-жи Шварц носит общеполитический характер, которую я лично не имею никаких оснований комментировать. В другой части эта речь имеет сугубо психологический характер, определяемый, очевидно, тем, что профессор Шварц близка семье, которая потеряла одного из членов и много страдала. Я разделяю некоторые чисто моральные соображения, которые объясняют вмешательство г-жи Шварц в это дело. Но, к сожалению, в этом деле я лично ничем не могу помочь. Моя персона здесь, по моему мнению, не должна была бы фигурировать.

Позвольте перейти к фактическим обстоятельствам разговора, с которым связано возникшее недоразумение. В начале нашей беседы в январе 1961 года г-жа Шварц рассказала об этом деле. Поэтому я и сказал, что теперь я знаком с этим делом. Повторяю, что до беседы со Шварц я никакого понятия не имел об этом деле и абсолютно не знал имени человека, самого слова Валленберг. Я познакомился с этим вопросом из рассказа г-жи Шварц и в интерпретации г-жи Шварц. Более того, я не мог ничего знать об этом деле. Всем известно, что я не имею и не имел ни малейшего отношения ни к тюрьмам, ни к тюремным больницам,

ни к военнопленным, ни вообще к военным. После окончания Отечественной войны я полностью гражданский человек. По линии специальных органов я никогда не приглашался к больным и поэтому я не мог видеть Валленберга. Я хорошо знаю, что я его не видел, и все знают, что я его не видел. Поэтому я думаю, что профессору Шварц показалось, будто бы я говорил, что я видел его.

Я говорил с г-жой Шварц совершенно дружески. И когда г-жа Шварц высказала убеждение, что Валленберг жив, предположив, что он болен, я ответил, что если Вы утверждаете, что он болен, то он может быть и болен. Ведь если предположить, что он жив, то можно предположить, что он болен. Я думаю, что именно в этих условных грамматических оборотах и кроется причина того, что Вы ошибочно поняли мои слова. Я говорил с Вами дружески и не думал, что Вы имеете официальное или полуофициальное поручение по выяснению этого дела. Если бы я знал это, я обязательно пригласил бы переводчика и вел беседу с его помощью. Я утверждаю, что профессор Шварц неправильно поняла мой плохой немецкий язык. У меня не было никаких оснований говорить о том, что г-жа Шварц приписывает мне. У нас всем ясно, что я не мог иметь никакого отношения к судьбе одного из военнопленных. Кстати, во Владимире я не был до 1963 года, когда я ездил туда с сыновьями, чтобы посмотреть знаменитые соборы. Что касается специальных учреждений в Москве, то я не имел и не имею к ним никакого отношения.

Я помню, Вы попросили меня поговорить с Хрущевым о Валленберге. Я ответил Вам, как Вы помните, что я не имею контактов с Хрущевым, что он полностью здоров и что я его не лечу. Вы спросили, к кому Вам следует обратиться. Я несколько раз говорил Вам, что надо обратиться в МИД СССР. Я Вам дал телефон В.С.Семенова, сам звонил ему и говорил о Вашей просьбе.

В конце беседы уже перед прощанием я, на основании того, что Вы мне рассказали, высказал убеждение, что Валленберг мертв. На это Вы очень эмоционально воскликнули, что это неправда, он жив. Я не мог с Вами спорить, потому что я ничего не знал об этом деле. Здесь, как я почувствовал, у Вас какая-то "идея-фикс". У всех они бывают, эти "идеи-фиксы".

Н.ШВАРЦ. Я хотела бы внести поправки в некоторые заявления профессора Мясникова. Я никогда не говорила, что Мясников видел или лечил Валленберга. Я говорила, что Мясников знает это дело.

А.Л.МЯСНИКОВ. Только с Ваших слов.

Н.ШВАРЦ. Профессор Мясников сказал, что я, возможно, имела полуофициальное поручение. Я абсолютно не имела ни официального, ни полуофициального поручения. Я действовала исключительно как частное лицо.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я могу согласиться с этим. Но результат был таким. Вы сказали, что доложили правительству о нашей беседе. Если бы я знал Ваше намерение, я сделал бы стенограмму беседы и дал бы ее Вам.

Н.ШВАРЦ. Я никогда не говорила, что профессор Мясников является лечащим врачом Хрущева.

Исключительно печально то, что мы не можем прийти к единому мнению по этому вопросу.

А.Л.МЯСНИКОВ. Что Вы имеете в виду?

Н.ШВАРЦ. Речь идет о двух фразах: 1) профессор Мясников сказал, что он знает дело Валленберга. Из каких источников он знает это дело, об этом мне ничего не известно; 2) Мясников сказал, что Валленберг тяжело болен. Я не знаю, на каком основании Мясников сказал это.

Лично я много сделала для Вас, профессор Мясников, но я не могу отказаться от того, что я слышала от Вас.^{х)}

Давайте подумаем над тем, действительно ли в обнаруженном в 1957 г. документе идет речь о Валленберге. Почему Советское правительство не идет на созыв конференции с участием других лиц? Сообщение о смерти Валленберга было ошибочным, ибо, очевидно, там шла речь совсем о другом человеке.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я никак не могу понять, почему Вы ставите этот вопрос в таком широком плане в институте терапии. Я не дипломат, не представитель правительства, не юрист.

х) А.Л.Мясников полагает, что речь идет, очевидно, об инициативе Н.Шварц в приглашении СССР и ряда видных советских терапевтов, в том числе А.Л.Мясникова на III конгресс по внутренней медицине в Стокгольм в 1954 г., а также о помощи Н.Шварц при вступлении Всесоюзного общества терапевтов в Международную организацию по внутренней медицине.

Я не компетентен обсуждать это дело. Я не имею к нему никакого отношения, никогда не видел Валленберга, не знаю его и прошу уволить меня от дальнейшего обсуждения со мной этого вопроса.

Я часто встречаюсь с учеными из заграницы и ни разу никто, имея достаточно такта, не задавал мне политических вопросов. Я специалист по кардиологии и думал, что Вы будете говорить со мной о кардиологии. Когда же Вы заговорили об этом деле, то я из чисто человеческих чувств не стал вам перечить. И потом многократно повторял, чтобы Вы не обсуждали со мной эти вопросы. Они не входят в круг моих обязанностей как ученого.

На Ваш вопрос тогда я отвечал сослагательно, так как я не мог сказать ни "да", ни "нет". Если я не знаю дела, то я не говорю ни "да", ни "нет". Поэтому я думаю, что Вы поняли меня неправильно.

Что касается Хрущева, то Вы не будете отрицать, что Вы говорили со мной о Хрущеве. Во всяком случае Вы просили меня обратиться к Хрущеву по делу Валленберга.

Остаются два вопроса.

Вы утверждаете, что я говорил, что я знаю дело Валленберга и знаю, что он болен. Я это категорически отрицаю. Я этого дела не знал и, по моему положению, не мог знать. Поэтому возникшее недоразумение я отношу к моему плохому знанию немецкого языка. Вы неправильно перевели и поняли мои слова.

Мне кажется, Вам надо принять то, что я говорю. Недоразумение возникло в связи с неопределенностью моих суждений, обусловленной тем, что я ничего не знал и не знаю об этом деле.

Н.ШВАРЦ. Я хорошо понимаю, как неприятно поднимать политические вопросы в беседах с коллегой. Я надеюсь, что профессор Мясников будет свободно ездить за границу и приедет в сентябре в Швецию. Я повторяю приглашение Союза шведских врачей и профессора Бьерка профессору Мясникову прибыть в Швецию в сентябре для чтения лекций.

Теперь позвольте мне вновь вернуться к этим двум вопросам. Как бы я лично ни хотела пойти Вам, профессор Мясников, навстречу и взять на себя вину, я не могу этого сделать.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я беру на себя часть вины за возникшее недоразумение. Я признаю, что мой немецкий язык плох. Моя речь была неясной. Что еще я могу сказать.

Н.ШВАРЦ. Я всегда хорошо понимала Вас, профессор Мясников, и в этом отношении я уступить не могу.

А.Л.МЯСНИКОВ. Но почему после всего сказанного мною Вы не хотите верить, что я не видел, не мог видеть и знать что-либо о Валленберге. Я выразился так, как я выразился. Вы поняли меня так, как Вы поняли. Значит, Вы оказались жертвой моего плохого языка.

Я даже готов признать, что я, может быть, не понимал точно Ваших вопросов. Я искренне хочу рассеять возникшее недоразумение. Это же аксиома - я не знал и не мог ничего знать об этом деле. Если бы я стал утверждать, что я знаю Валленберга, то меня сочли бы сумасшедшим. Я не мог его видеть и не мог ничего знать о нем.

Я никогда не был ни в тюрьмах, ни в лагерях, я никогда не имел дела со специальными органами. Я прошу понять, что наша беседа в ее политической части основывается на недоразумении. По этому вопросу я больше говорить не буду. Вопросы о претензиях вашего правительства к нашему правительству должны решаться дипломатическим путем. Вы говорите, у Вас не верят в смерть этого человека, это - другой вопрос. Хотите верьте, хотите нет. Но меня в это дело, в дискуссию по нему, прошу не впутывать. Я не имею никаких оснований участвовать в этом. Я - не сотрудник МИД. Я ничего не знаю. Я встречался раньше с вашим послом Сульманом, бывал на приемах у него. Но он никогда не обращался ко мне с подобными вопросами.

А если бы он у меня спросил, то я ответил бы ему то же самое, что я сказал господину послу Яррингу и Вам, г-жа Шварц.

Н.ШВАРЦ. Для меня вполне понятно, что профессор Мясников не занимается политическими вопросами. Я думаю и верю, что профессор Мясников впервые оказался втянутым в политическое дело. Я никогда не говорила, что Мясников посещал тюрьмы. Что касается Ваших слов о поручении, то я вновь повторяю, что у меня не было поручения. Но когда я вернулась из Москвы, то я сочла своей обязанностью доложить о нашей беседе моему правительству.

А.Л.МЯСНИКОВ. Вот это плохо, Вы поставили свое правительство в ложное положение. На основании беседы с частным лицом Вы ввели в заблуждение свое правительство.

Вы говорили, что Вы не имели какого-либо официального или полуофициального поручения. Если бы я знал, что Вы о нашей беседе будете сообщать правительству, я пригласил бы стенографистку и дал бы Вам стенограмму нашей беседы.

Я могу сказать только, что если все Ваши сведения по этому делу имеют такое же основание, что и Ваши ссылки на беседу со мной, то дело вообще плохо. Нельзя основывать действия правительства на пустой болтовне.

Н.ШВАРЦ. Может быть мне и не следовало бы тотчас докладывать о нашей беседе правительству. Однако я еще раз подчеркиваю, что никаких заданий я не имела.

Что касается показаний пленных, то они были получены в результате специально организованных допросов. Эти показания были изучены двумя высококвалифицированными юристами, и нет оснований сомневаться в их правильности. Лично я считаю, что человек, о смерти которого говорится в записке Смольцова, был не Рауль Валленберг.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я еще раз рекомендовал бы Вам обсуждать этот вопрос в другом месте.

Н.ШВАРЦ. Я упомянула о пленных только потому, что Вы затронули их показания.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я доволен тем, что Вы начинаете понимать, что наш разговор основан на недоразумении.

Н.ШВАРЦ. Наш разговор не изучен юристами.

А.Л.МЯСНИКОВ. Об этом не может быть и речи. Два лица выступают с утверждениями противоположного характера, а свидетелей нет. Поэтому нет и оснований для юридического разбирательства.

Н.ШВАРЦ. Некоторый интерес представляет то, что при нашей беседе были Сперанский и другой врач.

А.Л.МЯСНИКОВ. Сперанский умер два года тому назад.

Я согласился вновь встретиться с Вами с расчетом, чтобы попытаться прийти к единому мнению о том, что происшедшее объясняется исключительно недоразумением. Я уже все сказал. Я изложил то, что, по моему мнению, лежит в основе недоразумения. Я виню в этом деле не только Вас, но прежде всего себя. Но если бы я знал, что Вы будете говорить о каких-то юристах, то я отверг бы предложение о встрече как недостойное.

Н.ШВАРЦ. Я затронула вопрос об юридической проверке показаний лишь потому, что наша беседа коснулась этих показаний. В мои намерения не входило предлагать Вам какое-либо юридическое разбирательство. Но это тем не менее не мешает мне оставаться на моей точке зрения.

А.Л.МЯСНИКОВ. Будучи ученым, я хотел бы уяснить для себя, почему Вы продолжаете утверждать, что я видел или знал о Валленберге до нашей встречи в 1961 году. Неужели после всех разъяснений Вы продолжаете верить в свою версию, которая строится на разговоре, проходившем четыре года тому назад на плохом немецком языке. Удивительно!

Н.ШВАРЦ. Профессор Мясников пытается представить дело так, что он не знал о деле Валленберга. Но я предполагаю, что профессор Мясников что-то знал о каком-то лице; я предполагаю, что профессор Мясников что-то слышал от другого лица о деле Валленберга.

А.Л.МЯСНИКОВ. Но и это предположение неправильно. Об этом деле я ничего не знал и ничего не слышал до нашей с Вами встречи в январе 1961 года. Вы должны понять: война — это тяжелый период. После войны у отдельных людей были очень тяжелые

судьбы. У нас в Советском Союзе бывали случаи, когда некоторых солдат считали погибшими, родные получали похоронные, а они после войны возвращались домой из плена. Это описано и в нашей художественной литературе. Бывало и так, что жена, не дождавшись с фронта мужа, вновь выходила замуж. Возвращался первый муж, и у женщины оказывалось два живых мужа. Это описано. Я представляю себе всю сложность судьбы людей, попавших в этот котел войны. Поэтому-то я и говорил с Вами, прибегая к условным оборотам. Очевидно, поэтому и была возможность воспринять мои слова так, как Вы их поняли. Я допускаю в общем такую возможность. Но что касается дела Валленберга, то я никогда, до Вашего прихода в институт, ничего о нем не слышал, тем более не мог его видеть.

Н.ШВАРЦ. Я не утверждала, что Вы видели Валленберга.

Мы надеялись, что с Валленбергом может произойти то же самое, что произошло и с советскими людьми, которых считали погибшими и которые затем возвратились домой живыми.

А.Л.МЯСНИКОВ. Это дело правительственных организаций. Я думаю, что вряд ли был бы смысл держать в Советском Союзе какого-то Валленберга, если бы он был жив. Для чего? Если бы его нашли, вам бы его давно отдали. Вы хотите, чтобы были усилены розыски, так об этом следует говорить не мне.

Н.ШВАРЦ. Я согласна, что такой вопрос не может быть решен между нами. Но то, что люди встречаются и обсуждают этот вопрос, тоже ценно. Я должна сказать, что со стороны шведского правительства было сделано много. Но я хотела бы еще раз подчеркнуть, что я действовала не по официальному поручению; единственной причиной, побудившей меня обратиться к Вам, была просьба матери Валленберга.

Еще один вопрос, о котором говорит вся Швеция. Шведы удивляются, почему бы не просмотреть все документы, относящиеся к этому делу. Я должна высказать мое совершенно определенное убеждение, что я не могу согласиться с тем, что я якобы неправильно поняла Ваши высказывания. Я, к сожалению, должна настаивать на том, что Вы мне сказали. Вы сказали, что

Валленберг болен психически и находится в больнице. Вы хотите, чтобы я согласилась с тем, что Вы предложили сегодня, а именно, что тогда в нашей беседе произошло недоразумение. Но я со своей стороны должна сказать, что, выезжая сюда, я тоже надеялась на положительный результат.

А.Л.МЯСНИКОВ. Что же Вы понимаете под положительным результатом?

Н.ШВАРЦ. Я думала, что Мясников, во-первых, подтвердит, что он знает о Валленберге. Я полагала, что Мясников знал это дело.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я этого дела не знал. Все это сплошная нелепость.

Н.ШВАРЦ. Второй пункт. Мое твердое убеждение, что профессор Мясников знал, что Валленберг психически болен и находится в больнице.

А.Л.МЯСНИКОВ. Первый пункт я отвергаю. Но дело не в этом. Ведь Вы допускаете, что я не знал имени Валленберга, но что я мог слышать о подобном другом человеке. Это — допущение. Имя Валленберга я долго не мог запомнить. Только потом, через другие каналы, я узнал, о чем же идет речь.

Что касается второго пункта, то я сказал Вам, что может быть этот человек жив, может быть нет, я не знаю, в больнице ли он или здоров. Вы не будете отрицать, что в конце беседы я высказал убеждение, что этот человек умер. Но Вы тогда воскликнули: "Нет, он жив!". Я же не мог знать, жив ли этот человек или нет. Но поскольку его не передают шведскому правительству, значит передавать нечего, значит его нет в живых.

Н.ШВАРЦ. Точно вот эти слова Вы сказали мне 28 марта 1961 года^{х)} после Вашей беседы с Хрущевым.

А.Л.МЯСНИКОВ. Это я говорил в беседе в январе 1961 года.

^{х)} См. примечание на стр. 16.

Н.ШВАРЦ. Я не могу согласиться, что было недоразумение. Я точно знаю, что перед тем как я приехала сюда в конце марта, у Вас была беседа с Хрущевым.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я никогда не встречался с Хрущевым. Я лишь видел Хрущева и других членов политбюро во время болезни Сталина. Видел его на демонстрациях на Красной площади. Но ни разу не видел Хрущева позднее.

Н.ШВАРЦ. Я не сама выдумала эти вещи. Я знаю, что Хрущев плохо воспринял письмо нашего премьер-министра. Я думаю, что было бы правильным придерживаться январской беседы. Я могла бы еще кое-что сказать, но не считаю это желательным.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я не намерен отходить от своего толкования.

Н.ШВАРЦ. Я понимаю, что если Советское правительство будет тщательно расследовать это дело, то не будет необходимости специально разбирать наш разговор, который проходил без свидетелей. Но следует изучить другие показания.

Мы надеемся, что это дело будет подвергнуто более глубокому расследованию, которое покажет, что ссылки на 1947 год являются ошибочными. Это должно быть ошибкой. Ведь утверждают, что Валленберг умер 17 июля 1947 года. Но есть показания о допросах 27 июля 1947 года. Есть показания, свидетельствующие о том, что Валленберг был жив и позднее.

А.Л.МЯСНИКОВ. Вы вновь выходите за рамки цели, которая стоит перед нашей встречей. А поскольку это так, то такое обсуждение следует прекратить. Я считаю, что мы обсудили вопрос, ради которого мы встретились.

Н.ШВАРЦ. Я не думаю, что мы пойдем дальше и достигнем большего.

Но я надеюсь, что профессор Мясников 21 сентября прибудет в Стокгольм и, поскольку мы сегодня обсудили вопрос о Валленберге, у нас не будет необходимости обсуждать его в Стокгольме.

А.Л.МЯСНИКОВ. Я благодарю профессора Шварц, профессора Бьерка и Союз шведских врачей за приглашение, но, к сожалению, я не смогу приехать в Швецию в сентябре. Я был в мае в Швейца-

рии, в конце года возможно поеду в США. Не могу я все время отсутствовать. Я должен руководить институтом. Сейчас у нас много работы - институт реставрируется.

Н.ШВАРЦ. Я весьма сожалею. Поездка в Стокгольм не отняла бы у Вас много времени. Самолетом - это только два часа. Можно сегодня приехать, прочесть лекцию и завтра вернуться домой.

А.Л.МЯСНИКОВ. Во всяком случае благодарю за приглашение.

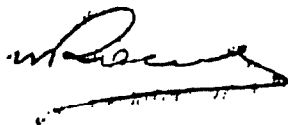
Беседа состоялась в служебном кабинете А.Л.Мясникова в Институте терапии АМН СССР и продолжалась 2 часа 45 минут.

На беседе присутствовали: со шведской стороны - посол Швеции в СССР Г.Ярринг, с советской - советник Отдела скандинавских стран МИД СССР Г.Н.Фарафонов. Беседу переводил атташе ОСС И.А.Косачев.

Примечание: После беседы нами был задан А.Л.Мясникову вопрос, о какой встрече 28 марта 1961 г. говорила Шварц. А.Л.Мясников сказал, что это вымысел Шварц, никакой встречи Мясникова со Шварц 28 марта не было. Шварц действительно приходила в Институт терапии, но Мясников предупредил своего секретаря, и, когда ему сообщили, что Шварц пришла, Мясников ушел из Института черным ходом. Мясников предупредил также жену, чтобы она, если Шварц будет звонить домой, сказала, что его нет дома. Шварц на квартиру Мясникова не звонила.

Беседу записали:

Г.Фарафонов
И.Косачев

Верно:

Ц К К П С С

В памятной записке, переданной МИД Швеции совпосольству в Стокгольме 3 января с.г., шведское правительство обратилось с просьбой к Советскому правительству провести новое расследование по некоторым вопросам, связанным с судьбой шведского дипломата Р.Валленберга, задержанного советскими войсками в конце второй мировой войны в Будапеште и умершего в Лубянской тюрьме в июле 1947 г., о чем было официально сообщено шведам в 1957 и 1965 гг. (№ П 72/14 от 5 февраля 1957 г. и № П 201/94 от 7 мая 1965 г.).

В своем новом обращении шведское правительство ссылается, в частности, на полученные им сведения о том, что Валленберг якобы находился в советских тюрьмах по крайней мере вплоть до 1975 г.

МИД СССР считает целесообразным в ответе правительству Швеции вновь подтвердить существо нашей позиции по делу Валленберга, изложенной ранее. При этом можно было бы также сообщить, что, как показала дополнительная проверка, сведения, на которые ссылается правительство Швеции в своем обращении от 3 января с.г., не соответствуют действительности.

С КГБ СССР (т.Андропов) согласовано.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

В. Мальцев
В. Мальцев

"22" января 1979 года

№ 53/ГС

Секретно. Экз. № I

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Об ответе правительству Швеции по делу
Р.Валленберга

Утвердить проект памятной записки для передачи МИД
Швеции (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Советское правительство еще в 1957 году официально сообщило правительству Швеции о том, что, как показало тщательное и исчерпывающее расследование, Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Повторное рассмотрение документов, относящихся к этому делу, предпринятое по просьбе правительства Швеции в 1965 году, подтвердило, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга нет и не может быть ничего нового.

Этот же вывод со всей определенностью подтвержден и результатами проверки сведений, на которые ссылается правительство Швеции в своем обращении от 3 января с.г. Утверждения о том, что Р.Валленберг якобы находился в Советском Союзе по крайней мере вплоть до 1975 года, не соответствуют действительности.

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П139/65

Т.т.Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко,
Суслову, Пономареву, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 139 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 23 января 1979 года

Об ответе правительству Швеции по делу Р.Валленберга.

Утвердить проект памятной записки для передачи МИД Швеции
(прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату в 7-дневный срок в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)

Ц К К П С С

В последнее время шведские представители, в том числе на правительственном уровне, поднимают вопрос о судьбе шведского дипломата Р.Валленберга, задержанного советскими войсками в конце второй мировой войны в Будапеште и умершего в Лубянской тюрьме в 1947 г., о чем было официально сообщено правительству Швеции в 1957 г. и неоднократно подтверждалось позднее.

В январе с.г. в связи с обращением шведского правительства к Советскому правительству шведам было вновь заявлено, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга нет и не может быть ничего нового и что утверждения о его нахождении в Советском Союзе после 1947 г. не соответствуют действительности (№ П 139/85⁶⁵ от 23 января 1979 г.).

Тем не менее премьер-министр Швеции У.Ульстен 22 августа с.г. обратился с письмом на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина с просьбой провести новое расследование о Валленберге ссылаясь на "дополнительные сведения", полученные шведским правительством, в частности от советского гражданина Я.Каплана, отбывающего в настоящее время наказание в тюрьме. Хотя со шведской стороны была сделана оговорка, что обращение Ульстена носит "личный" характер, его содержание уже опубликовано в печати Швеции и используется во враждебных нам целях в предвыборной кампании накануне предстоящих 16 сентября с.г. выборов в парламент.

МИД СССР считает целесообразным подтвердить премьер-министру Ульстену через совпосла существо нашей позиции, изложенной пра-

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Советское правительство еще в 1957 году официально сообщило правительству Швеции о том, что, как показало тщательное и исчерпывающее расследование, Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Повторное рассмотрение документов, относящихся к этому делу, предпринятое по просьбе правительства Швеции в 1965 году, подтвердило, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга нет и не может быть ничего нового.

Этот же вывод со всей определенностью подтвержден и результатами проверки сведений, на которые ссылается правительство Швеции в своем обращении от 3 января с.г. Утверждения о том, что Р.Валленберг якобы находился в Советском Союзе по крайней мере вплоть до 1975 года, не соответствуют действительности.

вительству Швеции ранее, подчеркнув, что советская сторона считает вопрос о Р.Валленберге исчерпанным.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А. Г. Яковлев

" 7 " сентября 1979 года

№ 771/ГС

Секретно. Экз. № I

~~Проект~~

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

Об ответе премьер-министру Швеции У.Ульстену
по делу Р.Валленберга

Утвердить проект указаний совпослу в Стокгольме (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

к № 771/ГС

У. Ульстен
17

СТОКГОЛЬМ

СОВПОСОЛ

Посетите премьер-министра У.Ульстена и скажите, что в связи с его письмом от 22 августа с.г. на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина Вам поручено заявить следующее.

"По просьбе шведской стороны неоднократно проводилось рассмотрение материалов и сведений, относящихся к делу Р.Валленберга, фактическая сторона которого была изложена правительству Швеции еще в 1957 году.

Хотя советская сторона убеждена в том, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга, умершего в июле 1947 года, нет и не может быть ничего нового, она с должным вниманием относилась к обращениям шведской стороны. Соответствующим советским органам поручалось самым тщательным образом проверить все сведения, на которые в разное время ссылалась шведская сторона.

- Все утверждения о том, будто Р.Валленберг находился в Советском Союзе после 1947 года, не соответствуют действительности. Этот вывод в полной мере относится и к "заявлениям свидетелей", которые упоминаются в обращении правительства Швеции от 3 января с.г., а также в письме премьер-министра Швеции от 22 августа с.г.

Считая таким образом вопрос о Р.Валленберге исчерпанным, Советское правительство не может не выразить сожаления, что правительство Швеции, вместо того, чтобы отвергнуть разного рода домыслы и спекуляции, находит возможным ставить под сомнение искренность советской стороны в этом деле.

В Советском Союзе глубоко убеждены, что взаимное доверие правительств и народов обеих стран является неременным условием дальнейшего развития советско-шведского добрососедства, в чем обе наши страны заинтересованы в равной степени".

Исполнение телеграфируйте.

к № 771/ГС

В. Г. Г. Г. Г.
71-5

5
Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П168/20

Т.т.Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко,
Сулову, Пономареву, Замятину, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 168 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 18 сентября 1979 года

Об ответе Премьер-Министру Швеции У.Ульстену по делу
Р.Валленберга.

Утвердить проект указаний совпослу в Стокгольме (при-
лагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату в 7-дневный срок в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)

Секретно

СТОКГОЛЬМ

СОВПОСОЛ

Посетите Премьер-Министра У.Ульстена и скажите, что в связи с его письмом от 22 августа с.г. на имя Председателя Совета Министров СССР А.Н.Косыгина Вам поручено заявить следующее.

"По просьбе Шведской Стороны неоднократно проводилось рассмотрение материалов и сведений, относящихся к делу Р.Валленберга, фактическая сторона которого была изложена правительству Швеции еще в 1957 году.

Хотя Советская Сторона убеждена в том, что в вопросе о судьбе Р.Валленберга, умершего в июле 1947 г., нет и не может быть ничего нового, она с должным вниманием относилась к обращениям Шведской Стороны. Соответствующим советским органам поручалось самым тщательным образом проверить все сведения, на которые в разное время ссылалась Шведская Сторона.

Все утверждения о том, будто Р.Валленберг находился в Советском Союзе после 1947 года, не соответствуют действительности. Этот вывод в полной мере относится и к "заявлениям свидетелей", которые упоминаются в обращении правительства Швеции от 3 января с.г., а также в письме Премьер-Министра Швеции от 22 августа с.г.

Считая, таким образом, вопрос о Р.Валленберге исчерпанным, Советское правительство не может не выразить сожаления, что

правительство Швеции вместо того, чтобы отвергнуть разного рода домыслы и спекуляции, находит возможным ставить под сомнение искренность Советской Стороны в этом деле.

В Советском Союзе глубоко убеждены, что взаимное доверие правительств и народов обеих стран является неременным условием дальнейшего развития советско-шведского добрососедства, в чем обе наши страны заинтересованы в равной степени".

Исполнение телеграфируйте.

Коммунистическая Партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П22/69

Т.т.Горбачеву, Рыжкову, Чебрикову, Шеварднадзе,
Добрынину, Смиртыкову.

Выписка из протокола № 22 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 24 июля 1986 года

Об ответе на обращение Премьер-Министра Швеции И.Карлссона
относительно Р.Валленберга.

Утвердить текст указаний совпослу в Стокгольме (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату в 7-дневный срок в ЦК КПСС
(Общий отдел, 1-й сектор)

12-ие
ав

Секретно

СТОКГОЛЬМ

СОВПОСОЛ

Посетите Премьер-Министра Швеции И.Карлссона и скажите ему следующее.

"В связи с Вашей просьбой, высказанной в беседе с Председателем Совета Министров СССР Н.И.Рыжковым, о дополнительной проверке материалов, связанных с судьбой Рауля Валленберга, мне поручено сообщить о следующем.

Дополнительная проверка материалов, связанных с судьбой Рауля Валленберга, показала, что, как уже сообщалось Шведской Стороне в 1957, 1965 и 1979 годах, Р.Валленберг умер в июле 1947 г. в Лубянской тюрьме предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда.

Советская Сторона считает вопрос о Р.Валленберге исчерпанным".

Исполнение телеграфируйте.